

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

I

11

Handwritten text, possibly a library stamp or note, oriented vertically.

Biblioteka Główna
Uniwersytetu Gdańskiego

1100186392

158158

1019-87660

10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

4.10.57.0

WYDZIAŁ PEDAGOGIKI
KATEDRA METODYCZNEJ PEDAGOGIKI

WYDZIAŁ PEDAGOGIKI

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. М. ДЬЯКОВ

Купца

~~0378428~~
/1

C1151828

BIBLIOTEKA
WYŻSZEJ SZKOŁY PEDAGOGICZNEJ
GDAŃSKU

№ inw⁺ 15133

K/1952

22

WYDZIAŁ PEDAGOGIKI
KATEDRA METODYCZNEJ PEDAGOGIKI

5,20

Доктор исторических наук

А. М. ДЬЯКОВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ ИНДИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война, в результате которой произошли существенные изменения в международной обстановке, резко обострила общий кризис капитализма и, в частности, кризис колониальной системы империализма; война привела также к коренному изменению политической обстановки в Индии.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией и выпадение из системы капитализма ряда стран центральной и юго-восточной Европы, развитие национально-освободительного движения в странах юго-восточной Азии, историческая победа китайского народа в борьбе за независимость, создание Китайской народной республики, установление народно-демократического режима в Северной Корее, а также усиление влияния коммунистических партий в ряде стран Европы — все это означало рост сил демократии и ослабление сил империализма, в том числе и английского. Но и внутри империалистического лагеря соотношение сил изменилось не в пользу Англии, США заняли главенствующее положение в империалистическом мире, и Англия в значительной мере подпала под их влияние. Влияние американского капитала в английских доминионах и колониях укрепилось.

В Индии обстановка также сложилась неблагоприятно для английского империализма. В годы войны антианглийское движение в стране не прекращалось, а после войны оно приняло особенно широкий размах. Противоречия между английским империализмом и индийской буржуазией были более остры во время второй мировой войны, чем в период первой. Индийские князья и феодальные помещики оказались недостаточной опорой английского господства в Индии. Рознь между мусульманами и индусами, усиленно разжигавшаяся

англичанами и дававшая им возможность раскалывать национально-освободительное движение, хотя и обострилась во время войны благодаря начатому Мусульманской лигой движению за образование Пакистана, однако не смогла расколоть массовое антианглийское движение.

Во время выступления масс против английского правительства осенью 1945 г. и весной 1946 г. (движение протеста против суда над так называемой Индийской национальной армией, восстание моряков и др.) индусы и мусульмане выступали совместно. Английские правящие круги поняли, что индийский народ не хочет жить по-старому, а они не смогут управлять Индией так, как они управляли ею раньше. Отсюда появилось стремление в английских правящих кругах к сговору с индийской буржуазией, которая в тот период через Национальный конгресс оказывала огромное влияние на национальное движение, держа его под своим контролем. В этих целях английские правящие круги пошли на уступки имущим классам Индии. Они расчленили предварительно Индию на два доминиона, отдав в Пакистане власть Мусульманской лиге, выражающей интересы мусульманских помещиков и компрадорской буржуазии, а в Индийском союзе — блоку крупной индийской буржуазии и помещиков, представляемому Национальным конгрессом.

Имущие классы Индии, уже не только феодальные помещики и князья, но также и крупная буржуазия, допущенные к управлению страной, боясь народного движения не менее английских правящих кругов, стали союзниками англичан, их пособниками в эксплуатации трудящихся масс Индии. Пальм Датт в своей статье «Борьба народов колониальных стран против империализма» пишет: «Если раньше в своей борьбе против национально-освободительного движения, руководимого в более развитых колониальных странах промышленной буржуазией, империализм опирался главным образом на феодальные элементы и на некоторые торговые слои, то теперь империализм стремится установить союз непосредственно с крупной колониальной буржуазией, что наиболее ярко видно на примере Индии»¹.

Расчленение Индии вовсе не означает, как это утверждают английские правящие круги и индийские капиталисты и помещики, освобождения Индии от гнета иноземного империализма. Индия попрежнему остается аграрно-сырьевым придатком английского империализма, т. е. по существу колонией, но

¹ «За прочный мир, за народную демократию!», №№ 20—21, 18 октября — 1 ноября 1948 г.

некоторое расширение политических прав имущих классов Индии имело своим следствием появление в этой стране черт, свойственных полуколониям. Английский империализм управляет теперь Индией и Пакистаном не непосредственно, а через «национальные» правительства. Ввиду некоторого ослабления политической зависимости новых доминионов от Англии в них гораздо больше, чем до второй мировой войны, стал проникать американский капитал. Но эти моменты не делают Индию и Пакистан независимыми странами. Их зависимость от английского и американского капитала после второй мировой войны стала даже несколько возрастать.

Но если в отношениях между Индией и Англией в результате расчленения Индии и предоставления Индийскому союзу и Пакистану прав доминиона произошли небольшие, главным образом формальные изменения, то политическая обстановка внутри страны, расстановка классовых сил в ней изменились в корне. Ряд вопросов, которые до второй мировой войны выдвигались на первый план политической жизни Индии, сейчас отошли на второй план и, наоборот, ряд процессов, которые находились лишь в зародышевом состоянии, получают теперь полное развитие и выдвигаются на первый план политической жизни обоих вновь образованных доминионов. Поэтому мы с полным основанием можем говорить о том, что в освободительной борьбе народов Индии наступил новый этап.

Характерными чертами нового этапа являются: подъем рабочего движения и превращение рабочего класса в руководящую силу народно-освободительной борьбы против иноземного империализма и своего, «домашнего», реакционного блока крупной буржуазии, помещиков и князей; рост массового крестьянского движения, направленного против феодальных князей и помещиков и местами перерастающего в крестьянские восстания (Телингана); сговор с английским и американским империализмом не только индийских помещиков и князей, которые и ранее являлись союзниками английского империализма, но и крупной индийской буржуазии; образование в Индии и Пакистане реакционного блока крупной буржуазии, феодальных помещиков и князей.

Расчленение Индии на два доминиона, созданные на религиозно-общинной основе, придало иной характер политике противопоставления индусов и мусульман и разжигания религиозной розни. Использование религиозной розни английским империализмом осуществляется в настоящее время главным образом путем обострения противоречий и провокации столкновений между Пакистаном и Индийским союзом. Внутри

Индийского союза и Пакистана разжигание религиозно-общинной розни после огромного взрыва ее, последовавшего немедленно вслед за расчленением Индии, практикуется правящими кликами обоих государств, главным образом в Бенгале и Пенджабе, тогда как в остальных районах значение этой политики уменьшилось. Обострение классовых противоречий вызвало объединение, с одной стороны, трудящихся всех религиозных общин для борьбы за полную независимость страны и за ликвидацию в ней всех пережитков феодализма, господства крупной буржуазии, а с другой стороны, привело к созданию реакционных блоков буржуазии и помещиков, которые включают в себя эксплуататорские классы всех религиозных общин.

Полностью подтвердилось то положение, что индусско-мусульманская проблема, которая, по уверению английских авторов из правящего лагеря (Куплэнд и др.), являлась центральной проблемой индийской политической жизни, в действительности сознательно выпячивалась на первый план английскими правящими кругами посредством тщательно разработанной политики противопоставления индусов мусульманам. И в настоящее время господствующие в Индии и Пакистане клики прибегают к разжиганию религиозной розни, но эта политика играет теперь менее важную роль, чем ранее. Основная политическая линия как господствующих классов Пакистана, так и господствующих классов Индийского союза заключается в укреплении союза представителей всех эксплуататорских классов вне зависимости от религии в единый реакционный блок для подавления нарастающего рабочего и крестьянского движения. Расчленение Индии показало также, что политика превращения низших, так называемых неприкасаемых, каст в опору империализма и реакции потерпела полный крах. Проблема неприкасаемых не разрешена не только в Индийском союзе, но и в Пакистане. Теперь стало совершенно ясным, что это — классовая проблема, что ее нельзя разрешить путем объявления равенства перед законом представителей всех каст, она может быть разрешена только упразднением помещичьего землевладения и наделением землей сельскохозяйственных рабочих, в огромной части происходящих из неприкасаемых. Она может быть разрешена путем улучшения положения рабочих и ликвидации кастовой дискриминации на предприятиях. Стало также очевидным, что как английские империалисты, так и имущие классы Индии и Пакистана не в состоянии разрешить ее, ибо они заинтересованы в эксплуатации неприкасаемых, в их приниженном положении.

Вместе с тем огромное политическое значение приобретает как в Индии, так и в Пакистане национальный вопрос.

Индийский союз и Пакистан являются государствами многонациональными. Национальный состав Пакистана следующий: все население восточной части Пакистана состоит из бенгальцев, насчитывающих свыше 40 млн. человек и составляющих более 60% населения Пакистана. Следующей по численности национальностью Пакистана являются пенджабцы — около 20 млн. человек, т. е. 25%. Кроме того, к крупным национальностям Пакистана принадлежат афганцы-патаны — около 5 млн., и синдхи — более 4 млн. человек. Затем Пакистан населяют численно менее значительные народности, например белуджи, брагуи, читральцы и т. д.

Большое значение имеет в Пакистане патанский вопрос. Среди живущих в Индии афганцев, именуемых там патанами, включение их земель в Пакистан сразу вызвало большое недовольство. Только благодаря махинациям, проведенным Маунбеттеном, референдум избирателей в Северо-западной пограничной провинции, в которой проживают афганцы-патаны, высказался за включение этой провинции в Пакистан. Однако движение среди афганцев за создание независимого Патанистана, или Пуштунистана, не прекращается, несмотря на аресты всех лидеров патанов, не согласных с Мусульманской лигой. Во главе этого движения стоит бывшая организация «Красных рубашек». Лидер организации Абдул Гафар Хан в настоящее время заключен в тюрьму. Патанистанское движение охватило не только округа Северо-западной пограничной провинции, но распространилось и на территорию пограничных племен, в частности Вазиристан. По имеющимся данным, сторонников этого движения поддерживает известный лидер вазиров — факир Ипи. Патанистанскому движению оказывает помощь афганское правительство, которое открыто выступало за создание независимого Патанистана.

Важнейшее значение в Пакистане имеет бенгальская проблема. Включение Восточного Бенгала (восточная часть Пакистана) в состав Пакистана является чисто искусственным. Восточный Бенгал находится на расстоянии более тысячи километров от западной части Пакистана. Никаких экономических связей между ним и остальными провинциями Пакистана нет. В отношении языка, культуры, обычаев и экономических связей бенгальцы Пакистана и бенгальцы, оставшиеся в Индийском союзе, представляют единую нацию. Расчленение бенгальской территории между двумя доминионами нанесло серьезный ущерб хозяйственному и культурному развитию

Бенгала. Восточный Бенгал — сельскохозяйственный район, производящий джут и рис. Основным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции этого района являются промышленные центры Западного Бенгала, и особенно г. Калькутта, в котором сосредоточена почти вся джутовая промышленность. Поэтому как в Восточном Бенгале, так и в Западном существует сильное стремление к воссоединению обеих частей этой области.

Расчленение Бенгала удалось провести относительно безболезненно только благодаря тому, что бенгальская организация Национального конгресса, выражающая интересы буржуазии Калькутты (среди которой преобладают марвари), а также бенгальских ростовщиков и помещиков, мало заботилась о национальных интересах бенгальцев и стремилась скорее притти к сговору с английским правительством, боясь массового освободительного движения. Мусульманская же лига выдвинула демагогические требования включения всего Бенгала в Пакистан, увлекла за собой массы бенгальцев-мусульман, а затем обманула их, приняв план Маунбеттена. Однако уже сейчас, через полтора года после расчленения, даже в бенгальской организации Мусульманской лиги поднялось движение за воссоединение Бенгала. Нет никакого сомнения, что некоторые лидеры Мусульманской лиги для того и встали во главе этого движения, чтобы оно не превратилось в массовое демократическое и не обратилось бы против реакционного правительства Пакистана. Новый взрыв индусско-мусульманской розни в Восточном и Западном Бенгале спровоцирован в феврале 1950 г. для того, чтобы ослабить движение за воссоединение двух ее частей.

Пакистан является наиболее искусственным из всех существующих в мире государств. Без помощи английского империализма такое государство вряд ли могло бы существовать продолжительное время. Единственное, что связывает Восточный Бенгал с западным Пакистаном, это религия. Попытка правительства Пакистана связать разнородные его части путем объявления государственным языком языка урду привела к обострению отношений между Бенгалом и пакистанским правительством. Назначение бенгальца Ходжи Низамуддина на пост генерал-губернатора Пакистана, безусловно, имело целью усилить связь между Бенгалом и западным Пакистаном.

Связь между западными провинциями Пакистана более тесна, чем связь Пакистана с Бенгалом, тем не менее отдельные провинции западного Пакистана, населенные различ-

ными национальностями, удерживаются в пределах единого государства в значительной мере внешней силой. Мы уже говорили о патанской проблеме, но и в Синде существует национальное движение, направленное против политики пакистанского правительства. Так, например, выделение столицы Пакистана—города Карачи—в отдельную административную единицу вызвало в Синде движение протеста. Синдхи рассматривают Карачи как свою, национальную столицу, а не как столицу всего Пакистана, и протестуют против ее выделения из состава Синда.

Опорой пакистанского правительства являются помещики Пенджаба, которые до расчленения Индии поддерживали не Мусульманскую лигу, а партию юнионистов. Теперь, находясь в составе Мусульманской лиги, формально являющейся правительственной партией Пакистана, эти элементы не пользуются влиянием в ней, а поэтому некоторые элементы в Мусульманской лиге часто выступают против отдельных актов правительства. Так, например, заявление Лиакт Али хана в Лондоне о том, что Пакистан останется в составе Британской империи, встретило значительную оппозицию в рядах Мусульманской лиги; правительство Пакистана неоднократно заявляло о том, что княжества, входящие в Пакистан, будут пользоваться полной автономией и во внутренние дела князей центральное правительство не будет вмешиваться. Более демократические элементы Мусульманской лиги выступают с требованием проведения в княжествах и, в частности, в крупном княжестве Бахавальпур, демократических реформ.

Эти факты свидетельствуют об узости социальной базы правительства Пакистана и подтверждают то положение, что национальный вопрос является в настоящее время одним из важнейших вопросов политической жизни этого доминиона.

Индийский союз является еще более многонациональным государством, чем Пакистан. В состав Индийского союза вошли полностью территории: маратхов, гуджарати, каннарцев, малаяли, тамилы, телугу, ория и ассамцев. В него вошла половина территории пенджабцев и около трети территории бенгальцев. Кроме того, значительную часть населения Индии составляют такие группы народностей, как раджастанцы, хиндустани, бихарцы. В силу неравномерности развития капитализма в Индии крупная индийская буржуазия, правящая в Индийском союзе вместе с помещиками, представляет далеко не все нации Индийского союза.

Основной базой индийского капитала, как известно, является Бомбейская провинция и, в частности, город Бомбей.

Крупная индийская буржуазия происходит главным образом из компрадоров и ростовщиков. А так как еще задолго до прихода европейцев в Индию внешняя торговля была сосредоточена преимущественно в руках гуджарати и парсов, а ростовничество — в руках жителей Раджпутаны, именуемых марвари, то и основная группа наиболее крупных капиталистов, захвативших в свои руки большую часть индийского рынка, принадлежит к гуджарати, парсам и марвари. В эту же группу мы включаем и торгово-ростовщическую касту бхатия, происходящую из Синда, но расселившуюся по всей западной Индии. Кроме гуджаратских и марварских капиталистов, к числу которых принадлежат владельцы всех крупнейших концернов Индии: Тата, Бирла, Дальмия, Сингхания и т. д., следует отметить довольно сильную тамильскую буржуазию, владеющую большинством предприятий Мадрасского президентства.

Остальные национальности Индии, и в том числе также и наиболее развитые из них, имеют крайне слабую национальную буржуазию, представленную по большей части владельцами мелких, немеханизированных предприятий, производящих продукты местного потребления: индийские сигареты, местную одежду и обувь и т. д. К таким отраслям промышленности относятся также и промышленность по очистке кокосовых волокон, имеющая большое значение на Малабарском побережье. Эти прослойки буржуазии борются с крупным индийским капиталом за свои национальные рынки. Они заинтересованы в осуществлении широкой местной автономии и создании национальных провинций. Ранее они вместе с национальной интеллигенцией и крестьянством поддерживали движение за реорганизацию политического деления Индии в соответствии с национальным составом населения. К таким национальностям, имеющим слабые буржуазные прослойки, относятся: бенгальцы, маратхи, андра, каннара, ория, ассамцы и малаяли. Наиболее сложившимися из них, уже давно начавшими борьбу за свое национальное самоопределение, являются: андра, маратхи, малаяли, каннара и бенгальцы.

После первой мировой войны к руководству в конгрессе вместо бенгальских и маратхских помещиков и чиновников пришли представители крупной гуджаратской и марварской буржуазии, поэтому после образования Индийского союза его правительство явилось по преимуществу правительством гуджаратской и марварской группировок индийской буржуазии. Эта группировка более всего связана с английским капиталом, и она разделила с ним индийский рынок, отеснив

на задний план более слабую буржуазию других национальностей Индии. Она также теснейшим образом связана с землевладельцами и князьями.

Пока индийская буржуазия была заинтересована в привлечении на свою сторону широких масс для того, чтобы вырвать из рук английского империализма необходимые ей уступки, она была заинтересована и в поддержке со стороны национального движения всех народов Индии. Поэтому в 1920 г. Конгресс включил в свою программу требование создания в Индии так называемых «языковых» провинций. Однако, придя к власти, Конгресс стал саботировать осуществление этого требования. Крупная, главным образом гуджаратская и марварская буржуазия, претендующая на господствующую роль в хозяйственной жизни Индии, борясь за преобладание на индийском рынке, не заинтересована в широкой местной автономии, которая могла бы создать условия для укрепления позиций буржуазии других национальностей на своих национальных рынках. Поэтому она тормозит осуществление программы Конгресса в отношении создания языковых провинций. С другой стороны, создание в Индии реакционного блока крупной буржуазии, помещиков и князей заставляет возглавляющее этот блок индийское правительство отказаться от своей прежней программы также потому, что создание национальных провинций в Индийском союзе неизбежно повлекло бы внутри этих провинций движение за объединение национальных территорий каждой нации, а следовательно, движение за ликвидацию княжеств. Характеризуя отношение крупной буржуазии к требованию создания языковых провинций, газета коммунистической партии Индии «Пиплз Эйдж» писала: «Крупная буржуазия видит в требовании создания новых языковых провинций Андхра, Махараштра, Карнатак и т. д. опасность появления новых конкурентов — буржуазии соответствующих областей, стремящихся к индустриальному развитию и к овладению рынком этих национальных областей, и именно поэтому она стремится, поскольку может, саботировать проведение в жизнь этого требования»¹.

Неру неоднократно выступал против «провинциализма», а в мае 1948 г., на сессии Учредительного собрания Индии он открыто заявил, что создание языковых провинций в настоящее время нежелательно, так как это якобы усилит рознь между различными национальностями Индии. Учредительное собрание Индии в ноябре 1949 г. под диктовку лидеров

¹ Газ. «People's Age», 5 сентября 1948 г.

Конгресса также отказалось от создания в Индийском союзе языковых провинций.

Но не только и не столько боязнь конкурентов, заставляет крупную буржуазию и выражающее ее интересы руководство Национального конгресса саботировать осуществление своей собственной программы. Создание внутри Индийского союза автономных языковых провинций в значительной степени ослабило бы позиции реакционного буржуазно-помещичьего блока. Провинциальные государственные органы, несомненно, оказались бы более демократичными, чем центральные органы Индийского союза, в силу слабости местной буржуазии. Газета «People's Age» пишет: «Лидеры Конгресса и буржуазия еще более боятся народов этих областей. Они боятся, что с образованием отдельных провинций радикальные демократические элементы могут сильно укрепиться, что местные лидеры Конгресса не смогут всегда держать их в повиновении»¹.

Кроме того, в разных языковых провинциях далеко не одинаково влияние Национального конгресса. В ряде конгрессовских провинций: Андхра, Керала, а отчасти Карнатак и Махараштра, всегда были сильны левые радикальные элементы, связанные с мелкой буржуазией. В настоящее время в этих конгрессовских провинциях очень усилилось влияние коммунистов. Наоборот, в конгрессовских провинциях Гуджарат, Тамилнад, Махакошал сильнее правые буржуазно-помещичьи группы. Так как в теперешние административные провинции входит несколько конгрессовских языковых провинций, то Конгресс может обеспечивать свое руководство в провинциальных органах, со смешанным в национальном отношении составом населения. Например, в Мадрасской провинции ведущую роль в провинциальных органах играют представители тамильской крупной буржуазии, опирающиеся на помещиков остальных национальностей.

В Бомбейской провинции крупных капиталистов парсов и гуджарати поддерживают маратхские помещики и кулаки — мирасдары, входящие в Хинду-махасабха. В этих же целях Конгресс через Учредительное собрание навязывает Индийскому союзу антидемократическую конституцию, предоставляющую чрезвычайно широкие права президенту Союза и министру внутренних дел, вплоть до права назначать и сменять провинциальных министров и губернаторов провинций. Такая политика Национального конгресса вызывает отпор не

¹ Газ. «People's Age», 5 сентября 1948 г.

только со стороны рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, но также и со стороны части крупной буржуазии некоторых национальностей Индии. С этой политикой тесно связано стремление Национального конгресса навязать язык хинди в качестве государственного языка всем народам Индийского союза. Если до расчленения Индии лидеры Национального конгресса, а в том числе и Неру, заявляли, что Конгресс борется за равноправие всех народов Индии, что он будет содействовать развитию культуры всех языковых областей ее, то в настоящее время те же лидеры Конгресса и Неру, объявляя язык хинди государственным, фактически стремятся закрепить английский язык, как язык официальной переписки, делопроизводства государственных органов и преподавания в высших учебных заведениях. Конституция Индии объявила хинди государственным языком, а английский — официальным языком Индии на 15 лет.

Однако основой борьбы за создание языковых провинций является борьба против пережитков феодальной раздробленности, против господства феодальных князей и помещиков и ростовщической кабалы. Отсюда теснейшая связь национального движения в Индии с крестьянским, аграрным движением. Именно крестьянство является основной движущей силой национальных движений в Индии. Поэтому в Индии, как и в Пакистане, национальный вопрос стал в настоящее время одним из важнейших вопросов политической жизни.

Не во всех частях Индийского союза национальное движение носит одинаковый характер. Последние события полностью подтвердили то положение, что только часть народностей Индии уже сформировалась в нации. И только в тех районах, где обитают эти сформировавшиеся нации, мы имеем и развитое национальное движение с определенной программой, там же имеются и национальные организации, более демократические, чем Национальный конгресс. Наоборот, в тех районах, где формирование наций в силу их экономической отсталости задержалось, например, в Соединенных провинциях, Бихаре, Раджпутане и в Пенджабе, мы не видим национального движения и в настоящее время. Но и среди сформировавшихся наций уровень национального движения далеко не одинаков.

Во всех национальных районах Индии высказывается в той или иной форме недовольство национальной дискриминацией, проводимой центральным правительством Индии. Так, например, в бенгальской печати даже самого умеренного направления (например, газета «Амрита Базар Патрика»)

раздавались протесты против отказа Учредительного собрания от создания языковых провинций, против объявления языка хинди государственным языком Индийского союза и выдвигалось требование признать государственными языками Союза языки всех его основных национальностей. Но в ряде национальных областей национальное движение идет дальше этих скромных требований. В них ведется массовая борьба за немедленное создание языковых провинций и объединение в их пределах всех территорий, населенных данной национальностью, выдвигается требование немедленной ликвидации феодальных княжеств, находящихся на территории данной национальности, и т. д. Наиболее острый характер национальное движение приняло в тех районах, где сильнее всего сохранились пережитки феодализма, где национальная территория наиболее раздроблена между различными провинциями и княжествами и где гнет помещиков и ростовщиков особенно тяжел. Такое положение наблюдается в южной Индии.

Говоря о национальном пробуждении маратхов, газета «Пиплз Эйдж» пишет: «Это пробуждение махараштрійского народа является частью пробуждения сознания простых людей во всей стране, особенно на юге, борющихся за право самоопределения, в направлении к которому образование языковых провинций является первым шагом»¹.

Поэтому мы попытаемся дать характеристику национального движения на юге Индии, где наиболее ярко выражены характерные черты этого движения на новом этапе народно-освободительной борьбы.

К южной Индии мы относим все Декканское нагорье, Конканское, Малабарское и Кромандельское побережья Индии. В административном отношении рассматриваемый район охватывает: Нагпурскую область Центральных провинций, Берар, центральную и южную часть Бомбейской провинции, провинцию Кург, всю Мадрасскую провинцию, княжества Хайдарабад, Майсур, Траванкур, Кочин, княжества Деккана и Мадраса. Территория южной Индии в указанных границах составляет 368 600 кв. миль, а население ее, по данным на 1941 г.,— 107 млн. Юг Индии принадлежит к числу промышленно развитых районов страны. Только Западный Бенгал и Гуджарат в этом отношении могут быть приравнены к рассматриваемому нами району. В промышленном отношении наиболее развитой является та часть южной Индии, которая входит в состав Бомбейской провинции. Здесь удельный вес городского

¹ Газ. «People's Age», 30 октября 1948 г.

населения и относительная численность промышленного пролетариата не ниже даже, чем в Западном Бенгале, но и Мадрасская провинция, а также крупные княжества юга имеют довольно развитую промышленность.

В рассматриваемом нами районе имеется 15 городов с населением свыше 100 тыс. жителей, и из них 8 городов имеют население, превышающее 200 тыс. К числу этих городов относятся: Бомбей, с населением около 1,5 млн., Мадрас — 778 тыс., Хайдарабад — 740 тыс., Нагпур — 302 тыс., Пуна — 258 тыс., Бангалур — 248 тыс., а вместе с лагерем свыше 400 тыс., Мадра — 238 тыс. и Шолапур — 212 тыс. Многие города южной Индии являются крупными промышленными центрами: Бомбей, Мадрас, Нагпур, Бангалур, Шолапур, Коларские золотые прииски, Коимбатур, Визагапатан и др. Кроме того, на юге Индии находится большое количество мануфактурных предприятий. Таким образом, численность рабочего класса на юге по индийским условиям весьма значительна.

Сельское хозяйство южной Индии является также высоко товарным. Здесь культивируются хлопок, кокосовая пальма, земляные орехи, рис и такие плантационные культуры, как кофе, каучук и т. п. Вместе с тем именно на юге Индии сохранились сильнейшие пережитки феодализма. Общеизвестен факт, что кастовая система более всего развита на юге Индии. Мадрасская и Бомбейская провинции и княжества юга в этом отношении выделяются из числа остальных областей Индии. На юге Индии в большой мере сохранилась также феодальная, политическая раздробленность. Кроме пяти крупных княжеств с большим населением, например, Хайдарабад — 17 млн., Майсур — 7,5 млн., Траванкур — 6 млн., Кочин — 1,5 млн. и Кольхапур — 1 млн., на юге Индии имеется 20 мелких княжеств с населением от 2 до 500 тыс. Хотя после раздела Индии княжества Деккана включены в состав Бомбейской провинции, князья их сохранили свои земли. Очень сильны феодальные пережитки и в аграрных отношениях южной Индии. По официальной классификации, большая часть районов южной Индии относится к районам райотвари и только северо-восточная часть МадраССкой провинции и Малабарское побережье считаются районами с преобладанием системы заминдари.

Однако в действительности аграрные отношения рассматриваемого района отличаются гораздо большей сложностью, причем каждый национальный район имеет свои специфические особенности в аграрном строе.

Национальный состав населения южной Индии очень разнообразен, и расселение национальностей не соответствует административно-политическому делению. Национальные территории народов юга Индии расчленены административными границами на ряд кусков, что препятствует их хозяйственному, политическому и культурному развитию. Основными национальностями южной Индии являются маратхи, или махараштрийцы, численностью около 25 млн., телугу, или андхра, — свыше 30 млн., тамилы — 24 млн., каннара — 14 млн. и малаяли — 12 млн. Кроме того, на юге Индии, особенно в городах и в княжестве Хайдарабад, около 2 млн. жителей принадлежат к народности хиндустани, говорящей в этом районе на южном диалекте этого языка.

Ввиду того, что южная Индия принадлежит к числу районов с очень древней цивилизацией, численность племен и народностей, сохранивших пережитки первобытнообщинного строя, там невелика, но все же в рассматриваемом районе живет часть гондов, кханды, тогда и несколько других народностей, сохранивших эти пережитки. Кроме них, там обитает два немногочисленных, но культурных народа: тулу — численностью около 700 тыс. и кодагу — около 200 тыс. Кроме маратхов, которые говорят на языке маратхи, принадлежащем к числу новоиндийских языков, остальное коренное население юга говорит на дравидских языках: телугу, тамил, каннара и малаялам. Языки тулу и кодагу также принадлежат к числу дравидских и близки к языку каннара.

Национальный конгресс подразделил юг Индии на ряд так называемых конгрессовских провинций, на основе которых строятся все конгрессовские организации. Эти конгрессовские провинции следующие: Нагпур, Видарбха, Махараштра и Бомбей, с преобладающим языком маратхи; Андхра, Тамилнад, Карнатак и Керала. Хотя территории княжеств были также прикреплены к соответствующим конгрессовским провинциям для ведения в них агитационной работы, но эти княжества не входили в состав провинции, так как Национальный конгресс считал себя организацией Британской Индии и формально не вел работы в княжествах.

Ввиду того, что народы южной Индии принадлежат в основном к числу народов, сформировавшихся в нации, движение за национальное самоопределение там началось еще перед первой мировой войной.

В силу разного уровня промышленного развития, различных аграрных отношений, разной степени феодальной раздробленности национальных территорий национальное движе-

ние народов юга Индии носит неодинаковый характер и имеет разную степень остроты. На характер национального движения наложили свой отпечаток также и исторические традиции народов юга Индии. Наибольшей остротой и широтой размаха отличается движение народа андхра. В отношении остроты антифеодального и антиимпериалистического движения андхра стоят на первом месте в Индии. Второе место в отношении активности борьбы за самоопределение, организованности крестьянского движения и степени вовлечения в него широких слоев трудящихся занимают малаяли. На третьем месте стоят маратхи и наименее активно национальное движение тамиллов. Ниже, при обзоре национального движения каждой из крупных народностей Индии мы попытаемся дать объяснение этим особенностям.

Имеется также некоторая разница в степени развития национального движения на территории провинций Индийского союза и в княжествах. До расчленения Индии передовую роль в этом отношении играли провинции Британской Индии, а княжества довольно сильно отставали от них. В настоящее время, т. е. после расчленения Индии, крестьянское движение в княжествах носит более активный и организованный характер, и именно в княжествах оно чаще перерастает в крестьянские восстания. Это объясняется тем, что пережитки феодальных отношений в княжествах наиболее давят на крестьянство, гнет стал совершенно нетерпимым, и крестьяне восстают против феодальной власти князей.

Обзор национального движения на юге Индии мы начнем с движения народа телугу, или андхра. Район, населенный андхра, охватывает северную часть Мадраасской провинции, а именно округа: Визагапатам, Восточный Годавари, Западный Годавари, Кистна, Гунтур, Неллур и Куддапа, восточную часть княжества Хайдарабад, называемую Телингана, в составе округов: Каримнагар, Варангал, Налгонда и Махбубнагар, и небольшую часть княжества Майсур. Населенные народом андхра округа Мадраасской провинции объединяются в конгрессовскую языковую провинцию Андхрадеша. В промышленном отношении область Андхра является относительно отсталой. Самый крупный город ее — Хайдарабад, столица княжества. Больше на территории Андхрадеша нет крупных городов. Наиболее значительными из них являются: Безвада — 86 тыс. жителей, Гунтур — 81 тыс., Коканада — 75 тыс., Визагапатам — 70 тыс. и древняя столица государства Андхра — Варангал — 92 тыс. жителей. Важным промышленным центром является город Визагапатам, крупный порт и центр

2 Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

~~BIBLIOTEKA
WYŻSZEJ SZKOŁY PEDAGOGICZNEJ
W GDANSKU~~

кораблестроительной промышленности. Культурным центром Андхрадеша, в котором помещаются также провинциальные органы Национального конгресса, является город Безвада. В Андхрадеше имеются два университета: университет Усмания в Хайдарабаде, где обучение производится на английском языке и урду, и университет Андхра, основанный накануне второй мировой войны.

Вследствие невысокого развития промышленности численность фабричных рабочих в Андхрадеше невелика, но очень много телугу работает на текстильных фабриках Бомбея и некоторых других городов Бомбейской провинции, поэтому рабочая прослойка среди телугу довольно значительна, если даже не принимать в расчет многочисленных сельскохозяйственных рабочих.

Район Андхра является районом с преобладанием крупного помещичьего землевладения, на северную часть которого было распространено действие закона о постоянном обложении (permanent settlement). Большая часть земель района сосредоточена в руках крупных помещиков, которые сами не занимаются сельским хозяйством, вышли из числа сборщиков налогов: пателей, дешпанде и дешмукхов. В княжестве Хайдарабад, в Телингане помещик обычно именуется дешмукхом. На территории Андхрадеша распространялась власть маратхов. До сих пор там сохранились формы феодального землевладения, установленные во время маратхского господства, при котором крупные помещики Андхрадеша не обрабатывали землю с помощью наемных рабочих, а сдавали ее на правах наследственной аренды крестьянам, причем основная часть наследственных арендаторов в Андхрадеше принадлежит к касте редди. Последние большую часть земли обрабатывали своим трудом, часть же сдавали различным издольщикам из низших, часто неприкасаемых каст. Основными сельскохозяйственными культурами Андхрадеша являются джуар (сорго), баджра (просо), клещевина, тиль (индийский кунжут) и табак, причем товарные культуры — клещевина, тиль и табак — сеются на орошаемых землях, тогда как продовольственные — на неполивных. За последние годы во всей Андхрадеше, и особенно в Телингане, очень быстрыми темпами происходил процесс обезземеления крестьян и переход земли в руки помещиков-дешмукхов и пателей, причем дешмукхи, оставляя крестьянам на правах ненаследственной аренды неполивные земли, поливные земли отбирали и обрабатывали при помощи полукрепостных — неприкасаемых, так называемых бхагела (издольщики). Автор предисловия к ра-

боте «Экономическое обследование в княжестве Хайдарабад» в 1929—1930 гг. Эбди Коллинз, генеральный директор и секретарь коммерции и индустрии княжества Хайдарабад, писал: «Большая часть их (земель) перешла, как кажется, в руки дешмукхов и других крупных помещиков, которые господствуют в экономической жизни этих округов. Эти господа не встречают затруднения в культивировании больших участков поливной земли благодаря системе бхагела или крепостных, которые описаны ниже, и их позиция такова, что постепенно они все больше и больше разными способами захватывают в свои руки орошаемые участки... Если не будут приняты меры, чтобы противодействовать влиянию этих лиц, превращение огромного большинства паттадаров (наследственных арендаторов) Варангала в безземельных рабочих являлется только вопросом времени»¹.

Так писал английский чиновник, состоявший на службе у низама Хайдарабада в 1931 г. В последующий период процесс обезземеления крестьян происходил еще более быстрыми темпами, особенно в годы войны и сразу после нее, когда вся Андхрадеша была охвачена голодом. Таким образом, в сельском хозяйстве этой области сохранились пережитки крепостничества, и все большая часть крестьян переходит в число полукрепостных издольщиков и батраков. Именно этим объясняется острота аграрного движения в Телингане и в остальных районах Андхрадеша. Исторические традиции народа андхра также способствовали быстрому формированию его в нацию, росту национального самосознания и развитию национального движения. Народ андхра упоминается еще в IV в. до н. э. в надписях царя Ашоки. После распада его империи государство Андхра, повидимому, бывшее прежде вассальным, усилилось, охватывая огромную территорию, простиравшуюся от берегов Аравийского залива на западе до Бенгальского залива на востоке. Цари Андхра поддерживали дипломатические отношения с Римской империей.

В средние века большая часть территории Андхра входила в состав Виджаянагарской империи. Этот период был периодом расцвета литературы на языке телугу. Только в XVI в. территория Андхра была захвачена мусульманами. Длительное существование государства Андхра как самостоятельного государства, безусловно, ускорило процесс становления нации андхра, когда капиталистические отношения начали

¹ Economic investigation in the Hyderabad State, 1929—1930, т. 1, Hyderabad, 1931, стр. VI.

развиваться в Индии. Многие представители либеральных помещиков, чиновников и интеллигентов андхра принимали участие в Национальном конгрессе с момента его образования. Еще перед первой мировой войной в Андхра началось движение за выделение всех округов, населенных народом телугу, из состава Мадрасской провинции и за образование отдельной административной провинции Андхра.

В период подъема национально-освободительного движения 1919—1922 гг. движение за создание отдельной провинции Андхра, за введение в школах всех ступеней преподавания на языке андхра и за создание отдельного университета усилилось. В течение десятилетия между 1919 и 1929 гг. законодательное собрание Мадрасской провинции дважды выносило решение о выделении провинции Андхра из состава Мадрасской провинции¹. По словам Ганди, движение за создание в Индии языковых провинций началось именно среди телугу². В эти же годы была создана организация Андхра Махасабха, которая вначале ставила перед собой задачу борьбы за создание провинции Андхра и за популяризацию литературы на языке андхра. Эта организация в первый период своей деятельности не противостояла Национальному конгрессу, а работала под его руководством, хотя формально она от Конгресса не зависела.

Социальный состав Андхра Махасабхи в этот период был очень разнороден, и в нее входили даже крупные помещики. Вследствие крайней незначительности национальной буржуазии телугу, она не играла существенной роли ни в конгрессовской организации Андхрадеши, ни в Андхра Махасабхе.

В 1930—1931 гг. опять усилилось движение за создание провинции Андхра, и конференции Круглого стола в Лондоне был подан специальный меморандум о выделении округов, населенных телугу, из состава Мадрасской провинции. Однако английские правящие круги не пошли навстречу этому требованию, и провинция Андхра не была создана. Руководство Национального конгресса, в принципе соглашавшееся с необходимостью образования отдельной провинции Андхра, также, однако, пыталось сдерживать национальное движение в этой провинции, обещая осуществить его требование после того, как Конгресс придет к власти. Национальное движение в провинции Андхра продолжалось и накануне второй мировой войны.

¹ Indian Statutory Commission, т. 1, Calcutta, 1931, стр. 56.

² Gandhi. Speeches and writings, 1922, стр. 341.

В конгрессовской организации Андхрадеша в этот период борьба между правыми и левыми носила очень острый характер. Правое крыло Конгресса здесь состояло главным образом из крупных и мелких помещиков. Оно было тесно связано с кастовой организацией кхапу, или найду, защищающей интересы мелких помещиков и кулаков. Именно в борьбе против левых выдвинулся теперешний председатель Национального конгресса Паттабхи Ситарамая.

В 1930-х годах, когда в Индии стали образовываться крестьянские союзы, одни из первых союзов были организованы в Андхрадеше. Здесь ими руководили левые конгрессисты, конгресс-социалисты и коммунисты.

В 1936—1937 гг. Андхрадеша была охвачена активным крестьянским движением против произвола помещиков и ростовщической кабалы. Крестьянские союзы (кисан сабха) Андхрадеша проводили забастовки арендаторов, кампании неплатежа арендной платы и налогов и организовывали походы крестьян в центры провинций для предъявления требований. Сотни тысяч крестьян участвовали в этом движении. Крестьянскими союзами руководили конгресс-социалисты во главе с демагогом, профессором Ранга, но коммунисты также начали усиливать в них свое влияние. Перед войной начал выходить коммунистический еженедельник на языке телугу. Можно предполагать, что именно в этот период произошло расслоение в национальном движении провинции Андхра, и в то время как в руководстве провинциальной конгрессовской организации преобладающую роль стали играть представители помещиков, поддерживавшие правых лидеров Конгресса, в районных организациях Конгресса усилилось влияние демократических элементов и особенно коммунистов. Изменилось и социальное лицо Андхра Махасабхи. Она превратилась в организацию крестьян, городской бедноты и демократических прослоек интеллигенции.

Во время выборов в провинциальные законодательные собрания в 1945—1946 гг. в Андхрадеше очень ярко наметилась новая расстановка сил, знаменовавшая наступление нового этапа в национально-освободительном движении. Коммунистическая партия выставила ряд своих кандидатов и имела шансы некоторых из них провести. Коммунисты выступали на выборах под лозунгом: «За новую объединенную Андхра и свободной Индии». В своем предвыборном воззвании коммунисты обращались к трудящимся Андхрадеша: «Если вы хотите освободить деревни Андхра от помещиков, ростовщиков и спекулянтов, голосуйте за коммунистов»; «если вы хотите

освободить треть ваших братьев телугу и две пятых вашей земли от рабства низама, чтобы построить независимую, объединенную Андхра (Вишаль Андхра), вы должны голосовать за коммунистов»¹.

Национальный конгресс для того, чтобы провалить коммунистических кандидатов, блокировался с открыто проанглийской помещичьей партией Justice party (партия справедливости), которая раньше всегда выступала против Национального конгресса.

В этот же период, т. е. в начале 1946 г., усиливается крестьянское движение в Телингане (Хайдарабад). Влияние Национального конгресса и Андхра Махасабхи в Телингане было всегда значительным, но в силу режима, господствовавшего в княжестве, там не могли создаваться легальные политические организации. Первая попытка создания организации имущих классов княжества в целях борьбы за проведение некоторых реформ управления была сделана в 1935 г., когда некий Низамат Джанг создал Лигу подданных низама. В 1938 г. был образован Конгресс княжества Хайдарабад. Это было в период подъема демократического движения во всех княжествах Индии. Тогда же были созданы и национальные организации в княжестве Хайдарабад, именовавшиеся национальными конференциями: Конференция Андхра, Конференция Махараштры и Конференция Карнатака. Эти организации принимали активное участие в движении за демократизацию политического строя княжества Хайдарабад и являлись филиалами Конгресса княжества². Требования их в тот период были очень умеренные, а именно: создание правительства, ответственного перед правительственными учреждениями княжества «под эгидой низама»³.

Хотя Конференция Андхра и входила в Конгресс княжества, но есть основания предполагать, что по своему составу она с самого начала являлась организацией более демократической и более широкой, чем Конгресс княжества, представляющий узкую верхушку хайдарабадской буржуазии и буржуазной интеллигенции.

В 1946 г. Конференция Андхра выросла уже в массовую организацию, и численность ее членов превышала 100 тыс. человек. В это время в Хайдарабаде свирепствовал голод, и

¹ Газ. «People's Age», 10 марта 1946 г.

² Газ. «People's Age», 24 февраля 1946 г.

³ Government of India. White paper. Hyderabad — New Delhi, 1948, стр. 17.

правительство низама издало распоряжение об изъятии излишков хлеба у крестьян, не затрагивая помещиков. Конференция Андхра протестовала против этого распоряжения и требовала, чтобы крестьянская беднота была освобождена от изъятия хлеба и излишки изымались у феодалов и ростовщиков. В ответ на это правительство начало преследовать организацию. В середине 1945 г. было арестовано свыше 200 лидеров этой организации. В 1946 г. репрессии еще более усилились. Однако, несмотря на это, организация продолжала расти, она обладала хорошим аппаратом, в котором работало 150 штатных работников, и бюджет ее исчислялся в 100 тыс. рупий. Против преследования организации подняли протест Конгресс княжества и Конференция Махараштры. Коммунисты принимали активное участие в работе Конференции Андхра. В этот период она боролась против незаконных обложений, принудительного труда (зигари) и против взяточничества чиновников низама.

В 1947 г., в связи с усилением борьбы за независимость Индии, а также в связи с агитацией за ликвидацию княжеств и за проведение земельной реформы, которую в тот период еще вел Национальный конгресс, и вследствие продолжающихся репрессий низама и произвола дешмукхов крестьянское движение в Телингане усилилось. В ответ на это усилились и репрессии правительства княжества против демократических организаций и, в частности, против Конференции Андхра, которая в это время стала именоваться и в княжестве Хайдарабад Андхра Махасабха. В ряде районов Телинганы, и особенно в округах Налгонда, Варангал и Каримнагар, начались крестьянские восстания. Ими руководили коммунисты и Андхра Махасабха. Крестьяне 3 500 деревень конфисковали земли у дешмукхов и других помещиков, образовали народные панчаяты (комитеты), народные трибуналы и отряды самообороны.

В тот же период для борьбы с народным движением реакционной организацией Иттихад-уль-муслимин (Союз мусульман) была создана военизированная организация разакаров, ставившая своей задачей подавление «крамолы» в княжестве и борьбу за расширение владений низама, с тем чтобы границы Хайдарабада простирались до самого побережья Бенгальского залива. Хотя организация разакаров была создана преимущественно из мусульманских помещиков и чиновников, в нее вступали также дети дешмукхов — индусов. Разакары финансировались дешмукхами за то, что они защищали их имущество от крестьян. Для подавления восстания

в Телингане было сконцентрировано десятитысячное войско низама и двадцатитысячное войско разакаров¹. Однако, несмотря на жестокие репрессии, в результате которых было сожжено несколько десятков деревень и убиты сотни людей, движение продолжало разрастаться. Восставшие крестьяне, руководимые коммунистами и деятелями Андрха Махасабхи, поделили земли дешмукхов между малоземельными и безземельными крестьянами и батраками, захватили их дома, превратили их в школы и другие общественные учреждения.

В Телингане впервые в истории Индии, правда, на ограниченной территории, но с большим населением — 5 млн. человек, была создана народно-демократическая власть. Низам и помещики Телинганы не могли подавить народное движение. Партизаны Телинганы с большим героизмом успешно оказывали сопротивление войскам низама и бандам разакаров. Восстание в Телингане вызвало движение сочувствия в Андхрадеше. Демократическими организациями ее проводились кампании сбора средств для помощи повстанцам, митинги протеста против произвола правительства низама. Конгрессистские органы Андхрадеш и представитель индийского правительства при низаме Мунши всячески стремились подорвать движение. Они называли его коммунистическим заговором, а партизан бандитами. Они призывали население Андхрадеш не оказывать помощи повстанцам Телинганы.

Однако сочувствие к восстанию, несмотря на агитацию Конгресса, усиливалось. Поэтому можно смело утверждать, что предпринятый индийским правительством в сентябре 1948 г. поход против Хайдарабада был вызван не только или, вернее, не столько боязнью, что Хайдарабад будет английской базой в Индии, сколько опасением, что низам не сможет справиться с восстанием и оно перекинется в сопредельные округа Индийского союза. Несмотря на протест против «агрессивной» политики Индийского союза перед Организацией Объединенных Наций, правительство низама на самом деле приветствовало индийскую оккупацию княжества, ибо опасалось, что восстание покончит не только с властью низама, но и с княжеством Хайдарабад, как с отдельной административно-политической единицей. Восстание в Телингане нельзя рассматривать только как аграрное крестьянское восстание, оно являлось также частью национального движения народа телугу. Кроме требования ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам, оно выдвигало требо-

¹ Газ. «People's Age», 5 декабря 1948 г.

вание воссоединения расчлененной территории Андхра в единое демократическое государство, входящее как автономная единица в добровольную федерацию народно-демократических республик Индии.

Как было сказано выше, руководящим ядром движения в Телингане являлась местная организация коммунистической партии Индии, численность которой, по имеющимся данным, не превышала 8 тыс. человек, тогда как Андхра Махасабха насчитывала к моменту ее запрета в сентябре 1948 г. в одной Телингане 200 тыс. человек, а в Андхрадеше в целом, по некоторым данным, около 700 тыс. человек. Это показывает, что, как и в остальных районах Индии, в Телингане идейное влияние коммунистической партии было очень велико, но коммунисты не использовали своего влияния для расширения рядов партии. Последнее обстоятельство создавало угрозу раскола движения. Нужно учитывать, что Андхра Махасабха не только крестьянская, но и национальная организация. В ней представлены, наряду с крестьянскими массами, также и зажиточные слои деревни, мелкобуржуазные элементы города, а возможно, частично и интеллигенция буржуазно-помещичьего происхождения. Поэтому при усилении нажима со стороны Индийского союза и под влиянием раскольнической пропаганды Национального конгресса неизбежен переход части членов Андхра Махасабха в ряды реакции. Коммунистическая организация в период усиления реакции была сильно обескровлена многочисленными арестами и казнями ее членов.

Индийские войска после вступления в Хайдарабад оставили низама правителем княжества и организовали карательную экспедицию против Телинганы. Несмотря на то, что ряд восставших районов был оккупирован индийскими войсками, нельзя говорить, что карательная экспедиция протекала успешно. Значительная часть деревень, особенно в округе Налгонда, продолжала оставаться в руках повстанцев, и в них функционировали органы народной власти. Но и в оккупированных деревнях карателям не удалось отобрать всю помещичью землю, распределенную между крестьянами. Несмотря на репрессии, проводимые низамам и военными властями Индийского союза, крестьяне отказывались возвращать землю помещикам и заявляли, что добровольно они этого не сделают. В оккупированных деревнях царили террор и произвол. Не только повстанцы, но и их семьи подвергались преследованиям. Многие прежние разакары вступили в отряды конгрессовских волонтеров и продолжали преследовать

крестьян Телинганы, участвовавших в движении. Несмотря на то, что коммунистическая организация Хайдарабата и Андхра Махасабха были запрещены, многие их деятели арестованы, конгрессовская печать писала о большой активности коммунистов в княжестве.

Газета «Пиплз Эйдж» от 5 декабря 1948 г. приводит следующий интересный факт, характеризующий отношение крестьян Телинганы к политике Конгресса княжества: «В Ху-зурнагарской талуке (волость) округа Налгонда один деш-мухх владел участком земли в 1100 акров. Когда началось восстание, он бежал. Дважды он призывал на помощь себе полицию и разакаров, им были убиты 10 крестьян. Когда жены этих крестьян в сопровождении одного мужчины пошли с жалобой к новым властям, то сопровождавшего их мужчину арестовали по обвинению в принадлежности к компартии, хотя он и не был коммунистом. Конгресс пытался вернуть этому дешмухху его владение, однако крестьяне этого не допустили. Конгрессисты стали угрожать крестьянам, говоря: «Ваша Россия далеко, а нам помогает Америка». Такая «агитация» имела обратное действие, так как если раньше крестьяне вовсе не знали о существовании России, то теперь они стали говорить, что есть же на свете государство, которое помогает бедным. Многие крестьяне, никогда не принадлежавшие ни к компартии, ни к Андхра Махасабхе, когда начались преследования этих организаций, стали объявлять себя коммунистами и членами Махасабхи. Они отказывались убирать с общественных зданий красные флаги и заменять их конгрессовскими. Там, где народные панчаяты не успели еще распределить между крестьянами захваченную у помещиков землю, крестьяне опасались ее засеять, но после оккупации засеяли и стали требовать передачи ее в свою собственность. Таким образом, несмотря на оккупацию части земель, крестьянское движение в Телингане подавить не удалось. Репрессии только способствовали дальнейшему расширению движения, оказавшего огромное влияние не только на Андхрадешу, но также на Махараштру и Карнатак. Требование коммунистов и Андхра Махасабхи о ликвидации княжества Хайдарабат и воссоединении его национальных областей с территориями соплеменных народов в пределах Индийского союза поддерживалось не только в Андхрадеше, но в Махараштре и Карнатаке. Демократические организации Андхрадеша продолжали проводить кампанию помощи Телингане после ее оккупации индийскими войсками. «Пиплз Эйдж» от 28 ноября 1948 г. сообщала, что с 21 по 27 октября в про-

винции Андхра проводилась неделя помощи Телингане, инициаторами которой были следующие демократические организации провинции Андхра: Союз сельскохозяйственных рабочих провинции Андхра, Федерация молодежи Андхра, Совет профсоюзов Андхра, Провинциальная женская организация (Махила Сангхам). Проведением кампании руководила коммунистическая организация провинции. Кроме денежных сборов, проводились многочисленные митинги, несмотря на то, что Конгресс запретил с 20 октября проведение в провинции митингов, демонстраций сроком на один месяц. Демократические организации провинции требовали отмены запрета Андхра Махасабхи и коммунистической партии в Хайдарабаде.

Национальное движение в провинции Андхра проходит под руководством рабочего класса и коммунистической партии. Свидетельством этого является сильное влияние коммунистов в таких организациях, как Андхра Махасабха, в профсоюзах, женских и молодежных организациях. В провинции Андхра действуют хорошо организованные профсоюзы сельскохозяйственных рабочих, которые существуют далеко не во всей Индии. Несмотря на раскольнические действия конгресс-социалистов и профессора Ранга, самые сильные крестьянские организации провинции находятся под влиянием коммунистов. Молодежная организация провинции Андхра, именуемая «Андхра Ювак Сабха», — одна из самых сплоченных и революционных молодежных организаций Индии.

Это единственная молодежная организация, объединяющая в своих рядах все слои демократической молодежи: рабочую, крестьянскую и интеллигентную молодежь. Значительным влиянием пользуются также демократические женские организации провинции. Так, в 1943 г. женская организация округа Кистны насчитывала 40 тыс. членов. Все это показывает, что национальное и крестьянское движения провинции Андхра, тесно связанные между собой, представляют надежного союзника индийского рабочего класса в его борьбе за народную демократию.

Характер национального движения в этой провинции также полностью подтверждает то положение, что не национальная буржуазия, а крестьянские массы являются костяком национально-освободительного движения угнетенных наций. Провинция Андхрадеша выделяется из остальных провинций Индии четкостью размежевания классовых сил. Организация Конгресса в этой провинции стала открыто реакционной организацией, опирающейся на помещиков.

По уровню развития крестьянского и национального движения второе место после Андхра занимает провинция Керала. Эта провинция охватывает южные талуки округа Южная Каннара, весь Малабарский округ, княжества Кочин и Траванкур, кроме крайнего юга, который населен тамилами. На территории Кералы — только два города с населением более 100 тыс. человек: Тривандром, столица княжества Траванкур (128 тыс. жителей), и Каликат, важный порт Малабарского побережья (126 тыс. жителей). Крупных промышленных предприятий немного, и большинство их возникло только в период второй мировой войны. Мелкая мануфактурная промышленность связана главным образом с переработкой различных продуктов кокосовой пальмы: маслобойки, предприятия по очистке кокосовых волокон и др. Таким образом, самыми крупными отрядами рабочего класса в Керале являются рабочие этих предприятий и портовые рабочие.

Буржуазия Кералы относительно слаба и немногочисленна. Многие крупные предприятия принадлежат правителям княжеств. Земельные отношения в Керале отличаются значительным своеобразием. По официальной классификации, Керала относится к районам заминдари. До прихода англичан вся земля в княжествах маяяли считалась собственностью правителя. Он раздавал ее духовенству, военачальникам и крупным чиновникам. Главная масса этих слоев состояла из браминов (духовенство) и из воинской касты наиров. Держатели земли должны были платить князю часть ренты и обеспечивать выполнение повинностей: воинской и трудовой. Таким образом, они не были землевладельцами, а получали землю в пользование за выполнение определенной службы, подобно джагирдарам в империи моголов или дешмукхам и пателям у маратхов. Эти держатели назывались дженми.

Дженми сдавали землю в аренду привилегированным держателям, именуемым канамдар. Канамдары принадлежали к касте наир и частично к касте тия. Канамдары в свою очередь сдавали землю низшему слою арендаторов, именуемому верумпатамдар. На низшей ступени иерархии земледержателей находятся крепостные черума, или пулаян. В старину черума считались не только неприкасаемыми, но даже встреча с ними на дороге оскверняла брамина или наира, и последний должен был убить черуму, если тот не успевал скрыться. Однако это не мешало эксплуатировать труд крепостных черума. Дженми мог требовать от низших прослоек арендаторов только одну треть урожая — дженмабхага, т. е. доля дженми.

В результате земельных законов Остиндской компании дженми был превращен в частного земельного собственника; ему было дано право произвольно повышать эту долю и изгнать арендатора, если он не соглашался платить больше. Принимая во внимание, что Керала является одним из наиболее густо населенных районов Индии и земельный голод чувствуется там довольно остро, дженми всегда находил охотников занять место изгнанного им арендатора.

В отличие от Андхрадешы, где почти все население исповедует индуизм, население Кералы разнородно в религиозном отношении: индусы составляют только около 60% ее населения, около 25% составляют христиане различного толка, остальные мусульмане. Малаяли-мусульмане именуются в англо-индийской литературе мопла (искаженное слово мапилла), т. е. зять, титул, который был дан мусульманам правителями Малабара еще в средние века. Большинство мопла, которые прежде занимались не только сельским хозяйством, но и морской торговлей, в настоящее время сельскохозяйственные рабочие. Это объясняется тем, что потомки арабских торговцев, поселившихся в Малабаре, составляют теперь лишь ничтожнейшую часть мусульманского населения Кералы. Огромное большинство мусульман составляют обращенные в ислам индусы низших каст, главным образом черума. Поэтому неправильно считать мопла какой-то особой народностью, так как они представляют собой часть нации малаяли.

Следует упомянуть также о некоторых особенностях быта и культуры Кералы. Население Кералы самое грамотное во всей Индии. Процент грамотных в княжествах Траванкур и Кочин достигает 45 при общей грамотности в Индии 12%. В Траванкуре относительно высок уровень грамотных женщин — 34%, который можно объяснить тем, что в этой области сохранились сильнейшие пережитки матриархата, благодаря которым женщины пользуются большей свободой и их роль в общественной жизни выше, чем в остальных частях Индии.

Крестьянское движение в Керале началось давно¹ и ранее всего в Малабарском округе, среди мопла. Еще в период с 1836 г. по 1898 г. этот район считался беспокойным. В талуках Эрнад, Валлуванад в эти годы было совершено 45 нападений издольщиков-мопла на дженми-индусов. В связи

¹ Большая часть сведений о развитии крестьянского движения в Керале взята из брошюры: Namboodripad. The short History of the peasant movement in Kerala. Bombay, 1943.

с этим был издан особый акт, направленный против выступлений мопла. Нападения, совершавшиеся на индусов, не были выражением религиозно-общинной розни, так как им подвергались помещики дженми, старосты деревень — адхикари, полицейские и налоговые чиновники, которые в этих талуках почти все индусы.

В 1921 г. в южной части Малабарского округа вспыхнуло восстание мопла. Это восстание, изображаемое в официальных английских источниках как выражение мусульманского фанатизма, по словам члена ЦК Коммунистической партии Индии Намбудрипада¹, было «крестьянским движением, носившим религиозную окраску». Восстанием было охвачено 220 амсомов, т. е. податных округов Малабара, причем за этот период было «осквернено» повстанцами лишь 9% индуcских храмов и убито 500—600 индусов из общего числа их 400 тыс. человек. Это показывает, по словам Намбудрипада, что религиозно-общинный момент играл второстепенную роль в восстании. Вместе с тем повстанцы расправлялись и с чиновниками-мусульманами; так, 20 января 1922 г. ими был убит хан Бахадур Чекути, отставной инспектор полиции, мусульманин. Во главе восстания стояли крестьяне и рабочие мопла. Лидером его был возчик Варианкуннатх-Кунахмет Хаджи. Он был объявлен главой государства мопла. Только когда восстание уже было почти подавлено, оно приняло ярко выраженную религиозно-общинную окраску.

На этот период как раз и приходится наибольшее количество нападений на индусов, насильственное обращение их в ислам, ограбление и изнасилование индуcских женщин. Индуcское крестьянство почти не было вовлечено в восстание. В руководстве восстанием значительную роль играло мусульманское духовенство, и этим объясняется его ограниченность. Намбудрипад считает, что причиной слабого участия индусов в восстании является также большое влияние среди индуcского крестьянства браминов-намбудри, в большинстве случаев землевладельцев, а также высшей прослойки арендаторов — канамдаров, организованных лучше, чем низшие слои. Мопла же имели свои организации, в которых играли большую роль как раз представители низших слоев арендаторов. Кроме восстания мопла, которое в значительной мере было стихийным, с конца прошлого столетия в Керале начало развиваться реформистское движение высшей прослойки арендаторов — канамдаров.

¹ Namboodripad. Указ. соч., стр. 18.

Интеллигенция Кералы, по словам Намбудрипада, состояла не из феодальных правителей (стхани) и браминов-намбудри, а главным образом из канамдаров. Из этого же слоя развивается и буржуазия Кералы. Именно канамдары в конце прошлого и начале нынешнего столетия составляли ядро конгрессистов Кералы. Реформистское движение охватило всю Кералу, как княжества Траванкур и Кочин, так и Малабарский округ Мадрасской провинции. После восстания мопла были проведены акты, ограничивающие права дженми в отношении канамдаров в княжествах Кочин и Траванкур. Эти акты именуются актами о намбудри, ибо большинство дженми в этих княжествах принадлежат к числу браминов-намбудри. Акты запрещали дженми произвольно повышать арендную плату и разрешали пересматривать ее только через 12 лет. Однако они, гарантируя в некоторой степени права канамдаров, ни в какой мере не облегчали положения верумпатамдаров. В этом отношении проведенный в 1930 г. под давлением движения канамдаров Мадрасский акт об аренде являлся шагом вперед по сравнению с актами княжеств, ибо он распространялся также на верумпатамдаров и даже на издольщиков более низких категорий.

Интересно отметить, что в то время как князья княжеств Кочин и Траванкур, сами происходящие из наиров, содействовали проведению в жизнь актов, ограничивающих права дженми, мадрасский губернатор встал на сторону последних и только под влиянием движения, возглавившегося Конгрессом, вынужден был санкционировать акт 1930 г.¹ Но и Мадрасский акт в очень малой мере гарантировал права верумпатамдаров от произвола дженми, ибо он не устанавливал максимальную долю урожая, которую мог требовать помещик, а предлагал только, чтобы земля сдавалась по справедливой цене. Это открывало много лазеек для произвольного толкования акта. Это означало, что 95% всех верумпатамдаров могли быть изгнаны в любое время с земли по произволу дженми.

В 1930—1932 гг. в Малабаре вновь поднялась волна крестьянского движения, причем на этот раз это движение было сильнее в северных, индусских талуках, чем в южных, где имеется значительное количество мопла. В этом движении, значительную роль играла недавно созданная конгресс-социалистическая партия. Движение носило мирный характер и проводилось в форме гандистской сатяграхи.

¹ Namboodripad. Указ. соч., стр. 18.

Многие из лидеров этого движения, как, например, Гопалан, организатор Лиги молодежи, впоследствии стали видными коммунистами.

Непосредственными требованиями крестьянского движения в этот период были следующие: отмена закона, разрешавшего дженми изгонять канамдара, если тот не мог платить повышенной ренты после пересмотра ее; запрет или резкое сокращение права землевладельца изгонять любого арендатора; отмена пункта закона о том, что верумпатамдар должен дать дженми залог в размере годичной аренды; снижение арендной платы; чтобы земли, вновь расчищенные от леса, также подлежали акту, фиксирующему размер арендной платы.

Однако уже в период борьбы против Конституции 1935 г. в движении началось расслоение. В конгрессовских организациях усилилось влияние богатых канамдаров и даже дженми, которые враждебно относились к организации крестьян.

С 1937 г. начали организовываться в Малабаре, главным образом молодыми социалистами, крестьянские союзы в талуках, которыми руководили часто сами крестьяне. В этот период Конгресс все еще полностью не блокировался с помещиками, и хотя он стремился ограничить требование крестьян небольшими поправками к акту 1930 г., все же поддерживал их движение. В мае 1938 г. был создан крестьянский союз Кералы, возглавлявший существовавшие ранее крестьянские союзы различных талук. Конец 1938 г. и начало 1939 г. были отмечены подъемом крестьянского движения в Керале как в пределах Мадрасской провинции, так и в княжествах.

Крестьянское движение не прекратилось и с началом войны, причем в 1940 г. крестьяне вместе с требованием уменьшения арендной платы и другими крестьянскими требованиями выдвигали также и антивоенные лозунги. Во многих местах происходили столкновения между крестьянами и полицией. В этот период крестьянским движением в Керале руководила уже недавно созданная коммунистическая организация, которой приходилось бороться не только против правительства, но и против гандистского руководства Конгресса и руководства конгресс-социалистической партии.

Особенно активно развернулось крестьянское движение в северном Малабаре и южной части округа Южной Каннары, населенной малаяли, где земельные отношения такие же, как и во всей Керале. Но так как округ Южная Каннара считается округом райотвари, то закон 1930 г. на него не распространялся, поэтому произвол дженми, не ограниченных

никакими рамками, здесь особенно велик. Крестьянская организация требовала, чтобы Малабарский акт об аренде был распространен и на этот район. В ответ на это дженми при помощи полиции начали преследовать крестьянские организации; в деревне Кайюр полиция избивала одного волонтера крестьянского отряда. В знак протеста 28 марта 1940 г. жители этой деревни организовали демонстрацию, и когда полицейский чиновник попытался запретить демонстрацию, то был убит. Вслед за этим последовали аресты и избиения крестьян, не только участников движения, но также женщин и детей. Крестьянский союз в Малабаре был объявлен вне закона. Однако крестьянское движение начало развиваться в других формах, и, в частности, в период войны коммунисты широко использовали для агитации среди крестьян комитеты помощи голодающим (Distress Relief Committee).

Большинство коммунистических лидеров Кералы в этот период, несмотря на то, что в 1942 г. партия была легализована, находилось в тюрьме, и в их числе Гопалан. В 1946 г. во время выборов в Керале имела место такая же острая борьба между коммунистами и конгрессистами, как и в Андхрадеше. Коммунисты выступали на выборах с требованием создания объединенной Кералы в свободной Индии. Этот лозунг означал, что княжество Кочин и Траванкур должны ликвидироваться и вместо них должна быть создана демократическая провинция Керала. Конгрессисты нападали на коммунистов при помощи своих волонтеров, среди которых было много сыновей дженми и богатых канамдаров, громили помещения коммунистических организаций и избивали коммунистов. В апреле 1946 г. был избит видный коммунистический деятель Кералы Кришна Пиллай¹.

В знак протеста рабочие Траванкура объявили забастовку. Началась стачка на фабрике Арона, крупнейшего капиталиста Малабара, члена Национального конгресса. Стачкой руководил Кришна Пиллай. После образования в Мадрасе конгрессистского правительства Гопалан и его 15 товарищей, арестованные в 1942 г., были освобождены. В 1946 г. усиливается движение против князей в Кочине и Траванкуре. Еще до войны в княжестве Кочин создан Союз неприкасаемых, борющийся под руководством гандистов за разрешение неприкасаемым свободного входа в индусские храмы. Впоследствии этот Союз неприкасаемых, членами которого являлись главным образом издольщики и батраки, стал действовать

¹ Кришна Пиллай погиб в 1946 г. от укуса кобры.

совместно с крестьянским союзом, активно участвуя в борьбе против помещиков.

В мае 1946 г. правительство Кочина запретило неприкасаемым ходить по некоторым улицам, вблизи храма в Иринджалакуда. В знак протеста 23 июня под руководством коммунистической партии Союза неприкасаемых и Пулая Махасабха, был создан митинг протеста и организована демонстрация. Полиция напала на демонстрацию, причем некоторые из участников ее были ранены и арестованы. В это же время в княжестве начались многочисленные митинги протеста против ареста Неру в княжестве Кашмир. Одновременно выдвигались требования отмены всех запретов в отношении неприкасаемых.

Конгрессовские организации княжества Кочин (Праджа Мандаль) выступали против этого движения. Осенью 1946 г. началось массовое движение в княжестве Траванкур. Еще в 1938 г. в княжестве были созданы профессиональные союзы и возникла коммунистическая организация. Княжеством управлял тогда в качестве премьер-министра (диван) Рамасвами Иер, назначенный политическим департаментом вице-короля. В 1946 г., чувствуя, что политическая обстановка изменилась и что Индия безусловно получит права доминиона, он объявил о введении в княжестве новой конституции, которая не вносила никаких существенных изменений в политический строй княжества. Рамасвами Иер надеялся этим путем расколоть ряды демократического движения и отколоть от него правых лидеров Конгресса. Однако Конгресс тогда не принял этой реформы. Понимая, что наибольшим влиянием среди демократических элементов княжества пользуются коммунисты и профессиональные союзы княжества, Иер начал переговоры с лидерами Конгресса и в то же время подготавливал мероприятия для разгона коммунистической организации и профсоюзов.

Между августом и октябрём 1946 г. в талуках Шерталан и Амбалапужа происходили настоящие военные действия между полицией и рабочими. Войска княжества, банды хулиганов, оплачиваемых помещиками, нападали на рабочие лагеря, насиловали женщин, разрушали жилые дома, срывали красные флаги и подвергали профсоюзных работников пыткам. Но политика террора не принесла желанных результатов, профсоюзы продолжали усиливать свое влияние на рабочих. Тогда диван сделал попытку подкупить некоторых профсоюзных лидеров. Он созвал трехстороннюю конференцию рабочих, собственников и правительства по вопросу о зар-

плате и обещал пойти на уступки рабочему движению, если лидеры его признают новую конституцию «американского образца». Однако лидеры рабочих не пошли на такую уловку. После этого правительство запретило все профсоюзы и опечатаало их конторы.

23 октября 1946 г. рабочие княжества объявили всеобщую забастовку протеста. В окрестностях селений Пуннапара и Ваялар были организованы рабочие демонстрации. Рабочие процессии происходили и в других районах княжества (Алеппи и др.). В Пуннапара процессия в 10 тыс. рабочих в сопровождении семей шла с лозунгами: «Конец самодержавию!», «Отзовите воинские части!». Войска, которые были размещены в поместье лидера Конгресса Аплона, открыли огонь по демонстрантам. Произошло крупное столкновение. Было убито несколько демонстрантов и несколько солдат и в том числе инспектор полиции. 27 октября было объявлено военное положение в княжестве и началось еще более жестокое преследование коммунистов и профсоюзных лидеров. Многие из них погибли в тюрьмах от пыток. В рабочем лагере Ваялар были убиты 400 рабочих.

В 1947 г., после расчленения Индии, в княжестве Траванкур вновь вспыхнуло движение против князя и дивана. Диван должен был подать в отставку, но ввиду того, что руководство Конгресса и конгресс-социалистической партии предали движение, князь остался у власти, пошел на некоторые уступки требованиям Конгресса и создал правительство из его лидеров. В этот период от Конгресса и конгресс-социалистической партии откололась значительная часть, образовавшая национальную организацию по имени Социалистическая партия Кералы, которая вместе с коммунистами продолжала вести борьбу за ликвидацию княжеств и создание объединенной демократической Кералы¹.

Уже при власти конгрессовского правительства произошел суд над арестованными лидерами рабочего движения в Пуннапара и Ваяларе. Трое из лидеров были приговорены к повешению. Несмотря на движение протеста, конгрессовское правительство Траванкура не отменило смертного приговора, вынесенного на основе закона, введенного Иером. В княжестве продолжалось преследование членов профсоюзов и коммунистов. В противоположность Андхрадеше требование создания единой Кералы поддерживалось не только демократическими элементами и коммунистами, но и местной

¹ Газ. «People's Age», 12 октября 1948 г.

буржуазией Траванкура и частью лидеров конгресса. Это объясняется тем, что ростовщики и банкиры княжества, значительная часть которых принадлежала к сирийским христианам, захватили в свои руки многие предприятия Малабара и княжества Кочин, поэтому они и желали объединения всей территории, населенной малаяли. Интересно, что князь Кочина также выступил за создание единой Кералы под эгидой княжеских фамилий Кочина и Траванкура. Таким образом, лозунг объединения всех малаяли в Керале поддерживался не только прогрессивными, но и реакционными элементами, и не всякая форма создания единой Кералы является прогрессивной¹. Весной 1949 г. княжества Траванкур и Кочин были объединены под властью раджи Траванкура. Новое княжество получило наименование Траванкур-Кочин.

Борьба между демократическими и реакционными элементами ярко проявилась в княжестве Кочин в связи с назначенными там выборами законодательных учреждений. Уже с осени 1947 г. в княжестве Кочин правило министерство, составленное из представителей двух партий — Праджа Мандал и Народный конгресс. Обе партии реакционные, близкие к Национальному конгрессу. Коммунистическая партия в княжестве существовала нелегально, а ее газета «Муннани» была запрещена. Конституция княжества крайне недемократична: в княжестве на зарегистрированных фабриках 13 тыс. рабочих, из которых только 900 человек пользовались избирательными правами, избирательные права крестьян также были ограничены, поэтому коммунисты при поддержке упомянутой выше социалистической партии Кералы, а также Пулая Махасабха и Союза неприкасаемых объявили бойкот выборов, призывая бороться за демократический Кочин, как составную часть народной республики Кералы, в интересах 12,5 млн. малаяли. В результате бойкота в выборах участвовало всего 60% избирателей².

Крестьянское движение в Керале не приняло еще таких организованных и активных форм, как в провинции Андхра. Однако и здесь мы видим также резкое размежевание сил реакции и сил демократии. В Керале сложился реакционный блок капиталистов и помещиков, возглавляемый Национальным конгрессом и его филиалами в княжествах. Прежние феодально-помещичьи партии фактически перестали существовать и влились в Национальный конгресс. Так, в прави-

¹ Газ. «People's Age», 24 октября 1948 г.

² Там же, 17 октября 1948 г.

тельстве княжества Траванкур, возглавлявшемся конгрессистом Паттом Тхану Пиллаи, участвовал консультант плантаторов Маркос. Бывший лидер реакционной кастовой организации наиров, «Общество служения наирам» Падманабха Пиллаи вступил в Конгресс. Конгресс Кералы превратился из организации канамдаров и буржуазии в организацию блока дженми, богатых канамдаров и капиталистов. Его поддерживали также реакционные организации высоко стоящих каст. С другой стороны, демократический лагерь возглавлялся коммунистической организацией Кералы, которая довольно многочисленна. На языке малаялам издавалось три коммунистических газеты.

Профессиональные союзы Кералы находились под влиянием коммунистов. Под руководством компартии вели свою работу также молодежные и женские организации Кералы. Коммунистическую партию поддерживали организации неприкасаемых каст. Демократический лагерь Кералы был хорошо организован и сплочен. Здесь, кроме коммунистической партии, значительную роль играла националистическая, мелкобуржуазная организация, называемая социалистической партией Кералы.

В крестьянском движении Кералы руководящая роль рабочего класса укрепилась. Особенно ярким доказательством этого были события в Траванкуре, которые начались выступлением рабочих (Пуннапара, Ваялар), причем не только рабочие крупных предприятий, очень немногочисленных в Керале, но и рабочие мелких немеханизированных предприятий типа мануфактур проявляли большую политическую активность и организованность.

Махараштра занимает центральную часть Бомбейской провинции, юго-западную часть центральных провинций, северо-западную часть княжества Хайдарабад и весь Берар. Она разбита на четыре языковых провинции: Махараштра, Нагпур, Берар и город Бомбей. В промышленном отношении Махараштра самая развитая часть Индии. На ее территории находятся несколько крупных промышленных центров: Бомбей (1,5 млн. жителей), Нагпур (302 тыс.), Шолапур (212 тыс.). Кроме того, имеется значительное количество более мелких промышленных городов. Культурным и историческим центром является город Пуна. Бомбей — крупнейший порт Индии, в котором занято большое количество рабочих, а в Нагпуре, кроме текстильных фабрик, имеются крупные железнодорожные мастерские. Основная отрасль промышленности Махараштры — хлопчатобумажное производство. Поэтому и

в сельском хозяйстве основной товарной культурой является хлопок. Аграрные отношения этой провинции значительно отличаются от этих отношений Андхра и Кералы. Махараштра принадлежит к областям, где преобладает система райотвари, но в некоторых ее частях (Берар, Нагпур) существует также и система заминдари. Кроме крупных помещиков, которых в Махараштре относительно немного, верхним слоем деревенского населения являются так называемые мирасдары. Это наследственные арендаторы, а фактически землевладельцы, платящие высокий налог государству и сдающие свою землю мелкими участками ненаследственным, бесправным арендаторам. В деревнях Махараштры большую роль играют ростовщики. За последние годы усилился процесс обезземеления крестьян и перехода земли в руки ростовщиков, происходящих главным образом из различных торговых каст, особенно марвари.

Национальный состав Махараштры менее однороден, чем состав двух уже рассмотренных нами областей. Маратхи представляют большинство сельского и городского населения, но наряду с этим в крупных городах проживает значительное количество гуджератцев и парсов. Особенно разнородно население Бомбей, хотя и в нем маратхи составляют большинство. Особенностью Махараштры является слабость ее национальной буржуазии. Махараштра — это оплот индийского капитала. Почти все фабрики в ней принадлежат индийцам. Английских предприятий очень немного, но индийские капиталисты Махараштры не махараштрийцы, а преимущественно гуджератцы и парсы. Почти все фабрики, электростанции, страховые компании, банки и даже ростовщические конторы принадлежат парсам и гуджератцам. Все крестьяне, рабочие, а также большинство помещиков и мирасдаров — маратхи. Маратхи — и большая часть клерков, чиновников и других служащих и интеллигентов провинции. Это своеобразное переплетение классовых и национальных отношений в Махараштре наложило отпечаток и на ее политическое движение

Махараштра и в особенности Бомбей всегда играли видную роль в национальном движении Индии. Маратхи принадлежат к числу наиболее развитых национальностей. Они начали складываться в нацию еще до прихода англичан. Большая политическая роль, которую играли маратхи в позднее средневековье, когда их государство превратилось в империю, охватывавшую большую часть Индии, способствовала развитию национального самосознания у маратхов и росту нацио-

нализма у маратхских помещиков и буржуазии. Шиваджи — основатель маратхского государства — до сих пор является очень популярным героем маратхов. В деревнях Махараштры и теперь еще поются песни — повада, описывающие похождения Шиваджи и его соратников. Маратхи играли большую роль в руководстве сипайским восстанием, а позднее, в 70-х годах XIX в., стихийные крестьянские восстания Махараштры отличались большой настойчивостью и имели ярко выраженную антианглийскую направленность. В первый период развития Национального конгресса, когда руководящую роль в нем играли не капиталисты, а чиновники и либеральные помещики, маратхи, например, Ранаде, Гокхале, Тилак, занимали руководящие посты в этой организации.

Но с развитием индийской промышленности Национальный конгресс постепенно стал превращаться в организацию крупной индийской буржуазии, и от его руководства были отстранены как бенгальцы, так и маратхи. Маратхская буржуазия — это главным образом средняя буржуазия. В Махараштре можно найти лишь несколько крупных предприятий, принадлежащих маратхам. Только в немеханизированной мануфактурной промышленности маратхи играют несколько большую роль.

С переходом руководства в Конгрессе в руки представителей крупной буржуазии в этой организации ведущую роль стали играть гуджератцы, марвари и хиндустаны. Маратхи уже в начале нашего столетия представляли в Конгрессе оппозицию, так как в рядах конгрессовской организации Махараштры преобладала интеллигенция, происходящая из среды средних и мелких маратхских помещиков. Эта интеллигенция, так же как и бенгальская интеллигенция из верхней прослойки арендаторов (бхадра лог), составляла ядро более радикального, экстремистского, крыла Конгресса, руководимого Тилаком. Рабочее движение в Махараштре начало развиваться еще в конце XIX в., и рабочие Бомбея с тех пор всегда являлись передовым отрядом индийского рабочего класса. После 1919 г., когда в Индии появились коммунистические группы, Бомбейская группа стала самой сильной из них. Коммунисты Бомбея вели активную работу в профсоюзах, и руководимый ими союз текстильщиков Гирни Камгар (Красный флаг) сыграл огромную роль в развитии рабочего движения в Индии. В настоящее время коммунистическая организация Махараштры — одна из самых сильных организаций коммунистической партии Индии. Классовая борьба в Махараштре отличается большой остротой; в связи с этим там наблюдается

резкая поляризация сил в политическом движении. Маратхская аристократическая интеллигенция, прежде игравшая значительную роль в Конгрессе, в настоящее время придерживается еще более реакционных взглядов и пополняет ряды Хинду Махасабхи.

Движение за воссоединение в пределах одной провинции всех областей, населенных маратхами, как и среди других национальностей Индии, началось во втором десятилетии нашего столетия. Однако особенно активно оно начало развиваться после первой мировой войны. Между местными организациями Махараштры и даже ее конгрессовским комитетом и центральным руководством Конгресса имелись значительные разногласия по вопросу о создании объединенной Махараштры. В то время как маратхские организации требовали, чтобы все области, где преобладают маратхи, были включены в объединенную Махараштру, Национальный конгресс особенно упорно настаивал на том, чтобы Бомбей оставался отдельной административной единицей.

В начале второй мировой войны, а именно в августе 1940 г., в связи с требованием Конгресса создать индийское национальное правительство, в Махараштре усилилось движение за создание объединенной Махараштры. Была созвана конференция, на которой присутствовали маратхские политические деятели различных направлений, но главным образом конгрессисты. На этой конференции присутствовали бывший премьер правительства центральных провинций Кхаре, соратник Тилака Келькар, экономист Гадгил (теперь министр энергетики) и другие. Конференция приняла решение об объединении всех конгрессовских провинций, населенных маратхами, в единую провинцию — Объединенную Махараштру. В резолюции конференции говорилось, что когда придет время для разрешения вопроса о княжествах, то в состав Махараштры должны быть включены Маратхавара из княжества Хайдарабад и все княжества Деккана, население которых говорит на языке маратхи. Когда же Индия будет независима, то португальская колония Гоа также должна быть присоединена к Махараштре. На этой конференции раздавались очень агрессивные речи. Так, например, доктор Кхаре заявлял, что, по существу говоря, вся Индия должна быть маратхской, так как когда-то маратхи объединяли под своей властью всю ее территорию. Руководство Национального конгресса, выступая против Пакистана, выдвигало программу создания в Индии языковых провинций. Поэтому в ведущей конгрессистской газете «Бомбей Кропикл» решения этой конференции коммен-

тировались очень сочувственно. Однако уже в 1945 г., во время выборов, руководство Конгресса предпочло умолчать о своих намерениях в отношении создания языковых провинций. В связи с этим в том же году одним маратхским адвокатом была создана организация под названием «Конференция Объединенной Махараштры». Вначале эта Конференция казалась частным делом ее организатора. Однако после расчленения Индии, и особенно когда индийское правительство стало тормозить создание языковых провинций, деятельность этой Конференции привлекла к себе внимание маратхской общественности, и она постепенно превратилась в организацию не менее многочисленную, чем провинциальная организация Конгресса. Усиление деятельности этой организации явилось выражением усиления классовых противоречий в Махараштре. Хотя Конференция и не порвала с Конгрессом, ее руководители продолжали состоять его членами, но в своей практической деятельности она выступала решительно против линии руководства Конгресса в национальном вопросе. Социальный состав этой организации был очень разнороден, но крупная гуджаратская и парсийская буржуазия в ней, конечно, не участвовала. Требование немедленного создания Объединенной Махараштры особенно усилилось после вступления индийских войск в Хайдарабад. Конференция, как и Андхра Махасабха, поддержала требование ликвидации княжества Хайдарабад и присоединения его маратхской территории к Махараштре. В этом отношении линия Конференции резко разошлась с линией Конгресса, который, выражая интересы крупной гуджаратско-марварской буржуазии, стремился сохранить существующее административно-политическое деление Индии. Большие разногласия между Конгрессом и Конференцией Объединенной Махараштры вызвал также вопрос о Бомбее. Конгресс настаивал на том, чтобы Бомбей был выделен в самостоятельную административную единицу на том основании, что большинство капиталистов этого города парсы и гуджарати. По этому поводу газета «Пиплз Эйдж» писала, что на таком же основании надо выделить в независимую провинцию Калькутту ради интереса нескольких капиталистов марвари, владеющих в ней фабриками¹.

С 16 по 17 октября 1948 г. в Бомбее происходила сессия Конференции Объединенной Махараштры. Конференция выдвинула требование признания права на самоопределение маратхского народа и немедленного присоединения

¹ Газ. «People's Age», 5 сентября 1948 г.

к Махараштре маратхских земель княжества Хайдарабад, а также всех маратхских конгрессовских провинций Индийского союза и мелких маратхских княжеств. Руководители Конференции, с целью затруднить вступление в нее рабочих и крестьян, предложили установить вступительный взнос в размере 5 рупий и ежегодную плату в 2 рупии. Но это предложение не прошло, и было принято компромиссное решение о вступительной плате в 1 рупию. На Конференции выступил представитель компартии Дешпанде, требовавший немедленного создания Объединенной Махараштры. От имени трудящихся Гуджерата на сессии Конференции выступал коммунист Рамеш¹.

В национальном движении Махараштры имеются два течения. За Объединенную Махараштру выступают маратхская буржуазия и маратхские помещики. Их целью является ослабление позиций крупной гуджерато-марварской буржуазии на национальном маратхском рынке. Выступая против линии руководства Национального конгресса в вопросе о создании языковых провинций, маратхские помещики и буржуазия вместе с Конгрессом преследуют рабочее и крестьянское движение и в этом отношении поддерживают реакционную политику индийского правительства. Часть их примыкает к Хинду Махасабхе. Даже в борьбе за Объединенную Махараштру они занимают колеблющуюся позицию и стремятся сузить размах движения. В этом движении также принимают участие все демократические слои Махараштры: рабочие, крестьяне, демократическая интеллигенция, низший слой чиновников, городская беднота и часть буржуазии. Они видят в образовании народно-демократической свободной республики Махараштры путь к освобождению от эксплуатации крупного капитала и от феодальных пережитков. Во главе этого движения стоит Коммунистическая партия Индии, поддерживающая справедливые национальные требования маратхов.

Общественный строй и национальное движение Карнатака имеют много общих черт с Махараштрой. Карнатак занимает самую южную часть Бомбейской провинции (к северу до Шолапура), северо-западную часть Малабарского побережья и почти все княжество Майсур. Территория Карнатака разбита между четырьмя крупными и несколькими мелкими административными единицами. Наиболее развитой в экономическом отношении частью Карнатака является княжество Майсур.

¹ Газ. «People's Age», 31 октября 1948 г.

Здесь расположены крупные промышленные центры: Бангалур, Майсур, Бхадравати и Коларские золотые прииски. Однако численность рабочего класса в пределах Карнатака и его активность значительно меньше, чем в Махараштре. Национальная буржуазия Карнатака немногочисленна. Многие предприятия в Карнатаке принадлежат гуджаратским и тамильским капиталистам, в Бангалуре имеются английские фабрики, а ряд промышленных предприятий княжества Майсур принадлежит махарадже Майсура. Земельные отношения в Карнатаке не отличаются существенно от земельных отношений Махараштры. Крестьянское движение в ней также не более активно, чем в Махараштре. Но национальное движение в Карнатаке началось одновременно с движением в Махараштре. Борьба за создание Объединенного Карнатака ведется довольно активно. Эта борьба началась в период подъема национального движения в 1919—1922 гг. Конференция Круглого стола 1930—1931 гг. было подано заявление от общественных организаций Карнатака о создании административной провинции Карнатак из районов Бомбейской и Мадраасской провинций, населенных каннарцами. Английское правительство не удовлетворило этого требования, мотивируя тем, что провинция Карнатак будет слишком мала и не сможет сбалансировать бюджета. Однако движение за объединение Карнатака продолжалось. В Карнатаке возникло много национальных культурных и хозяйственных организаций, которые поддерживали требования объединения в границах единой провинции всех каннарских районов Британской Индии. Движение в предвоенный период возглавлялось провинциальным конгрессовским комитетом Карнатака, требовавшим, подобно конгрессовским комитетам провинций Андхра, Карала и Махараштра, от руководства Конгресса скорейшего создания языковых провинций. Руководство Конгресса, в котором в это время уже играли главную роль представители гуджаратской и марварской группировок, стремилось сдержать национальное движение каннарцев и других народов юга Индии. В начале второй мировой войны в Карнатаке была проведена конференция Объединенного Карнатака. Конференция выдвинула требование объединения всех областей, населенных каннара, включая и территорию княжества Майсур. Она заявила, что если это требование не будет осуществлено правительством Индии, то в Карнатаке начнется массовое движение за его выполнение. Однако движение так и не началось. В первые месяцы после расчленения Индии правительство княжества Майсур заявило о своем нежелании

присоединиться к Индийскому союзу, а некоторые его политические деятели, повидимому, инспирированные английскими правящими кругами, выдвинули идею объединения всех земель каннарцев под эгидой махараджи Майсура. В силу значительной политической отсталости Карнатака, незначительности в нем рабочего и крестьянского движения и слабости коммунистической организации движением за создание объединенного Карнатака руководят пока буржуазные и мелкобуржуазные элементы, поэтому движение менее активно и носит менее массовый характер, чем движение в Махараштре и тем более в Андхрадеше и Керале.

Страна тамиллов Тамилнад охватывает всю южную часть Мадрааской провинции, восточную часть княжества Майсур и крайний юг княжества Траванкур. На территории Тамилнада находятся города: Мадрас (777 тыс. жителей), расположен на границе расселения телугу и тамиллов, население его смешанное, Мадур (238 тыс.), Тричинополи (159 тыс.), Коимбатур (130 тыс.) и Салем (129 тыс.). Во всех этих городах имеется значительное количество крупных промышленных предприятий, хотя в отношении развития промышленности Тамилнад значительно отстает от Махараштры. Рабочий класс Тамилнада довольно разнороден по своему национальному составу, и наряду с тамилами, которые составляют большинство рабочих, на предприятиях Тамилнада работает много телугу и каннарцев. В отличие от Махараштры и других областей юга Индии тамильская буржуазия очень сильна. Большинство крупных предприятий Мадрааской провинции принадлежит тамильским капиталистам. Тамильские купцы и ростовщики — четти ведут крупные торгово-ростовщические операции за пределами Индии: в Бирме, Малайе, Цейлоне, на острове Маврикия, в восточной и южной Африке и даже в Вест-Индии. Везде, где работают тамильские кули, которых английские капиталисты контрактировали в массовом масштабе для работы в своих тропических колониях, имеются также группы тамильских ростовщиков и торговцев-компраторов. В этом отношении Тамилнад сходен с Гуджаратом. Но в отличие от гуджаратской и парсийской буржуазии, которая претендует на весь индийский рынок, тамильская буржуазия, господствуя в Мадрааской провинции, заинтересована в расширении своей зарубежной торговой и финансовой деятельности. Эта крупная буржуазия играет преобладающую роль в конгрессовской организации Тамилнада.

Таким образом, в отличие от прочих конгрессовских провинций юга Индии, где опорой Конгресса являются крупные

и мелкие помещики и ростовщики, тамильская организация Конгресса — буржуазно-помещичья. Такой состав конгрессовской организации Тамилнада объясняет преобладание в ней крайне правых элементов, почти не отличающихся от индийских либералов. Среди крайне правых лидеров Конгресса много тамиллов, как, например, бывший генерал-губернатор Индийского союза раджагопалачари, недавно умерший Сатья Мурти и другие.

До расчленения Индии рабочее движение Тамилнада также отставало по степени активности и организованности от рабочего движения Махараштры. До объединения профсоюзных центров в 1938 г. в Мадрасской провинции значительным влиянием пользовалась Всеиндийская федерация труда, которой руководили либералы. Однако после расчленения Индии в рабочем движении Тамилнада усилилось влияние коммунистов. Забастовка 1946 г. в текстильном центре Тамилнада, городе Коимбатур, принадлежит к числу наиболее упорных и организованных забастовок послевоенного периода. В результате этой забастовки четыре коммуниста — работники профсоюза Кримбатура, лидеры союза текстильщиков Красный флаг — были повешены. Рабочие Мадраса во время волнений в военном флоте объявили всеобщую забастовку солидарности.

Влияние коммунистов расширилось также и в деревне. Аграрный строй Тамилнада имеет значительное сходство со строем Махараштры и Карнатака. Тамилнад принадлежит к типичным районам райотвари. Крупные помещики там менее многочисленны, и основную массу землевладельцев, или, точнее, земледержателей, составляют так называемые мирасдары. Мирасдары до расчленения Индии имели свою партию «Джастис парти», которая выступала против Национального конгресса, но во время выборов 1945—1946 гг. в Тамилнаде, как и в Андхрадеше, сложился блок Конгресса с Джастис парти против коммунистов. Несмотря на это, коммунисты во время выборов сумели провести своего депутата в провинциальное законодательное собрание.

Благодаря активной деятельности коммунистов в провинции усилились крестьянские союзы и были созданы организации батраков. Все же крестьянское движение в Тамилнаде значительно слабее, чем в Андхрадеше и Керале. Объясняется это тем, что большинство крестьян и почти все сельскохозяйственные рабочие Тамилнада принадлежат к неприкасаемым кастам, крайне забытым и деморализованным вековым угнетением и эксплуатацией. Почти все тамилы сосредоточены в

пределах Мадрасской провинции и находятся, таким образом, в более выгодных условиях, чем остальные народы юга Индии. Из-за того, что тамильская буржуазия господствует не только в промышленности и торговле всей Мадрасской провинции, но и в значительной степени всего юга, национальное движение в Тамилнаде слабее, чем в рассмотренных ранее областях. Более того, тамильская буржуазия не заинтересована в создании национальных областей на юге Индии, так как она от этого ничего не приобретает, а только теряет. Она, так же как и мирасдары, полностью поддерживает линию центрального правительства Индийского союза, а за создание языковых провинций выступают только демократические элементы. Тамильская буржуазия подобно гуджаратской и марварской не заинтересована в разрыве связи с Британской империей; она поддерживает линию руководства Конгресса и Индийского правительства на сохранение Индии в составе Британской империи и враждебно относится к демократическим движениям народов юго-восточной Азии. Это объясняется тесными коммерческими и финансовыми связями тамильской буржуазии с Британской империей.

В Бирме тамильским четти принадлежат крупнейшие поместья, в Малайе они играют значительную роль в торговле, и им принадлежит некоторое количество каучуковых плантаций. На Цейлоне они ведут крупную торговлю и занимаются ростовщическими операциями. Понятно, что тамильская буржуазия заинтересована в сохранении существующего положения и не желает победы национально-освободительного движения в странах юго-восточной Азии.

* * *

Национальное движение, развивающееся нарастающими темпами и принимающее все более широкий размах на юге Индии, дает возможность сделать некоторые общие выводы.

Национальное движение развивается крайне неравномерно. В районах маратхов, малаяли и в особенности андрха размах движения шире, и оно носит более активные формы. Слабее движение в Карнатаке и еще слабее в Тамилнаде. Таким образом, движение носит наиболее активные формы в районах с сохранившимися феодальными отношениями, где буржуазия слаба и не играет серьезной роли в национальном движении. Наоборот, там, где национальная буржуазия сильна, как, например, в стране тамиллов, и где она играла до

последнего времени (до 1946 г.) ведущую роль в национальных организациях, национальное движение менее активно.

Конкурентная борьба буржуазии различных наций в национальном движении юга Индии в настоящее время играет незначительную, второстепенную роль. Национальное движение является выражением борьбы народных масс рабочих, крестьян, мелкобуржуазных слоев главным образом против угнета иностранного империализма и господствующего в Индии реакционного блока крупной буржуазии и помещиков. И. В. Сталин, отвечая в 1925 г. на статью Семича о национальном вопросе в Югославии, писал: «Суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения, культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности. Какое значение может иметь при такой постановке национального вопроса конкурентная борьба буржуазии разных национальностей между собой? Безусловно не решающее, а в некоторых случаях даже неважное. Совершенно очевидно, что речь идет здесь главным образом не о том, что буржуазия одной национальности побивает или может побить в конкурентной борьбе буржуазию другой национальности, а о том, что империалистическая группа господствующей национальности эксплуатирует и угнетает основные массы и, прежде всего, крестьянские массы колоний и зависимых национальностей, а угнетая и эксплуатируя их, она тем самым вовлекает их в борьбу с империализмом, делает их союзниками пролетарской революции»¹.

Таким образом, национально-освободительная борьба пролетариата против иностранного империализма и борьба крестьянских масс против господствующих в индийской деревне феодальных пережитков являются основным содержанием национальных движений народов юга Индии. Национальная же буржуазия, хотя и играет еще роль союзника в борьбе против реакционного буржуазно-помещичьего блока, правящего в Индийском союзе, но лишь временного и ненадежного. Следует иметь в виду, что ряд прослоек арендаторов (не помещиков, а арендаторов), как, например, канамдары на Малабаре, верхняя прослойка наследственных арендаторов в остальных районах, также легко могут пойти на сговор с буржуазно-помещичьим блоком, хотя они и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 221.

принимают в настоящее время активное участие в крестьянском движении.

В этой связи следует расценивать и роль таких национальных организаций, как Андхра Махасабха, Конференция Махараштры и другие. Несмотря на то, что основную их массу составляют сейчас крестьяне, демократические прослойки интеллигенции и городская беднота, в них имеются представители верхних прослоек арендаторов, а также средняя буржуазия. Таким образом, хотя эти организации и могут выступать вместе с коммунистами и даже под руководством коммунистов, их нельзя рассматривать как приводные ремни от коммунистов к массам и приравнивать к крестьянским союзам, к профсоюзам, являющимся более однородными в отношении классового состава, чем упомянутые национальные организации. В настоящее время эти организации в целом, борясь против национальной политики правительства Индийского союза, играют определенно прогрессивную роль и даже, как это имело место в Телингане, иногда выступают во главе крестьянского движения, но при усилении нажима реакции они могут быть расколоты и буржуазная часть их руководства может предать движение.

На юге Индии, а особенно в Керале и Карнатаке, реакционные помещичьи элементы и даже князья используют стремление соответствующих национальностей к созданию своих национальных государств в целях укрепления авторитета князей. Для этого они выдвигают требование объединения всей Кералы под эгидой княжеских фамилий Траванкура и Кочина или создания единого Карнатака под властью махараджи Майсура.

В национальных движениях Кералы и Андхрадеша ведущую роль играет рабочий класс, причем не только рабочие крупной промышленности, но и рабочие мелких капиталистических предприятий. Местные коммунистические организации возглавляют рабочее и крестьянское движение, руководят демократическими слоями населения через профессиональные союзы, крестьянские, молодежные и женские организации. В Андхрадеше коммунисты играют видную роль в руководстве Андхра Махасабхой. В Махараштре коммунисты также принимают активное участие в национальном движении, выдвигая революционные лозунги, стремясь усилить влияние демократических элементов Конференции Махараштры. Однако, несмотря на большое влияние коммунистических организаций в крестьянском и национальном движении на юге Индии, численность их до сих пор очень невелика. Это показы

вает, что коммунисты не сумели еще организационно закрепить свое идейное влияние на массы.

Национальное и крестьянское движение на юге Индии вполне подтверждает тот факт, что народно-освободительная борьба вступила в Индии в новый этап своего развития. Революционные возможности национального движения в Индии далеко еще не исчерпаны, и оно может стать надежным союзником индийского пролетариата в борьбе за народную демократию. Говоря о задачах руководства революцией в Китае, И. В. Сталин указал на тактические принципы ленинизма, без которых правильное руководство невозможно. Он писал: «Я имею в виду такие тактические принципы ленинизма, как: а) принцип обязательного учета национально-особенного и национально-специфического в каждой отдельной стране при выработке руководящих указаний Коминтерна для рабочего движения этих стран; б) принцип обязательного использования компартией каждой страны малейшей возможности обеспечить пролетариату массового союзника, хотя бы и временного, шаткого, непрочного и ненадежного; в) принцип обязательного учета той истины, что для политического воспитания миллионов масс недостаточно одной пропаганды и агитации, что для этого необходим собственный политический опыт самих масс»¹.

Поэтому Коммунистическая партия Индии высказалась за создание в Индии лингвистических провинций, оговаривая при этом, что созданием таких провинций национальный вопрос в Индии полностью не будет разрешен. Только признание полного и неограниченного права всех наций Индии на самоопределение, вплоть до отделения, может обеспечить демократическое разрешение национального вопроса. Критикуя политику правительства Индийского союза в национальном вопросе, газета «Пиплз Эйдж» от 5 сентября 1948 г. писала: «Те, кто противостоят требованию самоопределения и равенства, те, кто отрицают существование в Индии национальностей, являются худшими раскольниками и врагами единства Индии. Они делают невозможным для индийского народа объединение на базе равенства. Несомненно, что празо самоопределения и действительное единство Индии может быть обеспечено только при условии народного правления, только когда теперешний коллаборационистский сговор будет устранен и даст место народной демократии; только когда феодальное правление будет совершенно уничтожено и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 331.

⁴ Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

территории, находящиеся под властью феодалов, будут воссоединены с соответствующими языковыми единицами, только когда земля будет дана пахарю, а промышленность национализирована и все национальные объединения будут иметь возможность разделять достижения экономического развития Индии,— только тогда для них будет обеспечено действительное равенство».

Г. ШМИДТ

К ВОПРОСУ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ ИНДИИ

Как известно, за последние десятилетия в Индии отмечен довольно быстрый сравнительно с другими капиталистическими странами рост населения (на 10,6% с 1921 по 1931 г. и на 15% с 1931 по 1941 г.). Переписи населения в стране проводятся регулярно каждые десять лет, начиная с 1872 г., и ни за один предшествующий период между переписями не было отмечено подобных темпов прироста населения.

Две последние переписи показали значительный рост населения в эпоху общего кризиса капиталистической системы, в годы, ознаменованные бурным ростом борьбы трудящихся масс Индии за независимость страны, за ломку колониальных порядков. Вместе с тем именно в эпоху общего кризиса капитализма резко обозначился обусловленный английским колониальным господством кризис сельского хозяйства Индии, не перестававшей играть роль аграрно-сырьевого придатка к хозяйству метрополии.

В годы же общего кризиса эта аграрная страна не только прекратила экспорт зерна, но даже начала его ввозить. Крайне усилилось обнищание рабочего класса и широких масс крестьянства. С легкой руки британских колонизаторов индийская буржуазия склонна приписывать беды, выпавшие на долю индийского народа, якобы чрезмерному росту народонаселения или, как любят выражаться англо-индийские экономисты, росту «давления населения на землю». Во многих «передовых» капиталистических странах Европы «классический» вариант мальтусовской «теории» теперь не в ходу в связи с реальной угрозой депопуляции этих стран. В книгах американских и английских статистиков и экономистов, например В. Энсти, Н. Ноулз, Э. Пендел и других, где признается непригодность «теории» Мальтуса для стран развитого капитализма, в то же время доказывается ее «актуальность»

для стран Востока. Современные мальтузианцы доходят даже до опровержения Мальтуса. Так, автор одной из английских работ, применяя ретроспективно мальтусовские геометрические прогрессии, установил, что если бы Мальтус был прав, то население Европы к началу нашего летосчисления насчитывало бы немногим более... 500 человек. Поэтому, вместо мальтусовских прогрессий за основу берется несколько более, если можно так выразиться, смягченная «методология». Вот как она звучит у безымянного автора в последнем издании Британской энциклопедии: «Общепризнанным является то, что когда численность (дословно — густота) населения в какой-либо стране перерастет оптимальный размер, средняя выработка на душу населения уменьшается и бедность поэтому усиливается»¹.

Этакое прилизанное и внешне «приличное», а потому и более подлое мальтузианство пронизывает установки официальных органов ООН, как только речь заходит о колониальных и полуколониальных странах. Так, «Economic Survey of Asia and the Far East, 1948», опубликованный комиссией ООН для стран Азии и Дальнего Востока, в отношении населения Индии писал следующее: «Конкретно, рекомендуется принять меры к снижению уровня плодovitости для того, чтобы предупредить возвращение уровня смертности к его прежнему уровню»². В другом месте авторы «обзора» утверждают: «Давление населения на землю было всегда острым в странах Азии и Дальнего Востока»³. «Когда наличествует давление населения на средства существования, то имеется тенденция к самовозобновлению бедности»⁴. Господство более прилизанного и реформированного мальтузианства вовсе не означает, что невозможны рецидивы «классического» мальтузианства либо в откровенной фашистской форме, как в случае с американским людоедом Фоггом, «труд» которого был разоблачен на страницах советских газет и журналов, либо в более умеренной форме, как у индийского профессора Радхакамал Мукерджи, который в своих трудах всячески превозносит «теорию» Мальтуса. Критика взглядов Мукерджи содержится в последующих разделах настоящей работы.

До Великой Октябрьской социалистической революции индийские экономисты, даже наиболее последовательно про-

¹ Британская энциклопедия, т. 7, стр. 387.

² Economic Survey of Asia and the Far East, 1948, стр. 20, опубликован 15.VII 1949 г.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 8.

водившие в своих работах защиту помещичьих интересов, не прибегали к мальтузианству, как к дополнительному средству обмана народных масс. Вкупе со своими хозяевами — английскими империалистами — они довольствовались в этом отношении такими средствами, как религиозный дурман, пропаганда кастовой ограниченности, культивирование религиозных распрей, полагаясь прежде всего на прочность феодальных пережитков в экономике и быту.

Но времена меняются. Стремление дезорганизовать массовое революционное движение заставило индийских помещиков и буржуазию перестроиться, придавая своим партиям вид массовых, конечно, на основе религиозных «исконных начал», — в виде ли гандистской фразеологии, как в случае с Национальным конгрессом, или словесной шелухи из корана и панисламизма в организациях Мусульманской лиги. Одновременно в экономическую «науку» проникает мальтузианство.

Именно в эпоху общего кризиса капиталистической системы индийские буржуазные экономисты начинают публиковать труды, посвященные проблеме населения Индии, стремясь «научообразно» выполнить заказ своих непосредственных хозяев — индийских буржуа и помещиков повернуть энергию масс на совершение, как они говорят, «величайшей из революций» — на ограничение рождаемости.

До какой степени дошло стремление господствующих классов колониальных стран отвлечь массы от борьбы за радикальное разрешение всех социально-экономических вопросов, в частности аграрного и национального, видно из того, что такой реакционный политический деятель Индии, как Дж. Неру, в своем последнем крупном произведении «Открытие Индии», опубликованном в 1945 г., т. е. накануне вступления его в правительство, человеконенавистнически призывает не к ограничению прироста населения, а даже к уменьшению его численности. Он пишет: «Некоторые из этих восточных стран, подобно Индии, не только не нуждаются в росте населения, а наоборот, им было бы лучше с меньшим числом людей»¹.

Но попадаются и такие, которые, оставаясь на мальтузианских позициях, считают, что население Индии еще не доросло «до предела». Таковы, например, проф. Б. Нарайн и Ш. Чандрасекар, работа которого «Население Индии» опубликована на русском языке в 1949 г. Для способа мышления Чандрасекара характерно следующее положение: «...подсчитано,

¹ J. Nehru. The Discovery of India. London, 1945, стр. 475.

что при полном использовании пустующих земель и улучшении методов обработки земли Индия могла бы прокормить 447 млн. чел. Но и эта цифра не может приниматься за оптимальную для Индии, дайте лишь возможность достичь ее»¹. Следовательно, и Чандрасекар стоит на основах «оптимальной величины» населения, т. е. на мальтузианских позициях. В целом работа Чандрасекара гораздо беднее фактическим материалом и носит более специальный и односторонний характер, чем работы других индийских экономистов.

Ясно, что для нашего читателя не представляет интереса разоблачение мальтузианства как такового во всех его оттенках. Из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина нам ясна служебная роль мальтузианства, его реакционность и ненаучность. Сейчас в Индии обрабатывается около $\frac{1}{2}$ всей пригодной для обработки площади. Для нас ясно, что при современном уровне науки посевные площади могут быть значительно расширены, увеличена в восемь-десять раз урожайность. Но ведь современные средние урожаи в наиболее развитых капиталистических странах отнюдь не являются пределом. Творческое применение марксистско-ленинской методологии к агробιοлогическим наукам в трудах Мичурина, Вильямса, Лысенко открывает новые горизонты. Не только в теории, но и на практике доказаны безграничные возможности в области развития сельского хозяйства, как только управление и владение орудиями и средствами производства переходит в руки социалистического общества.

Различные «количественные» показатели, характеризующие подход индийских экономистов к проблеме населения, будут рассматриваться только попутно, в качестве иллюстративного материала.

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы показать лживость, ненаучность «теорий» индийских мальтузианцев, дать новые материалы для иллюстрации всеобщего закона капиталистического накопления, в частности, показать историческое место и экономическую природу относительного перенаселения Индии и его формы и некоторые особенности действия законов народонаселения в Индии, где имеются различные уклады или остатки различных социально-экономических формаций. Надо показать некоторое единство их, определяемое тем, что эти уклады вместе являются целым,

¹ J. Nehru. The Discovery of India. London, 1945, стр. 114.

которое развивается в условиях нещадной эксплуатации английским империализмом (вкуче с индийскими помещиками и крупной буржуазией, на которых опирается финансовый капитал Сити).

Важно показать на конкретном материале особенности действия вскрытой товарищем Сталиным закономерности превращения резервной армии безработных в постоянную армию безработных в эпоху общего кризиса капитализма.

Поэтому мы ставим перед собой задачу в данной работе показать условия возникновения относительного перенаселения в Индии, условия превращения здесь резервной армии безработных в постоянную армию безработных и влияние этой последней на «естественное» движение населения Индии.

Мы отдаем себе отчет в том, что во всем объеме эта задача посильна только коллективу экономистов, работающих над проблемами кризиса колониальной системы во всех важнейших эксплуатируемых империализмом странах.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Из серии книг, посвященных экономике, и в частности проблеме народонаселения, особенный интерес представляют работы проф. Гиян Чанда «Кишащие миллионы Индии»¹ и проф. Радхакавал Мукерджи «Планирование продовольствия для 400 миллионов»². Оба автора — известные экономисты, до сих пор не занимавшиеся вопросами населения Индии.

Это обстоятельство придает особый интерес рассматриваемым работам, так как они обнаруживают более широкий подход к проблеме населения, чем это обычно наблюдается в работах буржуазных специалистов-демографов. Речь идет об освещении экономического положения и закономерностях роста населения, составляющего примерно одну пятую часть населения всего земного шара.

Обе книги были опубликованы незадолго до переписи населения Индии 1941 г., причем следует отметить, что расчеты авторов в отношении темпов прироста населения в основном оправдались.

Оба автора, пользуясь подсчетом английского автора Морленда, приводят данные о росте населения Индии, начиная с 1605 г. (год смерти императора Акбара). Проф. Мукерджи в своей работе дает следующую таблицу:

¹ J. Chand. India's teeming millions.

² R. Mukerji. Food Planning for four hundred millions.

Таблица 1
Рост населения Индии

Год	Население Индии	Действительный рост	Рост, в %
	млн. человек		
1600	100	—	—
1750	130	—	—
1850	150	—	—
1872	206	—	—
1881	254	14	1,5
1891	287	28	9,6
1901	294	4	1,4
1911	315	19	6,4
1921	319	4	1,2
1931	353	34	10,6
1941	389	51 ¹	15,0

Не вдаваясь в излишние подробности, считаем необходимым отметить, что подсчет Мукерджи является весьма оптимистическим. После смерти Акбара в Индии происходили события, которые никоим образом не могли содействовать более быстрому росту населения, чем, например, в Европе в XIV—XV вв. Общеизвестными фактами являются рост хищнической эксплуатации крестьянства, рост усобиц, упадок ирригации, рост голодовок. Целые районы в Северной Индии обезлюдели, а если согласиться с данными таблицы, то с 1600 по 1750 г. население возросло на 30% (до 130 млн. человек; это число проф. Мукерджи позаимствовал у Ф. Шираса), т. е. оно увеличивалось на 0,2% в год, что приблизительно вдвое превосходит прирост населения в Западной Европе в эпоху разложения феодализма².

Сомнителен прирост в 20 млн. с 1750 по 1850 г. (когда, по исчислению самого проф. Мукерджи, население Индии равнялось 150 млн.). Ведь как раз на эти годы приходится наибо-

¹ При исчислении действительного роста населения исключено влияние территориальных изменений. В 1931 г. в Индии с Бирмой было 353 млн. человек, без Бирмы — 338 млн. Действительный рост населения Индии к 1941 г. составил 51 млн.

² См. Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. Сравнить данные за 1500—1650 гг.

лее интенсивное и окончательное внедрение английского «закона и порядка» (Law and Order) в Индии. Этот период характеризуется бедствиями народных масс во многих районах страны: только во время голода 1771 г. в Бенгале, в связи с налоговым ограблением ее населения англичанами, вымерло около 33% жителей. Конец этого периода и первые десятилетия второй половины XIX в. также не могут быть признаны благоприятными для роста населения. Кроме эпидемий, засух и восстаний, носивших спорадический характер, действовал такой постоянный фактор, как разрушение индийского ремесла, под воздействием конкуренции английских фабрикантов. Вместе с тем, как писал Маркс, англичане «...берут у них (индийцев. — Г. Ш.) без всякого эквивалента, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. стоимость одних только неоплачиваемых продуктов, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — кровавое, вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают»¹. Эти строки писались в 1881 г., как раз тогда, когда проводилась вторая перепись населения Индии, показавшая, что население страны увеличилось за это десятилетие на 1,5%. А проф. Мукерджи, пользуясь данными Морлэнда, считает, что за предыдущие два десятка лет (с 1850 по 1872 г.) население выросло со 150 до 200 миллионов, т. е. на 37%. Очевидно, численность населения к исходной дате не меньше чем в полтора раза превосходила цифру, предложенную Морлэндом. Вообще следует отметить, что Морлэнд является одним из наиболее наглых апологетов.

Специализируясь на истории Моголов, он старается показать, что последующий приход англичан явился для Индии «благоденствием». Индийский экономист Б. Нарайн в работе «Indian Economic Life. Past and Present» ловит его на прямой фальсификации фактов.

Если принять расчет Морлэнда на 1600 г. как правильный, то окажется, что сравнительно с другими странами рост народонаселения Индии происходил очень медленно. Так, с 1650 г. численность народов «белой расы» возросла со 100 до 750 млн., т. е. в 7,5 раза, население мира с 545 до 2,012 млн., т. е. в 3,7 раза, а Индии — в 3,4 раза (к 1931 г.). На самом же деле увеличение населения происходило в

¹ К. Маркс. Соч., т. XXVII, стр. 113.

Индии еще медленнее, что является совершенно закономерным, учитывая исторические судьбы ее народа. С научной точки зрения, обобщение данных о росте населения за столь длительный отрезок времени не является правомерным, так как в этом случае суммируются фактические данные увеличения населения различных социально-экономических формаций, каждой из которых свойствен свой особый закон прироста населения.

Обратимся к данным прироста населения Индии в охватываемый переписями период, начиная с 1872 г.

Мы можем охарактеризовать этот период как эпоху империалистической эксплуатации Индии, когда она играет роль аграрно-сырьевого придатка к хозяйству метрополии. С самого начала этого периода Англия развивает экспорт капитала в Индию, и последняя находится в сфере исключительно монопольной и достаточно «всесторонней» эксплуатации со стороны Англии. В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» в отношении Англии указывал, что «...две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»¹.

В период империалистической эксплуатации Индии прирост населения на протяжении 6 десятилетий имел волнообразную форму: 1,5%, 9,6%, 1,4%, 6,4%, 1,2%, 10,6%. Исключение представляет последнее десятилетие, давшее прирост в 15%.

В то время как другие буржуазные исследователи не уделяют специального внимания этой своеобразной волнообразной кривой «естественного» движения населения, проф. Мукерджи уделяет этому обстоятельству особый раздел — «Шестилетние жизненные и метеорологические циклы». Он пишет: «...даже в нормальные годы, свободные от вспышек эпидемий, мы видим, во-первых, тесную связь между обильными урожаями и высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности и низкими урожаями, высоким уровнем смертности и низким уровнем рождаемости. Во-вторых, выпадение дождей, урожай, коэффициенты рождаемости и смертности, показывая шестилетнюю цикличность, отчетливо совпадают во времени с фазами активности солнечных пятен»². К сожалению, в подтверждение этого положения он не приводит ни-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 270.

² R. Mukerji. Указ. соч., стр. 40.

каких фактических данных, отсылая к своей специальной статье «Сельскохозяйственные циклы и солнечные пятна». Интересно было бы выяснить — касается ли установленная проф. Мукерджи «закономерность» всего человечества или солнечные пятна проявляют специальную заботу лишь о населении Индии.

Заканчивается этот параграф следующей сентенцией: «В отношении народонаселения механизмы Природы (заглавная буква автора.— Г. Ш.) действуют более медленно, систематически и косвенно, Мальтусов баланс достигается постепенным понижением уровня рождаемости и предрасположением к эпидемиям»¹. Следовательно, и эпидемии зависят от солнечных пятен! И уровень рождаемости также вдохновляется ими, причем в результате систематического действия природы этот уровень должен постепенно понижаться.

Мукерджи не замечает того, что в развитых капиталистических странах не наблюдаются подсобные «циклы», хотя изменения солнечных пятен видимы с любой точки земного шара.

Рост населения, как известно, является результатом превышения рождаемости над смертностью. Прежде всего встает вопрос — в какой мере своеобразная форма «естественного» движения населения Индии зависит от колебаний в рождаемости и каковы тенденции в этой сфере общественной жизни?

Рождаемость в Индии, по данным «Statistical Abstracts for British India», основанным на текущей статистике народонаселения за соответствующие годы, приведена в табл. 2.

Таблица 2

Рождаемость (округленно) в Индии с 1885 по 1939 г.

Годы	Рождаемость на 1 тыс.	Годы	Рождаемость на 1 тыс.
1885—1890	36	1931—1935	35
1891—1900	34	1936	36
1901—1910	38	1937	35
1911—1920	37	1938	34
1921—1930	35	1939	34

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 40.

Критикуя точность данных текущей статистики населения, собираемых в большинстве деревень неграмотными чокидарами (буквально — сторожами), оплачиваемыми по 5—6 рупий в месяц, проф. Чанд приходит к выводу, что «за исключением особых обстоятельств»¹ рождаемость фактически составляет 48 на тысячу и нет никаких данных, свидетельствующих о ее снижении.

В частности, в трех главных провинциях, согласно вычислениям актуариев, опубликованным в «Отчетах» руководителей переписи, рождаемость была значительно выше, чем по официальным данным (см. табл. 3).

Таблица 3

Рождаемость по трем главным провинциям Индии (на тысячу)

Годы	Провинции		
	Бенгальская	Бомбейская	Мадрасская
1881—1891	52,9	50,3	51,3
1901—1911	56,0	50,8	47,2

На основании этих данных можно прийти к выводу о правильности расчета Чанда для определения среднего по Индии уровня рождаемости.

Проф. Мукерджи, вопреки собственному утверждению о действии «природы», влекущем постепенное снижение рождаемости в Индии, приводит мнение управляющего ведомством здравоохранения о том, что нет никаких указаний на «...наличие у индийского народа тенденции следовать примеру западных наций в отношении ограничения размеров семьи»². Данные о рождаемости не дают ответа на вопрос о причинах волнообразной формы «естественного» движения населения.

Переходим к вопросу о смертности. Следует учесть, что данные о смертности собираются теми же чокидарами, что и данные о рождаемости. Да и вообще чокидары являются источником всех отраслей экономической статистики в большинстве деревень Индии, о чем нужно помнить в дальней-

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 99.

² R. Mukerji. Указ. соч., стр. 41.

шем при рассмотрении любого вопроса. Официальные данные о смертности приведены в табл. 4.

Таблица 4
Смертность в Индии

Годы	Смертность на 1 тыс. населения	Годы	Смертность на 1 тыс. населения
1885—1890	26	1921—1930	26
1891—1900	31	1931—1935	24
1901—1910	34	1938	24,3
1911—1920	34	1939	22,2

Эти данные также значительно преуменьшены. Так, например, при исчислении возможных ошибок даже суперинтендант переписи по Бенгалу¹ вынужден был признать, что смертность в текущей статистике преуменьшена в отношении мужчин от 26 до 29% (к отчетному числу) и в отношении женщин — от 28 до 29%. Проф. Чанд считает, что «нормальный» коэффициент смертности в среднем не ниже 33 на тысячу², значительно повышаясь в годы эпидемий. Но возможный размер ошибок более или менее одинаков, и официальные данные пригодны для характеристики тенденций.

Эти данные убедительно показывают, что колебания в уровне прироста населения определяются колебаниями в уровне смертности.

Если просмотреть статистику народонаселения капиталистических государств за последние полтора века, то мы нигде не найдем подобного явления. Первые три четверти прошлого столетия везде показывают более или менее интенсивный прирост, затем этот прирост значительно ослабевает, но сохраняет свою «правильную» форму вплоть до первой мировой войны. В период между первой и второй мировыми войнами отмечается новое падение прироста, особенно резкое со времени мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., но ни в одном из отмеченных периодов и ни в одном из

¹ The Bengal Census Report, 1921.

² Цит. произв., стр. 99.

капиталистических государств не наблюдалось такой волнообразной формы движения населения, таких резких скачков уровня смертности населения, как в Индии.

Нечто подобное в Европе действительно было только во времена позднего средневековья и в первые десятилетия борьбы нарождающегося капитализма против сил феодального общества.

Тогда, действительно, были периоды, когда голодовки и эпидемии спорадически опустошали то одну, то другую область Европы: несмотря на большую рождаемость, прирост населения происходил медленно и имел волнообразную форму. И тогда «ученые астрологи», не в обиду проф. Мукерджи будь сказано, искали на небе знаков, предвещающих наступление голода или эпидемий.

В материалах переписей населения Индии нет попыток объяснения этих резких колебаний в темпах прироста численности населения. В лучшем случае, в «Отчетах» руководителей переписи дается характеристика истекшего десятилетия, довольно бессодержательная и всегда апологетическая. Например, в «Отчете» переписи 1931 г. указывается, что десятилетие было в общем благоприятным, эпидемий и голодовок было меньше, чем в предыдущие десятилетия.

В «Отчете» о переписи 1921 г. делается попытка дать объяснения довольно резких колебаний в уровне смертности по отдельным годам истекшего десятилетия. Руководитель переписи пишет, что они «...вероятно, много больше зависят от интенсивности атак главных болезней, вызываемых условиями климата и окружения, чем от каких-либо предполагаемых изменений в силе сопротивления им, вызываемых экономическими обстоятельствами»¹, — это бесстыдная апологетика в духе Р. Мукерджи, а не объяснение.

Почему в данном случае руководитель переписи отошел от излюбленного англо-американскими статистиками «сглаживания»? За десятилетие с 1911 по 1921 г. рост населения составил всего 1,2% — яркий образец того, что сделали английские порабитатели с населением огромной страны. В это десятилетие прокатилась волна эпидемии инфлюэнцы, и «анализ» по годам дал некоторую возможность обойти действительные причины смертности с апологетическими целями, свалив ответственность за сверхобычную смертность на «окружение», т. е. на «мировую» эпидемию инфлюэнцы.

¹ Census of India, 1921, Report, т. I, стр. 55.

«ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ЗВОН ПО УМИРАЮЩИМ ОТ ГОЛОДА»

Каков же размер смертности, к которой спорадически приводят голод и эпидемии в Индии?

Соответствующие параграфы в книге проф. Мукерджи красноречиво озаглавлены «Погребальный звон по умершим от голода» и «Погребальный звон по умершим во время эпидемии»¹.

Оказывается, с 1875 по 1900 г. от голода умерло 26 млн. человек. Приводя пример голода 1901 г., когда умерло 3% населения пораженного района по сравнению с 33% смертности во время голода 1771 г. в Бенгале, проф. Мукерджи справедливо полагает, что улучшение средств сообщения содействовало уменьшению смертности. Так как, во-первых, облегчался подвоз продовольствия и, во-вторых, — что является главным, — облегчалась возможность уйти из пораженного района. На последнее обстоятельство, между прочим, указывали многие свидетели, дававшие показания перед «королевской комиссией» по сельскому хозяйству.

Одновременно следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, которое не заметил ни один из буржуазных экономистов: усиленное обнищание крестьянства привело его к большей подвижности. Гораздо больше стало людей, которым нечего терять в родной деревне, ослабили путы личной зависимости, и крестьяне «более свободно» начали передвигаться из районов, которым угрожал голод или эпидемия, на общественные работы в сравнительно более благополучные районы. О бегстве миллионов людей не только от голода, но и от чумы упоминает, например, руководитель переписи 1921 г. в Соединенных провинциях. О бегстве текстильных рабочих Бомбея от чумы упоминает индийский экономист П. Пиллай². О бегстве из деревни во время больших засух свидетельствует и д-р Гарольд Мани (б. директор сельскохозяйственного департамента Бомбейской провинции).

Вместе с тем проф. Мукерджи очень осторожно, но с полным основанием ставит вопрос о том, что должна быть изучена связь между неурожаем и смертностью от эпидемий, лихорадки, желудочных заболеваний и прочих болезней.

Крупнейшие медицинские авторитеты дают следующий сводный подсчет погибших от наиболее опустошительных

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 35, 39.

² P. Pillai. Economic Conditions of British India.

эпидемий в Индии: холера (1901—1931 гг.) — 10,75 млн.; инфлюэнца (1918—1919 гг.) — 14 млн.; чума (начиная с 1896 г.) — 12,5 миллиона¹.

Анализируя условия, способствующие возникновению холеры, и меры борьбы с ней, проф. Чанд замечает: «Если даже стоимость организации снабжения чистой водой нам не по средствам, то стоимость других мероприятий еще в большей степени не по средствам. Опять случай порочного круга, зависящего от экономических факторов»².

В отношении чумы среднегодовые данные за 1908 и 1909 гг. показывают 603 тыс. смертных случаев, данные за 1929—1934 гг. — около 50 тыс. «Частично это объясняется предохранительными прививками и уничтожением носителей заразы — крыс, но наиболее важным фактором, объясняющим отмеченное улучшение, как признает теория, пользующаяся поддержкой официальных кругов (см. стр. 66 «Отчета управляющего ведомством здравоохранения» за 1929 г.), является наличие нового поколения крыс, иммунного в отношении чумы; причем это отмечается в наибольшей степени в районах, которые страдали от чумы».

Приводя официальные данные о прививках против оспы (в 1878—1887 гг. — 27 прививок на 1000 населения, в 1897—1907 гг. — 38 прививок и в 1918—1927 гг. — 37 прививок), отмечая заметное снижение смертности от оспы между 1927 и 1934 гг., проф. Чанд замечает, что, исходя из этих данных, нельзя прийти к заключению об окончательном уменьшении заболеваемости оспой. Наиболее опустошительные эпидемии в Индии происходили во второй половине XIX в. и в XX в. (холера, чума, инфлюэнца), т. е. в эпоху превращения Индии в аграрно-сырьевой придаток Англии, когда колонизаторам удалось впрячь основные массы трудящихся в ярмо империалистической эксплуатации и тем необыкновенно снизить их жизненный уровень. Эпидемии в Индии — необходимый продукт постоянного недоедания масс, но действуют они спорадически. В «нормальные» годы на долю оспы, холеры и чумы приходится около 6% всех смертей.

Проф. Чанд резонно считает, что в основном население Индии не в состоянии пользоваться услугами современной медицинской науки, так как сеть здравоохранения здесь крайне

¹ Russel and Raja. The Population Problem in India, «Indian Journal of Medical Research», октябрь, 1935.

² G. Chand. Указ. соч., стр. 125.

недостаточна, она охватывала практически относительно очень незначительное количество людей. По официальным данным, одна амбулатория (1934) в Соединенных провинциях обслуживала 127 тыс. человек, в Бомбейской — 91 тыс., в Центральной провинции — 90 тыс., в Бихаре и Ориссе — 66 тыс., в Бенгале — 65 тыс., в Северо-западной пограничной — 49 тыс., в Ассаме — 40 тыс., в Мадрасской — 36 тыс. и в Пенджабе — 30 тыс. человек¹. По данным «Statistical Abstracts for British India» за 1943 г., одно медучреждение в среднем по Индии приходится на 81 700 человек населения.

Но главное — не в эпидемиях, спорадически справляющих «оргии смерти», употребленные образные выражения проф. Чанда, главное — в той непрерывной «процессии смерти», которая ежегодно уносит, по официальным данным, 7 млн. человек, а фактически — 10 млн.² «Более чем 94% смертей в Индии причиняются болезнями, превратившимися в нормальные явления нашей жизни... Лихорадка, дизентерия, поносы — обычно превосходят оспу и холеру по своим опустошительным последствиям. Но есть еще «прочие причины», не расшифрованные в официальных отчетах, уносящие вместе в 3—4 раза больше людей, чем эпидемические заболевания»³.

Констатируя, что причины 85% смертей в Индии неизвестны, Чандрасекар⁴ соглашается с мнением Синтона, директора всеиндийского малярийного института о том, что в Индии умирает от малярии не менее 2 млн. людей ежегодно. По данным, опубликованным в № 1 калькутского журнала «Модерн Ревью» за 1948 г., в Индии болеет малярией более 100 млн. чел. Очевидно, и умирает от малярии много больше, чем предполагает Синтон.

Анализируя приводимые в работе высказывания и соображения ряда специалистов, проф. Чанд приходит к выводу, что малярию так же, как и туберкулез, следует признать болезнью «бедности»⁵. Что касается туберкулеза, то в этом отношении Индия (точнее, рабочие и крестьянская беднота) вполне вступила на «европейский» путь.

Чанд приводит данные о распространении туберкулеза, причем, естественно, смертность в городе превышает смертность в деревне (по удельному весу): в Соединенных провинциях — в 37 раз, в Бенгале — в 6 раз и т. д.

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 169.

² Ш. Чандрасекар. Население Индии, 1949, стр. 96.

³ Там же, стр. 128—129.

⁴ Там же, стр. 102.

⁵ G. Chand. Указ. соч., стр. 120—121

⁵ Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

Но меньшая смертность от туберкулеза в деревне по сравнению с городом — временное явление: «Условия домашнего быта и питания в деревнях хуже, чем в городах, медицинская помощь здесь почти целиком отсутствует, и деревенские жители будут умирать от туберкулеза во много большем количестве, как только инфекция достигнет деревенских районов»¹. А в этом направлении действует и прогресс транспорта, и, добавим от себя, увеличивающаяся подвижность деревенского пролетариата, этой «легкой инфантерии капитала». По расчетам Чандрасекара, уже сейчас от туберкулеза в Индии умирает свыше 800 тыс. человек в год², а индийская деревня, по словам индийского медицинского деятеля Д. Мегоу, в отношении распространения туберкулеза является «девственной почвой»³, и, следовательно, жатва смерти от туберкулеза там будет особенно обильной, как только туберкулез проникнет в толщу индийских деревень.

В Индии есть еще одна специфическая болезнь «бедности», хотя и не являющаяся непосредственной причиной высокой смертности, но служащая своеобразным «передаточным механизмом» от бедности непосредственно к болезням, завершающим жизнь бедняка преждевременной смертью. Речь идет о «цепляющемся черве», об анкилостомиазисе. По данным проф. Мукерджи, на джутовых фабриках Бенгала анкилостомиазис занимает второе место, вслед за малярией, в числе причин невыхода рабочих на работу⁴. Заболевают этой болезнью люди, ходящие босиком по влажной и теплой почве. Одна из стадий развития червя происходит в такой почве, а из грязи, прилипшей к босой ноге, червь проникает в тело человека и изъязвляет стенки желудка. Проф. Мукерджи, ссылаясь на данные одного из обследований, сообщает, что деревенское население Мадрасской провинции заражено этой болезнью на 100%, а Бенгальской — на 80%⁵. Данные о заболеваниях рабочих на чайных плантациях свидетельствуют об аналогичном положении. Речь идет о широкой полосе вокруг Бенгальского залива, с деревенским населением численностью свыше 100 млн. человек. Последствия этой болезни — истощение, крайняя анемия, утомляемость, общая слабость — при первом же толчке в виде какой-либо другой инфекции

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 121.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 122.

⁴ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 175.

⁵ Там же.

приводят к губительным результатам. Предполагается, что различными глистами заражено 210 млн. человек — свыше половины населения¹.

Хождение босиком — удел не только деревенского населения. Проф. Мукерджи сообщает, что босыми работают и рабочие в копях и другие группы трудящегося населения, что влечет за собой, кроме анкилостомиазиса, еще одну специфическую в тропиках болезнь «бедности» — «мадурскую ногу», опухание и изъязвление ног вследствие грибковой инфекции.

В районах сухих и жарких наблюдаются массовые заражения гинейским червем.

Но, самое главное, истощение от недоедания на основе «неудовлетворительно сбалансированной диеты» (применяя терминологию индийских медицинских экспертов) является само по себе достаточным основанием для губительных последствий при инфекции. Смертность от инфлюэнцы в 1918—1919 гг. является прямым доказательством этого положения.

Надо отметить, что все авторы старательно обходят вопрос об уровне смертности в классовом разрезе. Ни в одной книге нет даже жалоб на отсутствие соответствующей статистики — вопрос просто замалчивается.

Между тем актуарий страхового общества Oriental Life Assurance Л. С. Вайдианатан, написавший «Отчет актуариев» к переписи 1931 г., приводит данные, свидетельствующие о том, что смертность среди застрахованных (явно — людей обеспеченных) значительно ниже «средних» цифр.

Так, среди застрахованных в возрасте 30 лет смертность составляет 0,887%, а по всей Индии «средняя» для той же возрастной группы — 1,93%, в возрасте 35 лет — соответственно 1,001% и 2,41%, 40 лет — 1,263% и 2,94% и т. д. Если же из «средних» данных выделить показатели, характеризующие смертность только рабочих и крестьян бедняков, то оказалось бы, что уровень смертности рабочих и крестьян Индии значительно выше «среднеиндийских», превосходя смертность среди господствующих классов в 3—4 раза. Но мы видим, что не только английские чиновники, но и индийские «ученые» равно заинтересованы в прикрытии истинного положения вещей.

По свидетельству мистера Иеттса, рост крупных городов в Индии в условиях «свободы скваттерства... означает, что подъезды к каждому большому городу страшно изуродованы

¹ Ш. Чандрасекар. Указ. соч., стр. 107.

глиняными карьерами, лагерями скваттеров и вообще отбросами всякого рода»¹. Легко себе представить, каковы условия в этих «лагерях смерти» и как они отражаются на здоровье рабочих и их детей.

ЖЕНСКАЯ И ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ

Статистика детской смертности в Индии еще более отклоняется от истины, чем статистика смертности вообще. Из показаний «Королевской комиссии по сельскому хозяйству», явствует, что на плантациях, если ребенок умирает вскоре после рождения, обычно не регистрируется ни факт его рождения, ни факт смерти. Деревенские чокидары поступают, очевидно, аналогичным образом. Но и официальные данные достаточно красноречивы. Смертность детей «в среднем» по Индии превосходит 250 на 1 тыс. рожденных, и это в благополучный год, без засух и эпидемий².

Показателем различного уровня смертности в классовом разрезе являются данные, приводимые С. В. Пирулекар, представителем Индии на Международной рабочей конференции в июле 1938 г.

В Бомбее в 1933/34 г. детская смертность на 1 тыс. человек в возрасте до одного года составляла:

в жилищах однокомнатных	524,0
„ двухкомнатных	394,5
„ трехкомнатных	255,4
„ четырехкомнатных и больше	246,5

С. В. Пирулекар тогда заявил, что «с тех пор условия не улучшились». Теперь мы с полной уверенностью можем сказать, что условия значительно ухудшились. В связи с инфляцией в годы войны и ростом эксплуатации реальная заработная плата понизилась вдвое; что касается жилищных условий, то даже по официальным данным Бомбейского муниципалитета «среднее» количество жильцов на одну комнату с 1931 по 1945 г. увеличилось с 4,01 до 7,01. При этом следует

¹ «Census of India», изд. 1944 г., стр. 26.

² Средняя за 10 лет, по подсчетам Г. Чанда.— 241 на 1 тыс. (см стр. 104 цит. произв.). В «Отчете королевской комиссии по труду в Индии», насквозь апологетическом, указывается, что смертность детей составляет 200—250 на 1 тыс.

учесть, что по переписи 1931 г. 74% населения города имело по одной комнате на семью. Удельный вес бездомных за годы войны увеличился с 5 до 13%¹. Анализируя данные Пиру-лекара, можно сказать, что убийство детей рабочих усилилось.

В нашей прессе, в частности в статье Е. Жукова в «Правде», описывалось положение в поселках неприкасаемых, расположенных на мусорных свалках Бомбея. Ржавая жесть, картон, тряпки, фанера, обломки ящиков, консервные банки — этот «строительный» материал используется для сооружения конур, в которых живут неприкасаемые рабочие, в условиях паллящего зноя в сухой период года и тропических ливней в период муссонов.

Но даже из официальных данных явствует, что в то время, как коэффициент детской смертности в Англии превышает общий коэффициент смертности в пять раз, в Индии соответствующее отношение — 7,5.

И это в стране, где деторождение и воспитание детей — религиозная обязанность! В законах Ману прямо сказано: «Имея сына, человек одерживает победу над целым народом, имея внука — приобретает бессмертие».

«От $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ детей в Индии умирает, не дожив до года, и 45% — не дожив до 5 лет»². Высокая детская смертность прежде всего объясняется систематическим недоеданием и общей нищетой матерей. «В Индии, в общем, более половины детских смертей приходится на первый месяц жизни, а из них — около 60% на первую неделю»³.

Согласно классификации Комитета Лиги наций, «наследственные дефекты и дефекты развития» являются главной причиной большинства случаев смерти детей в первые 7 дней их жизни. «Значительная пропорция, больше четверти, детской смертности в Индии причиняется конституциональной слабостью»⁴. А в городе Бомбее в период с 1930 по 1934 г. «около трех четвертей детских смертей объясняются причинами, которые подходят под рубрику конституциональных дефектов и дефектов развития»⁵. Хилый ребенок, которому родители «не могут предоставить самого необходимого для выживания на протяжении первого года жизни»⁶, умирает.

¹ Р. Пальм Датт. Индия сегодня, 1948, стр. 21.

² G. Chand. Указ. соч., стр. 106.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 117.

⁵ Там же.

⁶ G. Chand, стр. 118.

Но даже прожив этот первый год, ребенок обычно имеет мало шансов на выживание. Проф. Мукерджи сообщает, что у горняков каменноугольного бассейна Джхария вес годовалого ребенка равен 13 английским фунтам, а двухгодовалого — 19 английским фунтам¹.

Очевидно, ребенок «держится» кое-как, пока мать его кормит грудью. Родители не могут заменить молоко матери коровьим молоком. В своей книге Чанд сообщает, что у групп населения с доходом на семью в 25 рупий и ниже (а к этим группам принадлежит подавляющее большинство рабочих и крестьян Индии) только 4,6% употребляют в пищу молоко².

Есть достаточно оснований предполагать, что переход непосредственно от питания материнским молоком к питанию кашей, приготовленной на воде, зачастую из пшена или зерен сорго,— удел подавляющего большинства детей не только городской бедноты, но и деревенского населения.

Данные экономического обследования в княжестве Хайдарабад свидетельствуют о том, что все коровы в деревне Гопальпур дают в сухой период года менее чем по 1 л молока, а в период влажного муссона по 10—12 л. Вот почему, как отмечают обследователи, годовалые дети в этой деревне питаются жидкой кашей на воде.

Эти страшные факты не требуют комментариев.

Встает вопрос — не наблюдается ли в Индии такое «прогрессивное» явление, как убийство детей родителями, явление, присущее эпохе становления капитализма в «новых» странах?

Читателям известны соответствующие места из I тома «Капитала»³, где Маркс, на основе большого количества отчетов фабричных инспекторов, отчетов ведомств здравоохранения, устанавливает, что смертность детей в фабричных округах почти в три раза выше, чем в некоторых земледельческих, и что «...причиной таких высоких норм (260 на тысячу.— Г. Ш.) смертности являются... между прочим, несоответствующее питание, недостаток питания, кормление препаратами опия и т. д. (по этому поводу, но в другом месте, Маркс восклицает: «Вот как Индия и Китай мстят Англии!»⁴ — Г. Ш.);

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 185.

² G. Chand. Указ. соч., стр. 303.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1949, стр. 376.

⁴ Там же, стр. 405.

к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление». Проф. Мукерджи пишет о «преднамеренном пренебрежении с целью причинить смерть, что по существу является детоубийством в наиболее грубой форме»¹, но считает, что объектом являются только девочки и причину этого явления видит в старинной традиции², согласно которой должен быть соблюден определенный минимум в отношении свадебного пиршества, приданого для невесты и т. д., и, если родители не в состоянии обеспечить этого минимума, то предпочитают убийство девочек. Конечно, в известных районах и у определенных каст отмеченное им явление имеет место, но этим отнюдь не исчерпывается вопрос о детоубийстве.

В княжествах кастовые традиции прочнее, чем в прочей Индии, у индусов они прочнее, чем у мусульман.

По этому поводу в «Отчете» переписи 1931 г. руководитель переписи пишет:

«В Джамму и Кашмире недавно (1930) сочли необходимым принять специальные меры для предупреждения детоубийств среди индусов-раджпутов. Соотношение женщин к мужчинам среди индусов-раджпутов было 754 женщины на 1000 мужчин, а среди мусульман-раджпутов — 918»³. В Раджпутане на 1000 мужчин приходится 798 женщин, а в среднем по Индии (по той же касте) — 868.

Таковы данные о детской смертности. Но не лучше положение и самих матерей, погибающих тысячами во время родов. «Регистрация и классификация материнской смертности, к несчастью, слишком несовершенна и еще менее соответствует действительности, чем отчетные данные о детской смертности. Но умеренные подсчеты показывают, что норма — не менее 20 на тысячу и нередко подымается до 50»⁴.

Смертность от родов в Англии около 4 на 1 тыс. В общем, в Индии, по подсчету английского медицинского деятеля Д. Мегоу, ежегодно умирает не менее 200 тысяч матерей во время родов, причем особенно высока норма смертности девочек-матерей — около 100 на 1 тыс. рожениц⁵.

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 234.

² Там же, стр. 213.

³ Census of India, 1931, Report, т. I, стр. 204.

⁴ G. Chand. Указ. соч., стр. 107.

⁵ Census of India, 1931, Report, т. I.

ПОЛОВОЙ И ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Рассматривая прочие условия, определяющие воспроизводство населения, необходимо обратить внимание на такой фактор, как соотношение полов.

В европейских странах, как правило, повсеместно численность мужчин меньше численности женщин. В Индии — обратная картина. Женщины составляют примерно 48% всего населения.

В Индии индекс смертности женщин в возрасте до 15 лет не превышает средней смертности мужчин, хотя он относительно выше, чем в большинстве европейских стран. Индекс смертности женщин в возрасте от 15 до 40 лет значительно выше, чем в европейских странах, и много выше, чем смертность мужчин в самой Индии.

Между тем именно возраст от 15 до 40 лет в Индии и является репродуктивным возрастом. Общеизвестен существующий в Индии обычай детских браков, но известно также, что в силу обычая, как правило, деторождение начинается с 15-летнего возраста.

Ранние браки в Индии, являющиеся пережитком средневековья, имеют двойное значение в воспроизводстве населения. С одной стороны, они как будто удлиняют репродуктивный возраст по сравнению с европейскими странами, чем содействуют приросту населения, но, с другой стороны, они приводят к высокой смертности женщин при родах, что наряду с другими причинами влечет за собой уменьшение численности женского населения. Последняя сторона имеет более важное значение и обуславливает социальную вредность этого обычая.

Обращает на себя внимание большая смертность женщин по сравнению со смертностью мужчин в возрасте от 20 до 30 лет (125), когда, казалось бы, риск слишком раннего материнства уже позади.

Проф. Мукерджи считает, что причиной высокой смертности женщин являются слишком многочисленные роды через короткие интервалы, подрывающие силу индийских женщин¹. С этим нельзя согласиться: жизненная сила огромного большинства индийских женщин прежде всего подрывается бедностью, недоеданием, усугубленным угнетенным положением женщин, и на этом фоне уже сказывается опасность частых родов в условиях отсутствия медицинской помощи.

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 215.

Помимо неблагоприятного соотношения численности женщин к численности мужчин, отрицательно сказывается на воспроизводстве населения до сих пор сохранившийся обычай, запрещающий вдовам повторно выходить замуж. По переписи 1931 г., насчитывается 10 660 000 вдов в возрасте от 14 до 45 лет. Индуизм и джайнизм дают религиозную санкцию этому обычаю, а мусульмане придерживаются его только в силу традиции. Запрет повторных браков не касается, как правило, неприкасаемых и других низших каст, как не практикуется у них и выкуп за невесту.

По подсчету проф. Чанда¹, если бы обычай, запрещающий повторные браки вдов, не существовал, то норма рождаемости в Индии поднялась бы с фактических 48 на 1 тыс. до 53 или 54. Большое количество вдов проф. Чанд считает последствием неравенства брачного возраста мужчин и женщин, вызванного ростом цен на жен: чем невеста моложе, тем она дешевле, что стимулирует женитьбу на несовершеннолетних.

В высших кастах продолжают в известной мере действовать ограничения в возможности выбора жен, установленные еще в те времена, когда эти касты являлись организациями господствующих классов. Путем таких ограничений высшие касты сохраняли в известной мере свое исключительное положение.

Рост капиталистических отношений в стране привел к пролетаризации подавляющего большинства представителей низших каст, что закрепило (точнее — закрепляет) унаследованное с древних времен равенство в бесправии и принудительном труде мужчин и женщин этих каст.

Экономическое равенство в низших кастах имеет своим последствием то соотношение между численностью женщин и мужчин, при котором женское население преобладает над мужским, о чем свидетельствуют многочисленные данные, приводимые в работе Мукерджи. В заключение проф. Мукерджи пишет: «Повсеместно все отсталые касты более плодovиты, и кажется, что в будущем рост населения будет происходить больше всего за счет низших в культурном отношении классов и религиозных общин»².

Ряд буржуазных исследователей в Индии делает реверансы в сторону расовой теории, и разница в их мнениях является, по существу, только оттенком. Так, проф. Чанд считает необходимым «принять в расчет евгенические соображения

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 141.

² R. Mukerji. Указ. соч., стр. 223—224.

при формулировании всестороннего взгляда на проблему народонаселения и при обсуждении практической политики»¹. Он кончает книгу аналогичными рассуждениями. «Евгеника пока еще мечта...» «Ограничения и правила браков внутри и вне определенного круга являются наиболее отличительной и твердой чертой кастовой системы и базируются на эмпирической евгенике...» Признавая смешение рас в Индии, он все же считает возможным отметить «расовую чистоту» и «ценность» бомбейских парсов, кашмирских браминов и малабарских браминов намбудри. Следует отметить, что в данном случае проф. Чанд далек от «бескорыстия», если можно так выразиться.

Известно, что в силу ряда исторических причин наиболее богатые люди Индии принадлежат к парсам. Кашмирские брамины — каули — с давних времен во многих княжествах (а затем и провинциях) заполняют ряды высшего чиновничества, судебных работников и адвокатов. Малабарские брамины намбудри являются преимущественно землевладельцами — помещиками (дженми). По его мнению, ученые соответствующих отраслей науки «должны провести беспристрастное научное исследование евгенического аспекта кастовой системы и в той мере, в какой это возможно, дать оценку положения различных каст на евгенической шкале»².

Увековечение кастового деления и благоприятствование более «чистым» и «ценным» кастам — вот рецепт «социалиста» Чанда.

Проф. Мукерджи не мудрствует лукаво. «Большое количество вдов в высших кастах, — говорит он, — воздержание от брака или большое различие в возрасте брачующихся, что... связано с экономическими тяготами, а также и детские браки, приводящие к увеличению количества вдов, — все эти обстоятельства предсказывают расовое самоубийство»³.

«Программа по евгенике должна включать разрешение межкастовых браков, с целью подведения базы для лучшей селекции, разрешение выхода замуж вдовам и отмену расходов на приданое и покупку невест, так же как и отмену региональных, секционных и прочих барьеров, препятствующих бракам между высшими кастами индусов»⁴.

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 40—41.

² Там же, стр. 367—368.

³ Там же, стр. 236—237.

⁴ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 239 (подчеркнуто мною.— Г. Ш.).

Как видим, это — откровенная проповедь сохранения и увековечивания «расовой чистоты» и превосходства высших каст, т. е. увековечения кастовой системы. Это — политика, направленная на разъединение трудящихся масс, в особенности крестьянства, так как хотя имущая верхушка состоит преимущественно из высших каст, но большинство принадлежащих к тем или иным подразделениям таких многочисленных и важных каст, как, например, брахманы и раджпуты, являются крестьянами.

Наряду с огромной детской смертностью, большой смертностью женщин в начальный период репродуктивного возраста и другими отмеченными выше обстоятельствами, обусловленными нищетой народных масс, в Индии чрезвычайно низка средняя продолжительность жизни. Это может быть проиллюстрировано следующей сравнительной таблицей из отчета актуариев за 1931 г. (приложенного к «Отчету» руководителя переписи).

Таблица 5

Численность доживающих до 30 лет на 100 тыс. рождений

	Соединенное королевство	Швеция	Германия	Япония	Франция	Индия
	1901—1910	1801—1810	1801—1810	1893—1903	1893—1903	1901—1910
Мужчины	72 741	74 331	67 092	65 596	67 653	35 831
Женщины	75 779	78 382	69 848	64 874	70 068	36 745

Приводя эту таблицу, проф. Чанд отмечает, что отсутствие более свежих данных не уменьшает ценности таблицы, «так как контраст между Индией и прочими странами стал даже более неблагоприятным по отношению к нашей стране»¹.

Проф. Чанд в известной мере прав только в отношении «средних» показателей по Индии.

Во всяком случае, есть все основания утверждать, что открытый Марксом закон быстрой смены поколений рабочего класса действует в Индии еще более интенсивно, чем в Европе.

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 116.

Заметим попутно, что большая разница в возрастном составе населения объективно содействует сокрытию истинного соотношения между уровнем смертности в Англии и в ее колонии — Индии.

Проф. А. В. Хилл, секретарь Королевского общества в Лондоне и член английского парламента, в своей речи на заседании Восточно-индийской Ассоциации 4 июля 1944 г. говорил, что «смертность для любой возрастной группы до 55 лет очень высока и от 4 до 8 раз выше, чем в Англии, но общий процент смертности только в 2 раза выше».

Следовательно, если сделать необходимую поправку на недоучет смертности в Индии на одну треть, то истинное соотношение смертности по отдельным возрастным группам будет в 5—10 раз выше, чем в Англии.

РАЗНИЦА РОСТА НАСЕЛЕНИЯ ПО ПРОВИНЦИЯМ

Большой научный и практический интерес представляет факт неравномерности прироста населения по отдельным провинциям и районам страны.

Правильное объяснение этой неравномерности, учитывая огромные размеры страны и некоторые различия в исторических судьбах отдельных населяющих ее народов, дало бы ключ к пониманию всей проблемы закономерностей роста населения Индии. Эта неравномерность представляется в следующем виде:

Рост населения по провинциям (1931 г. в ‰ к 1881 г.)

Бенгал	38	Бихар и Орисса	26
Бомбейская	32	Соединенные провинции	10,6
Пенджаб	37	Вся Индия	30,7
Мадрасская	51,6		

В то время, как в 1881 г. первое место среди других провинций Индии занимали Соединенные провинции, насчитывавшие 44,87 млн. жителей, и второе место — Бенгал с 37,02 млн., в 1931 г. Бенгал насчитывал уже 50,15 млн. жителей, а Соединенные провинции с населением в 49,61 млн. заняли второе место после Бенгала. Как увидим ниже, прирост населения по отдельным районам провинций и отдельным княжествам, как за весь период, охватываемый переписью

сами, так и за отдельные межпереписные периоды, выглядит очень пестро, но работы буржуазных исследователей не дают ответа на вопрос о причинах этого явления. Проф. Чанд посвящает ему два раздела своей работы¹, но, по существу, ограничивается словесным повторением того материала, который представлен им же в виде таблицы. Приведем несколько образцов его интерпретации статистического материала. Рассматривая рост населения Бенгала, проф. Чанд пишет: «...ясно, что Бенгал не только наиболее густо населенная провинция Индии, но становится прогрессивно все более и более густо населенной на протяжении пяти десятилетий с 1881 г.»

«Другой чертой, представляющей особый интерес в отношении Бенгала, является то обстоятельство, что наибольший прирост населения отмечается в тех частях провинции, которые были наиболее густо населены и раньше»².

В отношении прироста населения в Соединенных провинциях «должно быть отмечено, как генеральная тенденция, более быстрый прирост в тех частях, которые и так являются очень густо населенными»³. А то обстоятельство, что население Соединенных провинций растет значительно медленнее, чем в стране в целом, является поводом для следующего замечания: «...хотя рассмотрение вопроса о величине перенаселения страны в целом и отдельных провинций на этой стадии анализа откладывается, можно сделать предварительный вывод, опирающийся на факты о том, что в Соединенных провинциях борьба за существование еще тяжелее, чем в других частях страны...»⁴

В отношении Мадрасской провинции, население которой с 1881 по 1931 г. возросло на 51,6% (против 10,6% прироста в Соединенных провинциях), проф. Чанд ограничивается констатацией, что здесь население «возрастает быстро»⁵ и что «более быстро растет в густо населенных дистриктах провинции...»⁶, совершенно уклоняясь от попытки объяснить, почему же в течение 50 лет население Мадраса росло почти в пять раз интенсивнее, чем Соединенных провинций.

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 44—92.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 59.

По существу, аналогичные «объяснения» дает и проф. Бридж Нарайн в своей работе «Народонаселение Индии».

Так, о Пенджабе он для подкрепления собственных рассуждений цитирует «Отчет» по переписи 1921 г.: «...в пригималайских районах действует закон убывающего плодородия почв...»¹. В отношении Соединенных провинций: «...падение численности населения в декады 1901—1911 на 1%, и 1911—1921 — на 3,1% показывает, что давление населения на землю в этой провинции приближается к пределу»². В отношении Мадраасского президентства: «...давление на землю в некоторых частях президентства достигает предела»³.

Как видно из этих заключений проф. Нарайна, рост населения отдельных провинций не идет дальше определения «зависимости» от уровня пресловутого «давления на землю», «закона убывающего плодородия» и физико-географической обстановки.

Можно на этом закончить демонстрацию тех «рассуждений», которые профессора Чанд, Нарайн и английские статистики приводят для объяснения бросающейся в глаза разницы в росте населения отдельных районов и провинций.

Нет сомнения, что неравномерность прироста населения тесно связана с неравномерностью экономического развития отдельных районов; приходится лишь отметить, что, в то время как при сопоставлении прироста населения в отдельных странах все упомянутые индийские профессора высказывают ряд правильных положений, обосновываемых экономически, — при обзоре роста населения отдельных провинций Индии они ограничиваются бессодержательными констатациями, образцы которых мы приводили выше. В этом сказывается нежелание вскрыть классовые корни этой неравномерности роста населения.

ОБНИЩАНИЕ ИНДИЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ

Все вышеназванные авторы в равной мере оценивают бедность и недоедание, которое испытывает подавляющее большинство индийского населения.

Проф. Чанд, свидетельствует, что менее 5% трудящихся Индии употребляет в пищу молоко. И это в стране, где 70%

¹ В. Narain. Указ. соч., стр. 147.

² Там же, стр. 151.

³ Там же, стр. 163.

населения является вегетарианцами! Многие индийские экономисты дают в своих работах подробный анализ пищевых рационов рабочих и крестьян различных районов Индии, в которых убедительно показывают как абсолютную недостаточность этих рационов, так и их качественную неудовлетворительность, в частности бедность витаминами. По мнению проф. Мукерджи, огромный рост заболевания проказой в дистриктах Банкура и Бирбхум связан с недостатком некоторых минеральных составных частей в злаках. Он считает, что борьба с проказой должна вестись как по линии санитарно-гигиенической, так и на «экономическом фронте».¹

Проф. Мукерджи вычислил, что в Индии нехватало продовольствия для 12% населения, другой известный экономист Р. Дас, выступавший на международном демографическом конгрессе с докладом «Проблема перенаселения Индии», считал, что продовольствия нехватает для 25%.

Недостаточность обычной пищи огромного большинства индийского народа проф. Мукерджи показывает в специальной сводке результатов различных исследований, проведенных специалистами².

В другой работе проф. Мукерджи сравнивает средний вес жителей отдельных провинций со средним весом заключенных в тюрьмах, находящихся в этих же провинциях, и везде оказывается, что вес заключенных превышает вес находящихся на свободе их земляков.

Проф. Чанд приводит следующую сводку среднего веса жителей (мужчин) отдельных стран: «европо-американцы» в среднем весят 70 кг, китайцы — 55 кг, японцы и яванцы — 51 кг, индийцы — 47,3 кг.

Повседневная бытовая обстановка, в которой живут рабочие и крестьяне Индии, ужасна — скученность в однокомнатных хижинах, без окон и без всякой мебели, крайняя бедность кухонной утвари, мизерность затрат на одежду и обувь, замусоренность и загрязненность экскрементами почвы вокруг жилищ, антисанитарные условия водоснабжения и т. п.

Особенно ухудшилось положение трудящихся Индии за годы второй мировой войны в связи с усилением гнета английского империализма. Крупная буржуазия, помещики и спекулянты удесятерили свои доходы, в то время как реальная заработная плата рабочих, даже по преуменьшенным

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 157.

² Там же, стр. 78—79.

данным, упала больше чем в два раза и резко усилилось обнищание основных масс крестьянства.

Как бы подводя итоги всей суммы жизненных условий, в которых находится большинство индийского населения, и результатов этих условий, проф. Чанд пишет: «Наш народ находится в процессе постоянной ликвидации (in a continued process of liquidation). Род людской в Индии является наследником более многочисленных зол, чем в большинстве других стран... преждевременная смерть должна служить уделом большинства людей этой страны». «Мы не вымирающая нация, но смерть является отличительным знаком (badge) нашего народа. Должно ли быть так? Может ли быть иначе?»¹

ЭКОНОМИКА И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ИНДИИ В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

Прежде всего надо отметить, что ответ на вопрос, должен ли вымирать индийский народ, поставленный Чандом, проф. Мукерджи дает в самом начале своей книги. Буквально на первой странице он усиленно рекламирует «блестящий анализ» Мальтуса, подчеркивает его заслугу как «первого, кто указал человеческому роду» опасность перенаселения и провозгласил закон убывающего плодородия. Далее проф. Мукерджи, заявляя о том, что, по его подсчетам, «в Индии в годы нормальных урожаев нехватает пищи для 12% населения», прокламирует необходимость «новой политики в области народонаселения и систематического, во всеиндийском масштабе, планирования продовольствия и посевов на базе экономической и сельскохозяйственной наук и науки о питании,— планирования, руководимого правильными социальными взглядами»².

Глубоко консервативная, реакционная позиция проф. Мукерджи в вопросах экономического развития Индии может быть прекрасно проиллюстрирована таким приводимым им «аргументом» о будущем страны, как... темпы развития промышленности страны в прошлом.

«Темп промышленного развития Индии гораздо медленнее, чем европейских стран...»³,— заявляет проф. Мукерджи, исключая из своих рассуждений такой факт, как колониальная

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 130.

² R. Mukerji. Указ. соч., стр. 9.

³ Там же, стр. 28.

зависимость Индии и возможность ликвидации этой зависимости в будущем.

Страны, производящие пшеницу, по словам проф. Мукерджи, не будут продавать ее Индии в обмен на промышленные изделия, так как они находятся на более высоком уровне промышленного развития.

Как одну из серьезных мер к облегчению «давления населения на землю» проф. Мукерджи рассматривает эмиграцию населения внутри Британской империи, «население которой на девяносто процентов состоит из небелых и которая в настоящее время включает большую часть неразвитых районов земного шара». «Сплоченность Британской империи требует организации имперского экономического планирования, которое не может быть успешным без изменения расовой дискриминации в отношении индийской эмиграции в Австралию, Южную и Восточную Африку. До тех пор, пока 377 миллионов индийцев не смогут освободиться от судорожных стеснений экономической нужды и истощения почвы на своих двухакровых участках, до тех пор их низкая покупательная способность будет препятствовать промышленности Великобритании в деле успешного выхода из современной депрессии. Имперская конференция имеет приспособленный аппарат, который сможет при смелом применении сформулировать соответствующие соглашения между различными частями империи, благодаря которым, при посредстве более либеральной эмиграционной политики, смогут возрасти имперская торговля и источники продовольственного снабжения, и подымется жизненный уровень различных народов в рамках империи»¹.

Да простит нас читатель за столь длинную выдержку, но это одно из наиболее откровенных положений проф. Мукерджи, рельефно показывающих позиции стоящих за автором кругов индийской буржуазии и либеральных помещиков, еще до расчленения Индии находившихся в фактическом блоке с английским финансовым капиталом.

Проф. Мукерджи пытается убедить свой народ в том, что английское господство может стать орудием подъема жизненного уровня поработанных народов и что имперская конференция может явиться тем «плановым» центром, который только якобы и способен избавить индийского райота от «судорожных усилий», связанных с прозябанием на двухакровом участке.

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 203.

6 Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

Эта точка зрения проф. Мукерджи в наши дни пропагандируется руководителями Индийского правительства и лидерами Национального конгресса, для того, чтобы оправдать свое открытое предательство и свой отказ от разрыва с Британской империей.

Ни один из индийских буржуазных экономистов и не пытался поставить вопроса о мертвящем давлении самой формы отношений, о том, что крупные помещики прямо заинтересованы в отсталом мелкокрестьянском землепользовании. Ни звука не сказано и о том, что в этом заинтересованы и ростовщики, и торговцы, и другие представители огромной посреднической армии компрадоров британского финансового капитала, а вместе с ними и индийские капиталистические магнаты.

Наоборот, выставляя себя друзьями индийского народа, и в особенности крестьянства, несмотря на внешнее различие исходных положений — от открытой консервативной позиции Мукерджи до псевдоревolutionной и псевдосоциалистической позиции Чанда или Нарайна — эти авторы доказывают необходимость и неизбежность реформирования и, следовательно, увековечивания существующего строя.

Вернемся к освещению конкретных экономических условий в Индии, как они представлены в индийской экономической литературе.

Из работы проф. Мукерджи можно почерпнуть, между прочим, данные, иллюстрирующие влияние социально-экономических условий на такие важнейшие в аграрной мелкокрестьянской экономике элементы производительных сил, как скот и почва. В Индии насчитывалось, по официальным данным, 214,2 млн. голов крупного рогатого скота — зебу и буйволов, на которых вспахивают землю и которых используют для грузового и пассажирского извоза. поголовье скота росло довольно быстро — на 45% за двадцать лет. По подсчету проф. Мукерджи, не менее 125 млн. голов было «лишних». Этот расчет основывается на следующих фактах. Значительная часть скота принадлежит к своеобразным «инвалидам», по возрасту или дефективности неспособным к какому-либо продуктивному использованию, так как в силу религиозных воззрений индусы не убивают скота (и не употребляют в пищу мясо). По многолетним статистическим данным, около 75% шкур, поступающих в продажу, снято с павшего скота, и только 25% со скота, забитого на мясо. Этот старый или больной скот, по некоторым данным составляющий четверть поголовья, ложится тяжелым бременем на крестьянское хозяйство, поедая значительную часть и без того недостаточного

фуража. Но и рабочие быки, являющиеся основным средством производства в крестьянском хозяйстве (и местном транспорте), находятся в неудовлетворительном состоянии. 60 млн. рабочих быков едва хватает для обработки 300 млн. акров засеваемой площади. В то время, как, например, в Германии, молочные коровы составляли 56,8% поголовья, в Бельгии — 52,7%, в Индии в наиболее благополучных районах молочные коровы составляли всего около 22%. Во многих районах Индии из-за недоедания и болезней коровы дают крайне низкий удой молока и телятся один раз в два-три года. В Соединенных провинциях только 6,8% коров-зебу дает 3 сира (1 сир — 950 г) молока в день и 26,5% буйволиц — 4 сира в день. Мукерджи отмечает непрерывный процесс ухудшения качества поголовья скота: «В связи с хроническим недостатком фуража потомство недокармливаемых и плохо досматриваемых животных прогрессивно ухудшается в каждом поколении...». «Переполнение пастбищ приводит к ухудшению и вырождению их травяного покрова и эрозии поверхностного слоя почвы... С другой стороны, мелкая пахота, неизбежная вследствие уменьшения силы рабочего скота, вместе с несоответствующим удобрением приводит к разрушению пахотного слоя почвы»¹.

«Лишние» люди, «лишний» и притом вырождающийся скот, скудеющие пастбища, разрушающиеся почвы, прогрессирующее обезлесение страны — таков итог хозяйничания английских империалистов в Индии, в части развития основных производительных сил этой аграрной страны, и эта картина ярко рисуется даже таким консервативным представителем индийской национальной буржуазии и помещиков, как проф. Мукерджи.

Но если проф. Мукерджи и до 1947 г. ратовал за Британскую империю, то другие индийские буржуазные экономисты, декларативно и формально придерживаются иной точки зрения. Десятки раз, по разным поводам, на протяжении всей упомянутой работы Чанд заявлял о необходимости политического освобождения Индии как важнейшего и неременного условия решения всех вопросов улучшения жизни народных масс Индии. Проф. Чанд в самом начале книги «опровергает» Мальтуса, правильно заявляя о том, что его «теория» не оправдалась с точки зрения биологии и что, как не без юмора пишет он дальше, «вопрос о том, открыта ли вакансия для новорожденного или нет, выходит за пределы того, что

¹ Р. Мукерджи. Указ. соч., стр. 142—143.

могут сделать для его разрешения родители»¹. Он признавал первостепенное значение того, что он называл «мировыми факторами», причем, надо отметить, иногда довольно удачно. Так, например, в отношении Англии он заявлял: «...Экономическое процветание основывалось на росте ее международной торговли, и пятикратное увеличение ее населения стало возможно только благодаря этому росту...», с другой стороны, Россия, «где коммунизм полностью установился», задает тон в экономическом развитии, и, если оно будет закреплено, образует новую эпоху в экономической истории мира... установление коммунизма в этой стране оказывает наиболее важное влияние на проблему роста ее народонаселения»².

В книге можно найти также ряд верных замечаний по поводу наиболее острых вопросов экономической и политической жизни Индии. Так, проф. Чанд заявляет: «можно задать вопрос,— где же рост давления населения, если пшеница сжигается, хлопок запахивается, кофе выбрасывается в море и продукция ограничивается...»³

Несколько раз на протяжении книги Чанд рассматривает международную обстановку, в которой происходит борьба народов Индии за освобождение.

«Мировая ситуация серьезна, но было бы вредным ограничиться простым ожиданием того, что мировые факторы неизбежно помогут освобождению Индии. Когда писались эти строки, составлялся договор 4-х держав, Чехословакия все еще истекала кровью от ран, нанесенных ей ее прежними «друзьями», допускающими еще раз превращение «закона джунглей» в основу международных отношений»⁴. Не мешает привести эти строки и сейчас, когда происходит решительная борьба между англо-американскими империалистами, стремящимися увековечить господство «закона джунглей» в международных отношениях, и демократическими силами во главе с СССР, когда в борьбе за свободу льется кровь народов Кореи, Индо-Китая, Индонезии и других стран, а в самой Индии реакционные силы, вдохновляемые извне, пытаются отвлечь народ от борьбы за свое освобождение междоусобной индусско-мусульманской резней, и политические деятели, прославившиеся в прошлом еще более радикальной фрезологией, чем применяемая проф. Чандом, нашли «удачную» юриди-

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 42.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 33, 34.

⁴ Там же, стр. 360.

чески филологическую форму для прикрытия своего предательства.

В обзоре индийской экономики проф. Чанд основное внимание уделяет состоянию сельского хозяйства и перспективам его развития. Прежде всего, он рассматривает динамику посевных площадей, справедливо отмечая в общем неудовлетворительное состояние сельскохозяйственной статистики в Индии, но считает возможным пользоваться ею для определения общих тенденций, так как нет оснований считать, что положение в этом отношении изменилось по сравнению с началом столетия¹.

По официальным данным, обрабатываемая площадь с 1901 г. по 1934 г. возросла на 11%, а население — на 21%². Свыше 80% населения занято в сельском хозяйстве, свыше 80% площадей занято под продовольственными зерновыми, а своего хлеба нехватает, и даже в лучшие годы перед второй мировой войной приходилось его ввозить, причем нехватка продовольствия все более увеличивается!

Характерно, что упадок сельского хозяйства в Индии явственнее всего обнаруживается именно в эпоху общего кризиса капитализма, когда обострился хронический аграрный кризис, который, будучи одним из элементов, составляющих общий кризис капиталистической системы, вместе с тем представляет собой явление, развитие которого обуславливается движением общего кризиса. Лучшей иллюстрацией этого является следующая таблица, позаимствованная проф. Чандом у Джона Ресселя. Здесь же³ проф. Чанд еще раз

Таблица 6
Площадь на душу населения в Британской Индии

Площадь в акрах	С 1903/4 по 1907— 1908 гг.	С 1908/9 по 1912— 1913 гг.	С 1913/4 по 1917— 1918 гг.	С 1918/19 по 1922— 1923 гг.	С 1923/24 по 1927— 1928 гг.	С 1928/29 по 1932— 1933 гг.
Вся посевная	0,883	0,906	0,918	0,897	0,868	0,841
Под продовольственными культурами	0,829	0,862	0,873	0,833	0,803	0,785
Под непродовольственными культурами	0,053	0,043	0,045	0,065	0,065	0,057

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 189.

² Там же.

³ Там же, стр. 307.

напоминает тот «стандарт», который исчисляли английские эксперты,— 2,5 акра на душу, для обеспечения стандартного минимального пищевого рациона, причем, добавим от себя, и эти 2,5 акра были вычислены, исходя из гораздо более высокой урожайности, чем существующая сейчас в Индии.

Особенно обострился аграрный кризис в Индии в послевоенные годы. По официальным данным, в 1949 г. в Индию ввезено свыше 4 млн. т. зерна, причем недоедание широких масс усугубилось, по сравнению с довоенным периодом. Городское население до сих пор состоит на карточном снабжении, по карточкам выдается только зерно, причем нерегулярно и неполностью.

Проф. Чанд подробно, по каждой провинции в отдельности¹, рассматривает возможности дальнейшего расширения посевной площади, составляющей только около одной трети всей земельной площади Индии, и приходит к выводу, что такие возможности крайне ограничены. С этим можно условно согласиться, так как техническое вооружение огромного большинства индийских крестьян, сводящееся к деревянной сохе с железным наконечником и ручным орудиям, на протяжении 2000 лет осталось неизменным. Об этом свидетельствуют не только данные археологии, но и донесение одного из греческих послов, посетившего Индию в I в. н. э. Скот ухудшился качественно, а община с ее простой кооперацией, обеспечивавшей проведение частично сохранившихся до сих пор ирригационных сооружений, распалась. Англичане же предпочитали вкладывать средства в такие ирригационные сооружения, которые приносят от 10 до 30% и больше дохода в год на вложенный капитал, осуществляя их строительство преимущественно в наиболее доступных районах. Около $\frac{1}{5}$ посевной площади до сих пор еще не обеспечено орошением.

Чем объяснял проф. Чанд застой и упадок индийского сельского хозяйства, в чем суть аграрного кризиса в его интерпретации? Как должен быть разрешен этот кризис?

Давая самую общую оценку положения в Индии, проф. Чанд писал: «Индия сегодня является кошмаром, который рассеется, если страна достигнет полного господства над своими собственными делами. Это значит, что Индия не только будет свободной политически, но будет достигнуто внутреннее единство и будут устранены существующие противоречия, пристекающие из сосуществования средневекового феодализ-

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 254—257.

ма и растущей индустриализации»¹. Это является правильной оценкой основных противоречий, характеризующих современное положение в Индии и предопределяющих неизбежность жестокого и хронического аграрного кризиса и других бедствий современной индийской экономики.

Интересно отметить, что не только Чанд, но и все прочие экономисты и политические деятели Национального конгресса полностью замалчивали факт сращивания помещичье-феодалной и буржуазной верхушки. Этот процесс шел как по линии «территориализации» буржуазии, так и по линии помещичьего предпринимательства (и чаще рантье́рства).

Крупнейшие помещики, в том числе князья, все чаще вкладывают свои капиталы в акции промышленных предприятий и банков. Достаточно перелистать страницы индийских экономических журналов и даже «Ийрбуков», чтобы убедиться в том, как далеко зашел этот процесс. Возглавляют этот процесс наиболее высокотитулованные помещики — «владельцы особые» (вроде махараджей Майсора, Кашмира, Бароды, Гвалиора и т. п.), не ограничивающиеся только скупкой акций, но и «организующие» собственные предприятия (точнее — компании) и банки. С другой стороны, все чаще появляются объявления, свидетельствующие о приобретении больших пространств земли и организации на них сахарных, хлопковых и других плантаций такими крупнейшими представителями сращивающегося промышленного и банковского капитала, как Далмия и ему подобные. Самый факт появления плантаций в области хлопководства и выращивания сахарного тростника является дополнительным свидетельством не только территориализации буржуазии, но и обострения аграрного кризиса. Крестьянское хозяйство, опутанное ростовщиками и придавленное полуфеодалной эксплуатацией, не удовлетворяет спроса даже по этим, традиционным для Индии, культурам.

Об этих фактах индийские помещичье-буржуазные экономисты не пишут не потому, что их не замечают или не придают им значения, а потому, что стараются оградить интересы буржуазной верхушки и помещиков.

Вызывают интерес высказывания проф. Чанда по поводу общеизвестного явления, характерного для индийского сельского хозяйства: прогрессирующего уменьшения размеров крестьянского землепользования, увеличения дробности участков

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 320. Как истый буржуа, Чанд отождествляет индустриализацию и развитие капитализма.

и чересполосицы, процесса образования, как выражаются все английские и индийские экономисты, «не экономических» владений и «усиления давления на землю». В. И. Ленин доказал, что это есть процесс образования резервной армии в ее скрытой форме — так называемого аграрного перенаселения.

«Лишним» людям некуда уходить из крестьянского хозяйства, мелкая промышленность под влиянием конкуренции иностранной и индийской фабрично-заводской капиталистической промышленности дает занятия все меньшему количеству людей, крупная промышленность под давлением финансового капитала метрополии развивается медленно, рост численности рабочей силы в ней не поспевает за процессом вытеснения рабочей силы из разоряющихся, — под воздействием ее роста, — ремесла и мелкой промышленности (добавим от себя: находящейся на стадии мануфактуры или капиталистической работы на дому).

По данным переписей, удельный вес населения, занятого во всей промышленности, снизился за период с 1911 г. по 1931 г. с 11,27% до 9,7%. Мало того, проф. Чанд вынужден отметить, что существование крупнокапиталистической промышленности увеличивает количество «лишних» людей, остающихся без работы под влиянием процессов концентрации и «рационализации», что заставляет их уходить в деревню.

В этих условиях крестьянину не остается другого выхода, как делить свои участки между подрастающими сыновьями. Тот же проф. Чанд также одним из первых среди индийских экономистов дробление крестьянских земель поставил в связь с «деятельностью» ростовщического капитала, зачастую прибирающего к рукам не все сразу крестьянское «владение», а кусочек за кусочком, и сдающего эти кусочки в аренду¹.

Расценивая «прибыльность», «экономичность» существующих «средних» размеров крестьянского землепользования, проф. Чанд делал вывод, что эти средние размеры должны быть увеличены в три-четыре раза, в зависимости от района, для того, чтобы крестьянская семья могла прожить безбедно, и улучшать свое хозяйство, применять семена, металлические орудия, улучшенный скот и другие меры агрикультурного прогресса, могущие быть использованными в мелком индивидуальном крестьянском хозяйстве. Он считает реально невозможным переход к такому типу хозяйства, так как это означало бы лишение земли 75 млн. крестьянских хозяйств из 112. Проф. Чанд считает также невозможным постепенную

¹ G. Ch and. Указ. соч., стр. 169.

эволюцию помещичьего хозяйства по капиталистическому пути, так как «жестокая судьба превратила помещиков во врагов сельскохозяйственного общества»¹. Исключает он также и кооперативный путь развития вследствие «трудностей урегулирования (adjustment) прав (очевидно, собственности на землю.— Г. Ш.) и распределения продукции при кооперативном ведении сельского хозяйства...»²

В чем же видит выход проф. Чанд, непрерывно цитирующий наиболее «левые» высказывания представителей «левого» крыла Всеиндийского национального конгресса? Ознакомимся с тем, что сделают «крестьяне», по мнению Чанда, когда они придут к власти: «Снижение поземельного налога и рент, уменьшение размеров долгов и ограничение уровня процентов и прочие подобные меры будут первыми плодами государственной власти, которой достигнет крестьянин». «Это будет означать большой моральный эффект, но материальный результат будет незначительным».

Итак, «радикальные» фразы о революции, о природе помещичьего класса и т. п. понадобились только для прикрытия весьма умеренной программы, которой должен придерживаться «крестьянин», когда возьмет власть в свои руки. О необходимости снижения ренты и долгов в Индии говорят все экономисты консервативного толка, даже те, которые считают идеалом распространение на всю территорию страны того самого «постоянного положения», на основании которого была отнята земля у крестьян Бенгала и смежных районов в конце XVIII в. Поземельный налог, ренты и ростовщические проценты отнимают больше половины, а местами и более $\frac{3}{4}$ дохода у подавляющего большинства индийских крестьян. Конечно, если крестьянин после взятия власти ограничится только «перераспределением в очень незначительном размере, то кроме дисгармонии ничего не получится».

Чанд считает Национальный конгресс представителем крестьянских интересов. И когда конгрессисты взяли в свои руки непосредственное управление, то сидящие в правительстве Дж. Неру, В. Патель и другие представители этой помещичье-буржуазной партии действовали и действуют так, как гипотетический «крестьянин» Чанда. Как в свое время английские империалисты, они пошли на чисто формальное ограничение в некоторых районах рент, налогов, процентов. Всё

¹ G. Ch'and. Указ. соч., стр. 248.

² Там же, стр. 251. В том же духе об этом высказываются и проф. Нарайн и проф. Мукерджи.

это «реформаторство» прикрывается разговорами о «маздукисан радже» (рабоче-крестьянской власти), о необходимости «жертв» со стороны «всех» классов населения для укрепления «молодого» государства, об осуществлении «гандистского социализма» и т. п. Но ликвидировать «дисгармонию», т. е. предупредить обострение классовой борьбы в деревне «маздукисан радж» не может. Никогда в Индии не было столь интенсивной борьбы трудящихся масс за национальную независимость и против эксплуататоров, как в последние годы.

Опыт всех народов свидетельствует о том, что трудящиеся крестьяне, в большинстве стран народной демократии, довольно быстро нашли пути для «урегулирования прав» и распределения продуктов кооперативного производства. Независимо от предшествующей истории аграрных отношений, ликвидируется помещичье землевладение и начинается организация производственных кооперативов.

Говоря о росте численности сельскохозяйственного пролетариата в Индии и о возможности дальнейшего убыстрения этого роста, проф. Чанд приходит к следующему заключению: «...огромная армия безземельного пролетариата сможет смертельно угрожать самому существованию нынешней аграрной экономики»¹. Потенциально эта смертельная угроза феодальным пережиткам уже существует, и не только со стороны огромной армии безземельного пролетариата, но и со стороны подавляющего большинства индийского крестьянства, этого, по выражению проф. Чанда, «титана Индии», который на своих плечах «выдерживает тяжесть почти всей страны»².

Между прочим, любопытно попутно отметить одну деталь, характерную для способа мышления проф. Чанда. Вот кто, оказывается, содержится за счет мелкого крестьянского хозяйства Индии: «...лэндлоры, большие и малые, посредники-субарендаторы, ростовщики, безземельные рабочие, деревенские ремесленники, купцы, занятые во внутренней и внешней торговле, и даже люди свободных профессий и общественные работники».

Оказывается, что помещики, ростовщики и сельскохозяйственные рабочие в равной мере «содержатся» крестьянином! До сих пор даже для наиболее консервативных индийских экономистов было более или менее ясно, что именно батраки

¹ G. Chand. Указ. соч., стр. 169.

² Там же, стр. 252.

«содержат» и кулаков и помещиков, а в условиях Индии помещики, ростовщики, купцы и «даже люди свободных профессий», кроме того, львиную долю своих доходов приобретают за счет крестьян, еще не расставшихся (во многих случаях формально) окончательно со средствами производства. В условиях Индии развитие кулацкого хозяйства в значительной степени ограничивается непомерно высокими рентами, налогами, ростовщическими процентами, крайней сложностью и устарелостью форм владения и пользования землей и прочими формами империалистической и полуфеодальной кабалы. И в этих условиях мы можем констатировать наличие здесь крестьянства, как класса — сословия феодального общества. Здесь уместно привести высказывание В. И. Ленина: «Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения,— постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества»¹. Благодаря господству колониальных порядков в современной Индии пережитки феодализма в деревне гораздо сильнее и невыносимее, чем в дореволюционной России.

Характерно отметить, что проф. Чанд ни одним словом не обмолвился о необходимости защиты хотя бы самых элементарных экономических нужд сельскохозяйственного пролетариата Индии, в то время как даже проф. Мукерджи в показаниях перед Королевской комиссией высказался в пользу защиты экономических интересов батрачества. Вот что он писал в письменном показании:

«...при более справедливой доле арендной платы, при защите интересов сельскохозяйственных рабочих, при более правильной системе обложения удастся преодолеть аграрный кризис, а также и голод, не сетуя на тайные пути провидения и не грабя базары в открытом грабеже. Настоящее положение полно угроз».

Конечно, в основном вопросе — в вопросе о преодолении аграрного кризиса — программа Мукерджи является реакционной утопией, но вместе с тем отдельные круги господствующих классов Индии все же обнаруживают понимание того обстоятельства, что настоящий, крутой поворот к «прусскому

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

пути» развития, поворот по-бисмарковски, в современных исторических условиях, в обстановке общего кризиса капиталистической системы немислим, так как настоящее положение в стране, в случае применения бисмарковских методов, угрожает более крупными событиями, чем «открытые грабежи базаров».

А пока что люди в Индии голодают, огромное большинство крестьянских хозяйств приходит в упадок, что создает не только почву для крестьянских движений, но и ставит препону развитию промышленности, отрицательно сказываясь на развитии внутреннего рынка. Отсюда — сплочение всех оттенков буржуазно-помещичьей «науки» вокруг тех или иных вариантов мальтузианства, — неважно, превозносится ли при этом Мальтус, или его «теория» признается ненаучной, как например, в работе проф. Чанда.

В этом вопросе единым фронтом выступают не только все представители господствующих классов самой Индии, здесь единый фронт шире и включает в себя также и представителей господствующих классов Англии.

Исторический опыт учит: «Действительная борьба с голодовками, — писал В. И. Ленин, — невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной заданности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель...»¹. Надо полагать, что на такой платформе смогут консолидироваться все честные индийские патриоты, желающие прекратить непрерывную «процессию смерти, ежедневно проходящую перед их глазами», вызванную господством иностранного капитала и той суммой социально-экономических условий, которые сложились во время господства в стране чужеземных порабощателей.

Отметим еще несколько вариантов мальтузианства в Индии. Так, немалое число мальтузианцев, считая неизбежными «основы» мальтузианства, в особенности «закон убывающего плодородия», находят, что в Индии еще не созрели условия для его действия. Руководитель переписи 1921 г.² цитирует следующие слова руководителя переписи в Центральных провинциях и Бераре: «Неопровержимым является вывод, что если экономическое давление и вызывает борьбу за существование в этой провинции, понуждая население изыскивать дополнительные источники средств существования, то всё еще

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 402.

² Census of India, 1921, т. I, стр. 26.

далеко до того времени, когда начнет действовать закон убывающего плодородия».

Руководитель переписи 1931 г., признавая, конечно, «закон убывающего плодородия»¹, как некий общетеоретический базис, считает, что «настоящая проблема в Индии меньше заключается в росте населения вообще, чем в факте возрастания той части населения, конечно, наибольшей его части, которая занята в сельском хозяйстве и связанных с ним занятиях... И дополнительная сложность проблемы явствует из того факта, что земледельческие классы в Индии не имеют дополнительного капитала для расширения земледелия, в особенности в тех местах, где земледелие ведется в условиях зависимости от проблематических дождей»². В переводе на общепонятный язык это означает косвенное признание того, что торможение промышленного развития и грабеж крестьян со стороны помещиков, ростовщиков и империализма приводят к аграрному перенаселению, что эти же причины не дают возможности расширять обрабатываемые площади. До какой степени факты бывают «упрямой вещью» видно из того, что даже А. Е. Портер, руководитель переписи в одной из «самых перенаселенных» провинций Индии — Бенгале, вынужден был признать: «Если вся могущая быть обработанной земля будет действительно обрабатываться и если урожайность будет поднята на 30%, то на основании вычисления при помощи простого тройного правила видно, что Бенгалия сможет прокормить при нынешнем жизненном уровне в два раза больше населения, чем его было в 1931 г.»³. И тут же производит необходимые вычисления.

Проф. Б. Нарайн, словесно отрицая применимость «геории» Мальтуса к современной Индии⁴, доходит до следующего чисто мальтузианского положения: «Высокий уровень рождаемости в качестве необходимого последствия влечет за собой высокий уровень смертности»⁵, причем подается это в разделе, подводящем итоги его работы. «Всеобщий» закон народонаселения Нарайна звучит следующим образом: «В общем, рост населения в конечном счете зависит от экономических условий, и уровень прироста сам приспособляется к росту национального дохода и национального богатства».

¹ Census of India, 1931, т. I, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 42.

⁴ The Population of India, стр. 145

⁵ Там же, стр. 205.

«Этот вывод основывается на фактах, относящихся как к Индии, так и к европейским странам, и в равной мере применим как к промышленному Западу, так и к сельскохозяйственному Востоку»¹. Трудно поверить, что эти строки написал человек, довольно охотно цитирующий Маркса и Ленина, причем не с целью их «опровержения», а для подтверждения тех или иных своих мыслей. Ведь закон Маркса о населении при капитализме как раз гласит, что с ростом накопления капитала, т. е. «национального богатства», растет «избыточное» рабочее население, а товарищ Сталин установил, что огромный рост капиталов монополий в эпоху империализма привел к превращению резервной армии безработных в постоянную армию безработных в период общего кризиса капиталистической системы.

Руководство переписью населения в 1941 г., учитывая напряженное политическое положение в стране, старалось обойти все «острые углы» проблемы народонаселения. Отчет касается, главным образом, организационно-технической стороны переписи с тем, чтобы придать переписи вид совершенно аполитичного мероприятия, имеющего своей целью дать только верные и самые элементарные сведения о народонаселении.

Но осторожный м-р Иеттс (руководитель переписи) не смог полностью игнорировать «запросы» читателей из господствующих кругов в Англии и буржуазно-помещичьей верхушки Индии.

Говоря о том, что только чистый прирост населения Индии за последнее межпереписное десятилетие превосходит численность населения любой европейской страны, за исключением Германии, он продолжает: «Несомненно, этот громадный прирост должен сильно поразить и даже произвести впечатление удара на тех, кто не знает порождающих его факторов. В некоторых мало обоснованных выступлениях можно обнаружить некую безнадежность или отчаяние, как будто бы рост населения является снежной лавиной, движение которой, раз начавшись, будет стремительно развиваться до тех пор, пока какая-нибудь катастрофа не остановит его»².

Но если колонизаторы вынуждены стесняться в выражениях, выступая в роли правителей, то в более свободной сфере «чистой науки», публицистики или литературы они выступают гораздо развязнее.

¹ The Population of India, стр. 145.

² Census of India, стр. 23, 24.

В этом отношении известный интерес представляет Герберт Уэллс, в одном из своих романов отразивший отношение верхушки буржуазной интеллигенции к проблеме народонаселения в странах Востока. Успокаивая слабонервных, склонных к «безнадежному отчаянию», в связи с «чрезмерным» ростом «цветных народов», Уэллс в сфере беллетристики может более свободно выражаться, чем м-р Йеттс. «В своих собственных бассейнах эта «цветная волна» может подняться до очень мучительного состояния, но никогда она не переплеснет чересчур сильно чрез край. И этот прилив схлынет отливом, как только экономическая планета вступит в свою следующую фазу». С распространением цивилизации «иссякнут ручьи, питающие эти затхлые опасные болота низкопробного размножения»¹.

Оказывается, легче перебросить мостик от «высших каст» в Индии к лакеям финансового капитала в Англии, чем к «низшим кастам» в своей же стране. Л. С. Ваидианатан, не будучи беллетристом, не может предложить закрыть ручьи, питающие «затхлые болота низкопробного размножения». Как «ученый» актуарий он выражается более прозаическим языком: «Спасение (remedy), в кратких словах, может находиться в контроле над рождаемостью в семьях с плохим экономическим положением»².

Таким образом, произведенный нами краткий обзор важнейших работ индийских буржуазных экономистов в связи с вопросом о народонаселении свидетельствует о том, что нет даже попыток вскрыть истину, подлинное историческое место так называемого аграрного перенаселения в Индии и дать анализ форм развития его. Еще раз обнаруживается полная беспомощность буржуазной науки во вскрытии закономерностей роста населения, в частности, на примере Индии.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ В ИНДИИ

Относительное перенаселение в Индии является бесспорным фактом. Свое выражение оно находит прежде всего в крестьянском малоземелье. Все без исключения исследователи индийской экономики констатируют то обстоятельство, что подавляющее большинство крестьян относится к бедноте, к

¹ Г. Уэллс. Мир Вильяма Клиссольда. ГИЗ, 1928, стр. 385—387.

² Census of India, 1931, т. I, стр. 150.

людям, обреченным вести полуголодное существование в нормальные годы и испытывающим все ужасы подлинного голода в годы с пониженным количеством осадков или в связи с другими стихийными бедствиями.

Характеристикой условий жизни большинства индийских крестьян может послужить их положение в Бенгале в 1942—1943 гг., когда в связи с ураганом и наводнением урожай снизился примерно на 15—20%, что повлекло за собой смерть от голода около 3,5 млн. человек.

Ярким выражением скрытого перенаселения в индийской деревне является проблема вынужденного бездействия подавляющего большинства крестьян в периоды «междупария», охватывающего пять-шесть месяцев в году, а во многих районах еще более длительного. Так, Р. Дас приводит расчеты, из которых видно, что крестьянство в Бенгале «в среднем» занято около 4,5 месяца в году¹.

Большинством индийских экономистов и политических деятелей выдвигаются проекты «загрузки» крестьян в периоды вынужденного безделия, в частности знаменитая в Индии «чарка» (прядильное колесо) Ганди, должностующая, по замыслу гандистов, «решить» эту проблему.

О факте быстрого разорения крестьянства и связанного с ним роста относительного перенаселения индийской деревни свидетельствует быстро растущая масса безземельных сельскохозяйственных рабочих, в рядах которой миллионы людей, как удачно выразился Мукерджи, «находящихся вне обычного течения производства и жизни», т. е. типичных пауперов, люмпен-пролетариев. По данным переписей, рост численности сельскохозяйственных рабочих происходил гораздо быстрее, чем рост всего населения,—с 18,69 млн. в 1901 г. до 36,34 млн. в 1931 г., т. е. почти на 100%, в то время как все население возросло на 19%.

Словом, важнейшие показатели свидетельствуют о наличии все возрастающего относительного перенаселения в Индии, и в этом отношении Индия не отличается от других стран, находящихся под эгидой капитала. Но есть и некоторые особенности. Классическая формулировка Маркса гласит: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. ...Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обшир-

¹ The Industrial Efficiency of India, стр. 30.

нее постоянное перенаселение..., тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*¹.

Причем правилом, законом является то обстоятельство, что рост капитала обгоняет рост населения. «Огромная по отношению к населению производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям возрастания стоимости этого все нарастающего капитала»² (разрядка моя.— Г. Ш.).

Еще отчетливее и нагляднее представляется эта же закономерность в следующих словах Энгельса: «Если бы Мальтус не смотрел на вопрос так односторонне, он должен был бы увидеть, что избыточное население или рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велики производительные силы вообще. Яснее всего это показывает состояние всякой перенаселенной страны, например Англии, с того времени, как писал Мальтус»³.

Общеизвестно, что развитие производительных сил Индии находится на крайне низком уровне. И не только в предвоенные десятилетия, но и сейчас, после второй мировой войны, когда индийская буржуазия не только накопила огромные массы фиктивного капитала, но и значительно увеличила свои инвестиции в промышленность, торговлю и банки внутри страны, отчасти и за счет английского капитала, остро стоит вопрос о «привлечении» капитала, о «нехватке» его внутри страны.

Следовательно, мы имеем факт «избытка» населения при «недостатке» производительных сил.

Это обстоятельство объясняется, во-первых, историческими судьбами страны, начиная с эпохи становления капитализма как особой социально-экономической формации, и, во-вторых, той экономической ролью в качестве аграрно-сырьевого

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 650.

² К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 277.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 314.

7 Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

придатка, которую играет Индия по отношению к Англии и в системе мирового хозяйства в целом, как посредством своих связей с Англией, так и непосредственно.

Общеизвестно, что одним из важнейших источников первоначального накопления капитала в Англии явились не столько накопления в промышленности или займы в Голландии, сколько грабеж Индии, работорговля африканскими неграми (в которой необходимым посредствующим звеном была монополия на торговлю с Индией), плантационная система, сначала в Америке и Вест-Индии, и прочие источники аккумуляции капиталов в руках английской буржуазии за пределами Англии для развития ее промышленности и торговли. Ограбление Индии в пользу английской буржуазии методами первоначального накопления вышло далеко за рамки того исторического периода, который именуется эпохой первоначального накопления капитала, но отчетливые признаки относительного перенаселения Индии появились уже вне границ этой эпохи, в период расцвета промышленного капитализма в Англии, хотя и до сих пор дают себя знать последствия прямого ограбления для всей экономической жизни Индии. Вывоз награбленных богатств послужил одной из причин худосочия индийского капитализма, как только он начал развиваться.

Это относительное перенаселение начало возникать в связи с упадком деревенского ремесла и капиталистической мануфактуры в городах и специализированных деревенских районах Индии под влиянием конкуренции английской хлопчатобумажной промышленности в обслуживании массового рынка, в связи с упадком прежнего феодального аппарата, обеспечивавшего заказами многочисленные отрасли ремесла (и мануфактуры), выработывавшие предметы роскоши, вооружение, обмундирование и амуницию для дружин, а также в связи с изоляцией Индии от внешнего рынка. Город не только перестал служить центром притяжения для некоторой части деревенского населения, а наоборот, из городов люди начали уходить в деревни. Первый удар был нанесен городским мануфактурам и ремесленникам — ткачам (производившим ткани лучшего качества для массового потребления), а затем и другим отраслям, причем этот процесс ухода в деревни далеко еще не закончен до сих пор, хотя за последние десятилетия незначительная часть ремесленников устраивается в индийской крупной промышленности.

Необходимо отметить, что и в развитии этого процесса имеются отличительные черты. Показывая влияние победы

фабричного производства на положение рабочих в какой-либо определенной отрасли промышленности, Маркс пишет: «Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент кандидатов в заместители тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время»¹. Но машины, которые освобождали индийских хлопкоткачей, вырабатывались в Англии, на них работали английские рабочие, а фабрики сооружались за счет средств, награбленных в Индии.

Это влекло за собой изменения в отмеченной в данном случае Марксом закономерности в том отношении, что опускались и гибли не только первоначальные жертвы, но и большая часть контингента кандидатов в заместители. Долины Индии тогда белели от костей хлопкоткачей. Уцелевшая часть этого «контингента заместителей» пополняла собой ряды деревенского населения, в городах им нечего было надеяться на приискание новых источников существования.

Особенностью индийского исторического процесса являлся также тот факт, что «переходный период», о котором говорит Маркс в приведенной цитате, с точки зрения тех поколений индийских ремесленников, которых вытесняли английские машины (к тому же и работавшие в Англии), не являлся «переходным». Происходило не расширение «других отраслей труда», а сужение их «перечня» и обескровливание, прогрессирующее худосочие тех отраслей, которые «приспосабливались» к новому порядку вещей.

А в деревнях в это время происходили процессы, также оказывавшие разрушительное влияние на весь строй хозяйственной жизни и, следовательно, выбивавшие множество людей из привычной колеи. Маркс писал: «...британцы переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством публичных работ. Отсюда упадок земледелия, не способного развиваться по британскому принципу свободной конкуренции, по принципу «laissez faire, laissez aller»². Упадок ряда ирригационных сооружений, вызванный этим пренебрежением публичными работами, непониманием того, что «система искусственного

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 446 (подчеркнуто мною. — Г. Ш.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 348.

оплодотворения почвы» приходит «немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам»¹, вызвал упадок земледелия в некоторых районах страны и, естественно, «переуплотнение» в них, бегство отсюда населения, «переуплотнение» других районов за счет беглецов.

Закрепление помещичьих «прав» на землю, т. е. на феодальную ренту, создание целого слоя помещиков из прежних откупщиков налогов и применение того же буржуазного принципа «laissez aller» в области земельной собственности вызвало активизацию ростовщического капитала, залог и продажу (полностью или частично) крестьянских участков.

Внедрение денежных налогов содействовало созданию относительного перенаселения, разоряя огромные массы крестьян, которые не могли поглощаться городом, так как сам город был переполнен безработными и разорившимися под воздействием британской конкуренции ремесленниками. Внедрение денежных расчетов в налоговую систему и, во многих местах, в арендные отношения в сочетании с политикой торможения промышленного развития страны в значительной степени содействовали консервации феодальных отношений, делая их более мучительными и разорительными для масс и, по меньшей мере, неблагоприятно отражаясь на развитии капиталистических элементов в земледелии.

На дорогах Индии поток умирающих от голода пауперов из гибнущих городских ремесел и мануфактур встречался с еще более широким потоком разорившихся деревенских ремесленников и крестьян-бедняков.

В Индии резервная армия в условиях упадка тогдашней индийской промышленности явилась прежде всего орудием класса помещиков в борьбе против крестьян за вздувание феодальных рент. Помещики (и ростовщики), владея землей, очень легко перемещали отнятые у одних обезземеленных крестьян средства производства (пару бычков и деревянную соху) в руки других, благо этих «других» поставлял с избытком процесс освоения Индии англичанами. «Доходы» от земли прочно росли, еще быстрее и прочнее росли цены на землю, привлекая капиталы из города.

Гибель сложившихся во времена длительного индийского средневековья старых центров ремесленного и мануфактурного производства привела к резким изменениям в экономике

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 348.

прилежавших к ним сельскохозяйственных районов. Уменьшение (с XVII в. по первую треть XIX в.) населения таких городов, как Дакка (со 150 тыс. до 20 тыс.), Муршидабад (население которого, по отзывам одного из «славных завоевателей» Индии Клайва, превосходило численность населения Лондона той же эпохи), Ахмедабад (население коего упало с 900 тыс. приблизительно до 100 тыс.) и т. д., вызвало массовое разорение крестьян, специализировавшихся на производстве сырья и продовольствия для промышленных центров и на транспортировке как сырья и продовольствия, так и готовых товаров. Таков еще один из источников относительного перенаселения в Индии в рассматриваемую эпоху.

Но внедрение товарно-денежных отношений в деревенскую экономику с течением времени вызывало некоторое развитие капиталистических отношений, возникновение кулацкого хозяйства, и хотя и очень слабые, но все же явственные тенденции к капиталистической эволюции некоторой части помещичьих хозяйств в отдельных районах Индии. И вот в этом процессе начавшегося освоения сразу же, без всяких деформаций, стала сказываться важнейшая закономерность движения населения в капиталистической земледелии, а именно: абсолютное уменьшение потребности в рабочей силе¹.

Автор в основном правильной критической вступительной статьи к переводному изданию книги Ш. Чандрасекара «Население Индии» товарищ Ершов по этому вопросу пишет: «Прогрессирующий процесс роста скрытой перенаселенности сельских районов, принявший застойный характер, происходит не в результате обычного сокращения переменного капитала за счет увеличения доли постоянного, а является прямым следствием этой деградации, следствием сокращения посевных площадей и падения урожайности»². Если отбросить в сторону неправильное словоупотребление, то получается, что Ершов полагает, что отмеченная выше закономерность не соблюдается в Индии!

Немногочисленные работы, в которых содержатся конкретные данные о кулацких хозяйствах в Индии (Десаи, Синга, Детаи, Ранга и др.), свидетельствуют об обратном. Приведем пример: кулак в Гуджерате, обрабатывающий 40 акров, нанимает четыре семьи дубла. Если считать и семью кулака, то всего занято пять семей. «Средний» размер крестьянского

¹ См. «Капитал», т. I, гл. 13, § 10, также В. И. Ленин, «Развитие капитализма в России», гл. VIII, § 6.

² Ш. Чандрасекар. Указ. соч., стр. 16.

хозяйства в Индии составляет от 2 до 2,5 акра. В действительной жизни встречается немало хозяйств меньшего размера. Следовательно, «объединение» земель и хозяйств в руках одного кулака означает в лучшем случае вытеснение одиннадцати семей ($40 \text{ акр} : 2,5 \text{ акр} = 16$; $16 - 5 = 11$). Чаще встречаются более мелкие хозяйства. Следовательно, возникновение одного кулацкого хозяйства чревато разрушением еще большего количества хозяйств.

Но, как неоднократно указывалось выше, главная причина скрытого перенаселения в Индии состоит в мельчании и разорении закабаляемого крестьянского хозяйства, в разрушении старых форм хозяйства. Это вовсе не такой простой процесс, как он представляется Ершову, и он вовсе не сводится к сокращению посевных площадей.

До пятилетия 1913—1918 гг. посевные площади в Индии росли как в абсолютных цифрах, так и в расчете на душу населения. В это пятилетие на душу населения приходилось 0,918 акра, что является максимальной цифрой; после 1918 г. начинается непрерывный процесс падения до 0,841 в 1928—1933 гг. (по расчету Чанда) и до 0,739 акра в 1941 г. (по моему расчету, с применением того же метода, что и у Чанда). В абсолютных цифрах посевные площади росли вплоть до 20-х годов нынешнего столетия.

По данным Азиз Ул-Хака, состоявшего в 1943 г. министром продовольствия, процесс падения посевных площадей (в рамках Британской Индии) иллюстрируется следующими цифрами: 1921/22 г.—158,6 млн. акр; 1931/32 г.—156,9; 1941 г.—156,5. Ясно, что сокращением площадей нельзя объяснить рост относительного перенаселения. Разорение крестьян вызывало и рост относительного перенаселения и сокращение площадей, причем, конечно, никакого прямого или функционального соотношения между этими двумя явлениями нет. А в основе всех этих процессов лежит господство феодальных пережитков и товарно-денежные отношения при империалистической эксплуатации страны. Рост относительного перенаселения в этот период происходил во много раз интенсивнее, чем сокращение площадей. Появление относительного перенаселения в Индии и превращение резервной армии безработных в постоянную армию безработных произошло в этой колониальной стране в условиях роста посевных площадей. Установлением «зависимости» между посевными площадями и перенаселением заполнены десятки страниц в работах индийских мальтузианцев, и не к лицу т. Ершову отдавать дань мальтузианству даже с оговорками.

Маркс определяет характер изменений в индийской экономике, происшедших под влиянием британского господства (в том числе конкуренции британских товаров фабричного производства), как революционный. Но все же этот процесс протекал, если можно так выразиться, в хронической форме, с точки зрения относительно постепенного влияния на структуру населения.

Все эти процессы разорения усилили зависимость индийского сельского хозяйства от природных условий (о чем мы говорили выше), причем, в отличие от эпохи индийского средневековья, ослабела экономическая сопротивляемость крестьянских масс в связи с ликвидацией натуральных резервов как в виде излишков от урожайных лет в каждом отдельном хозяйстве, так и в виде общинных запасов и запасов феодалов. Развитие товарно-денежных отношений вызвало и большую нужду в деньгах для выплаты налогов, рент, процентов и большую легкость в реализации излишков (да и излишков стало меньше, по понятным причинам). Последствия голодовок стали тяжелее и длительнее. Выжившие, но потерявшие скот, часто лишались и земли, так как упрочение «Law and order» давало возможность продать землю, чтобы на вырученные деньги купить хлеб. Обусловленный новым порядком вещей рост «давления на землю» исключал возможность получения помощи в натуре как от распадающейся общины, так и от феодалов. В этом же направлении действовало и отмеченное выше разрушение ирригации. Отсюда и учащение голодовок, и катастрофический характер их действия на низшие слои крестьянства.

Во время голодовок массами вымирают прежде всего «избыточные» люди, а первые жертвы голода, естественно, безземельные сельскохозяйственные рабочие и ремесленники. Во время и после каждой голодовки необычайно быстро, скачкообразно расширяются прежде всего ряды «избыточных», т. е. обостряется и усиливается перенаселение деревни за счет обезземеливания части бедняков и середняков.

Ярким примером в этом вопросе может послужить последняя крупная голодовка в Бенгале, где на смену умершим от голода безземельным появились новые сотни тысяч безземельных из мелких крестьян, — «вечных и прочих привилегированных» арендаторов, распродававших свои «вечные права» на землю за бесценок для получения средств на приобретение риса. Комитет компартии в Бенгале возглавил массовое движение крестьян, вынудившее правительство издать закон о праве принудительного обратного выкупа земли крестьянами

у ростовщиков и кулаков по тем же низким ценам. Но очень немногие из разорившихся крестьян смогли использовать новый закон, так как не имели даже этих мизерных сумм.

Приведенный пример полностью подтверждает установленную Марксом при анализе движения численности населения Ирландии закономерность, согласно которой в определенных исторических условиях быстрый рост относительного перенаселения может происходить в обстановке еще более быстрого абсолютного уменьшения численности населения. Вот чем ознаменовался приход «нового вампира» — иностранного капитала — в отношении «традиционных» индийских голодовок.

Таким образом, современное капиталистического типа перенаселение в Индии образовалось в результате «освоения» Индии британцами в эпоху промышленного капитализма, на почве разрушения традиционных связей, отношений и форм экономической жизни средневековой Индии и первичных форм местной капиталистической промышленности в виде городских мануфактур (включая и «рассеянные» мануфактуры, т. е. так называемую домашне-капиталистическую промышленность). Перенаселение создано на почве распада общины как вследствие внедрения товарно-денежных отношений при сохранении и отчасти посредством феодальных форм эксплуатации, так и в результате непосредственной конкуренции между продукцией английской фабричной промышленности и некоторыми видами деревенского ремесла, а также на почве деградации старых политических и экономических центров. Превращение Индии в рынок сбыта товаров метрополии и источник сырья для ее промышленности чрезвычайно содействовало быстрому накоплению «избыточных» капиталов в Англии, с одной стороны, и созданию относительного перенаселения в огромных масштабах в Индии — с другой.

В силу колониальной зависимости страны возникли наиболее преобладающие формы перенаселения — скрытая и постоянная, являющиеся результатом торможения развития производительных сил Индии. Другой формой проявления империалистического торможения развития производительных сил и паразитической эксплуатации ее народного хозяйства явился «недостаток» капиталов в Индии, что, в свою очередь, создавало условия для воспроизводства и колониальной зависимости, относительного перенаселения в следующую историческую эпоху — эпоху империализма.

Начавшийся в Индии процесс капиталистического развития как в промышленности, так и в сельском хозяйстве в свою очередь усиливал перенаселение, расширяя ряды армии безработных.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ В ИНДИИ

Выше мы рассмотрели последствия превращения Индии в рынок сбыта товаров и источник сырья для метрополии с точки зрения содержания самого процесса. Теперь мы бегло охарактеризуем некоторые формы процесса перенаселения.

Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что на начальных стадиях развития капитализма трудящиеся массы страдают вдвойне — к страданиям, причиняемым капитализмом, присоединяются страдания от недостаточности его развития.

В Индии положение осложняется господством иностранного капитала, систематически тормозящим промышленное развитие страны. Поэтому «начальные» формы капитализма приобрели здесь постоянный, затяжной характер, откристаллизовались в известной степени как нормы экономической жизни. Надо оговориться, что в результате огромных размеров страны, большой пестроты предшествующих экономических форм и уровня развития разных народностей, особых условий транспорта и т. д. наблюдается значительная неравномерность развития хозяйственной жизни отдельных экономических районов.

При всем многообразии форм явственно выступает, как «абсолютный и всеобщий закон», что чем больше «резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение..., тем больше официальный, признанный властями пауперизм».

Оставляя в стороне рассмотрение условий существования людей, окончательно потерявших трудоспособность по разным причинам и пополняющих ряды многомиллионной армии нищих, отметим только, что в рядах этой армии много людей, попросту потерявших надежду как-либо приспособиться к жизни в «новых» для них условиях. К ним относится часть свежих поколений резервной армии, пополняемых за счет разоряющихся крестьян и ремесленников, или выбитых из привычной колеи и внезапно «втиснутых» в «новые» условия представителей «примитивных племен».

Значительный интерес представляет анализ условий существования той части населения, которая еще не превратилась в нищих, но положение которой в смысле питания, одежды и прочих элементов быта зачастую хуже нищих. Это явление условно можно назвать пауперизмом в скрытой форме.

Не случайно в индийской прессе попадаются сообщения о самоубийствах женщин-крестьянок или работниц в связи с тем, что им буквально не в чем было выйти на работу (в условиях тропического или субтропического климата, в условиях крайней бедности большинства населения, чем определяется очень скромный уровень требований к одежде). Некоторая часть из этого слоя населения — крестьяне, другая — рабочие. Очень часто одни и те же люди попеременно выступают то как крестьяне, то как рабочие. Наконец, известная часть числится в качестве долговых рабов.

Во всех случаях решающую роль в судьбе этих людей играет преобладание в деревне помещиков и торгово-ростовщического капитала. В условиях первенствующего положения этих, как говорил Ленин, низших и худших форм капитала, кабальные, полукрепостнические (или полурабские) формы эксплуатации применяются отнюдь не только прямыми представителями торговых или ссудных операций, но и кулаками, владельцами кустарных «светелок» (употребляя наш русский термин) и другими представителями промышленного капитала. (Здесь термин промышленный капитал употреблен в смысле капитала, применяемого для эксплуатации наемных рабочих с целью извлечения прибавочной стоимости как в сельском хозяйстве, так и в городской промышленности.)

Существенное значение для нынешней экономической судьбы этих прослоек трудящихся имеет их положение в системе традиционных форм индийского общества, в частности кастовая принадлежность. Среди многочисленных описаний положения долговых рабов и близких к ним по форме эксплуатации групп сельхозрабочих из числа так называемых «farm hands», — «рук фермы», т. е. постоянных батраков, нам не пришлось читать о том, чтобы в этой категории закабаленных встречались представители высших каст. Наоборот, если упоминается кастовая принадлежность наиболее закабаленных слоев трудящихся, то это всегда члены низших каст.

Только в работе Ранга «Economic organization of deltaic villages» нам встретилось упоминание о батраке из слоя постоянных батраков, принадлежавшего к одной из каст кшатриев.

Охарактеризуем кратко положение слоя крестьян-арендаторов.

Как известно, в разное время, и по разным поводам, и для разных районов, а по существу, по мере обострения борьбы крестьянских масс, английскими властями была издана серия законов в «защиту» арендаторов от помещиков и ростовщиков, в силу чего создалась настоящая лестница различных формальных прав, начиная с «вечных» арендаторов с фиксированным размером арендной платы, «постоянных» арендаторов, размер ренты которых может изменяться в зависимости от различных условий и с соблюдением определенных правовых норм, и кончая бесправными арендаторами, так называемыми «tenant-at-will». Но права эти в силу товарно-денежных отношений при определенных условиях могут отчуждаться, продаваться, передаваться, благодаря чему очень часто землей на правах вечного арендатора пользуется ростовщик, а истинный потомок «вечных арендаторов» — человек, принадлежащий, например, к касте «раджбанги» («царских сыновей»), где-нибудь в Бенгале является бесправным арендатором. С другой стороны, в ряде районов страны в качестве «бесправных» арендаторов выступают кулаки, снимающие землю у более крупных землевладельцев на правах «tenant-at-will» по той простой причине, что на других правах невозможно достать земли; либо они берут в аренду земельные клочки у бедняков, отчаявшихся в возможности прокормиться на маленьком участке в своей деревне и ушедших на заработки в другие края, а для «страховки» не продающих, а сдающих в аренду эти клочки.

Но значительную часть наиболее многочисленных в стране издольщиков-арендаторов «на правах» «tenant-at-will» составляют люди, находящиеся буквально на положении илотов, крестьянская самостоятельность которых носит совершенно призрачный характер, настолько призрачный, что даже не обманывает многих из этих самых «крестьян».

Скот покупается ими на деньги, взятые в долг у ростовщика или помещика, семена и прочие элементы производства тоже авансируются им под ростовщические проценты.

Участие крестьян в продукте их труда, полученном на арендованном участке земли, как будто определяется долей урожая, которая в свою очередь определяется «обычаями», но, независимо от величины этой доли, почти весь урожай забирается владельцем земли; часть его «согласно традиции» зачитывается за пользование землей, а остаток — на погашение безнадежно растущих долгов.

Положение, действительно, отчаянное и безвыходное, в особенности если принять во внимание небольшой размер участка.

Как велика эта группа — трудно сказать, но, например, по данным специальной комиссии правительства Соединенных провинций, обследовавшей положение на крупных рынках в основном зерновом районе Соединенных провинций — на западе, не менее одной трети зерна поступает от крестьян, вынужденных продавать свой урожай (свою долю, точнее) целиком немедленно после снятия урожая. Но ведь это относится только к тем, которые добрались до крупного «собирающего» рынка — «манди», являющегося ареной деятельности довольно крупных оптовых купцов. По данным той же комиссии, не меньшая часть зерна доставляется на эти «манди» самими помещиками и ростовщиками, полностью обобравшими своих арендаторов натурой на месте и производившими расчет с ними, конечно, по принудительным¹ ценам («местным»).

Следовательно, полуфеодалная форма издольной ренты в данном случае прикрывает полурабские отношения. Произвол хозяина не опирается на какие-либо «правовые» основания, не просто «палка», а прежде всего «царь-голод» дает ему возможность осуществлять произвол, причем тот же «царь-голод» дает хозяину возможность освободиться от всех фактических обязательств, которые нес рабовладелец по отношению к рабу, обязательств, коренившихся в экономическом интересе, в необходимости обеспечить воспроизводство рабочей силы раба.

Правда, он продолжает «кредитовать», если в его интересах сохранить данного арендатора, но в любой момент он может прекратить этот «кредит» и заменить неудобного арендатора другим. Закон таков, что он даже вынужден заменять арендаторов, так как если арендатор проработает 12 лет, то он по закону приобретает уже некоторые «права», и простое изгнание его с земли становится невозможным. Но на деле бывает иначе.

Весь механизм колониальной экономики, непрерывно производящий относительное перенаселение и в городе и в деревне, обеспечивает возможность такой «системы» хозяйства. «Преимуществом» ее для господина по сравнению с обычным рабством является отсутствие необходимости в надсмотрщике — сохраняется форма крестьянского «хозяйства», веду-

¹ Dessai. Food in the United Provinces. 1944.

щегося арендатором, отпадает необходимость специальных мер по привлечению на работу членов семьи арендаторов. Об этом заботится глава семьи, и все работают старательно, во имя общих «семейных» интересов. Минусом для владельца земли в этой системе является мелкий, раздробленный характер хозяйства, кооперация труда осуществляется только в рамках одной семьи арендатора. Периоды «междупарья» в «хозяйствах» таких мелких арендаторов заполнены поисками работы. Арендатор на бычках-зебу, если это не рисовый район, занимается перевозкой грузов; женщины работают в качестве носильщиц; вся семья вместе занимается заготовками топлива из сорных трав или бурелома и корма для скота. В счастливых случаях перепадает поденная или сезонная работа на предприятиях. Но все это занимает лишь небольшую долю «праздного» времени, и, по существу, вся семья систематически ведет полуголодный образ жизни. С полным правом этот слой арендаторов можно отнести не столько к скрытой, сколько к постоянной форме перенаселения. Такие формы встречаются повсеместно, но преобладают на севере страны.

Экономически более высокой формой является наем из доли урожая, внешне выступающий тоже в форме аренды, но с прямым и явным предоставлением арендатору земли, скота и прочих средств производства. В этих случаях вмешательство хозяина носит систематический характер, он присматривает за своим скотом, доверенным «арендатору» на время работы, а так как доля урожая хозяина выше, то он заинтересован в контроле за всеми процессами. Формальных прав у такого арендатора еще меньше, чем у арендаторов первой группы.

В материалах Королевской комиссии по сельскому хозяйству имеется сообщение о том, что отходники — «арендаторы» с макранского берега Белуджистана — систематически морем отправляются для работы издольщиками в хлопковые районы Синда и даже Гуджерата и после окончания сезона возвращаются домой.

Здесь речь идет о добровольном найме, с оплатой довольно значительных расходов по переездам. Крестьянин макрани не связан с кулаками Синда или Гуджерата никакими родственными или общинными связями. Часть таких крестьян периодически работает грузчиками в портах, кругозор их шире, чем крестьянина-бедняка, заложившего или запродавшего свою землю ростовщику-односельчанину и прозябающего всю жизнь в своей родной деревне, приниженого

кастовым неравенством. Маркс и Ленин считали прогрессивным явлением эту форму относительного перенаселения. В данном случае, конечно, речь идет не об издольной форме найма, а о самом факте отхода, безотносительно к форме фактического использования нанимающихся.

На юге страны, а также в Гуджерате, имеются хозяйства, которые можно отнести к кулацкому типу. Возникновение их объясняется законами товарного производства. Здесь хозяйство ведется на основе систематического использования наемных рабочих, причем в одних случаях о найме рабочих можно говорить безусловно, а в других случаях занятая в этих хозяйствах рабочая сила скорее может быть причислена к своеобразной форме скрытого перенаселения.

Попутно надо отметить, что значительная часть работающих поденно или по сроковому найму также должна быть причислена к скрытой форме перенаселения в случаях, когда нанимаются члены семей крестьян-бедняков. Ленин неоднократно указывал, что кулацкое хозяйство ведется на основе самых зверских методов эксплуатации батрацкой силы и что кулак широко применяет всевозможные приемы закабаления, в том числе и ростовщические методы.

Индийские кулацкие и помещичьи хозяйства, вставшие на путь капиталистического развития, чрезвычайно ограничены в возможностях этого развития всей суммой условий, созданных колониальным закабалением страны, однако они компенсируют себя не только зверскими методами эксплуатации, присущими мелкому хозяйчику, но имеют еще возможность использовать кастовую придавленность неприкасаемого батрака. В дополнение ко всему торможение промышленного развития в стране лишает батраков возможности эмигрировать в другие районы в поисках лучших условий.

Приведем несколько примеров, показывающих, что означает в повседневной жизни скрытое перенаселение в форме работы по найму в условиях колониальной Индии. Речь идет прежде всего о чрезвычайно распространенной форме прикрепления батрака к хозяину путем кредитования. Эти формы носят название *камиа* в Бихаре и отчасти в Соединенных провинциях, *гоги*, *падиалы*, *камбари* в Мадрасском президентстве.

В письменном показании перед Королевской комиссией проф. Мукерджи охарактеризовал положение *камиа* в следующих словах: «*камиа* в Бихаре — крепостные и рабы своих хозяев. Эти *камиа* обязуются выполнять всевозможные домашние работы за проценты на одолженные деньги». Дальше

он цитирует английского знатока этого вопроса Сифтона о положении «кама» в дистрикте Хазарибаг: «Прежде всего кама не могут торговаться относительно своей заработной платы. Они вынуждены согласиться на заработную плату, установленную землевладельцами для этой категории рабочих, а именно — $2\frac{1}{2}$ сира риса в шелухе, что составляет около $\frac{3}{4}$ (около 700 граммов очищенного риса) сира чистого риса...». «Заработная плата неизменно выплачивается зерном, а не наличными и представляет собой $\frac{1}{3}$ поденной оплаты свободного рабочего, работающего, например, у подрядчика по ремонту дорог. Если жена «кама» также работает у общего хозяина, то она получает более низкое вознаграждение, и их общая заработная плата недостаточна, чтоб прокормить семью с детьми. Во-вторых, кама никогда не видит денег, если исключить редкий случай, когда он в свободные часы заработает в качестве носильщика несколько пайса (мелкая индийская монета. — Г. Ш.). Поэтому кама закабальет себя на всю жизнь. В-третьих, кабала становится наследственной. Хотя сын не отвечает за долги покойного отца, но он влезает в новые долги и становится таким образом на всю жизнь кама. В-четвертых, хозяин не гарантирует ему бесперебойной работы. В дни, когда нет работы у хозяина, рабочему приходится кормиться за свой счет (подчеркнуто мною. — Г. Ш.).

В результате хозяин использует рабочую силу кама за очень низкую голодную зарплату на большую часть года, но в те периоды, когда у хозяина нет полевых работ и когда кама имеет наименьшие шансы получить поденную работу в другом месте, он предоставлен самому себе, хотя и не имеет возможности менять хозяина. Он тогда волен искать работу, какую угодно, но в поисках работы он не может оставить свою деревню, покинуть своего хозяина. Он доведен до необходимости зарабатывать на существование, собирая хворост и сорные травы для продажи».

И в данном случае, как и при анализе положения части издольщиков-арендаторов, мы можем отметить своеобразный «прогресс» под воздействием капитализма. Мукерджи неправ, приравнивая положение кама к положению раба: рабовладелец вынужден был кормить своего раба круглый год, а в данном случае «давление на землю» обеспечивает возможность устраивать многомесячные перерывы в кормлении, отражающие «междупарье» в полеводстве, или, выражаясь точнее, отмеченное Марксом песовпадение

рабочего периода и времени производства. Питание раба в древнем Риме было гораздо лучше, чем питание камиа даже в рабочий период (700 граммов риса в день на семью!).

С системой камиа в Бихаре сходна система готи в Мадрасе.

Вот как характеризуется эта система таким «высокоавторитетным» свидетелем Королевской комиссии, как дядя махараджи Джейпура Сриман Сри Виркама Део Варма Махасаяя: «Если мне нужен готи, я должен уплатить ему соответственно его просьбе аванс, и он со своей семьей переходит ко мне в дом. Ему будет дано жилище, и он будет получать оплату за свой труд. Если он захочет уйти от меня, он должен вернуть взятый аванс». Дальше дядя махараджи уточняет: «Если он хочет уйти от меня, он должен искать другого хозяина, от которого он может получить эти 50 рупий. Он может уплатить деньги и перейти к другому хозяину». Дешева человеческая жизнь в Индии! «Стоимость» целой семьи готи или камиа не превышала базарной цены одного бычка!

«Юридически он не обязан работать; это — моральное обязательство. Этот народ так простодушен и честен, что никто из них не бросит работу у своего хозяина до тех пор, пока не вернет ему денег». Но дальше из его же показания следует, что этот народ начинает утрачивать свою «честность». По его же словам оказывается, что территория агентства начинает приходить в запустение вследствие бегства этих людей на чайные плантации Ассама и Аннамалаи, на рисовые поля Бирмы, и часть земель, ранее обрабатывавшихся, теперь не обрабатывается.

Приведенный факт служит блестящей иллюстрацией к установленному Марксом закону, что в деревне, если в нее проникает капитализм, «производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения»¹.

При этом надо учесть, как уже отмечалось неоднократно, что в целом в сельском хозяйстве Индии не действует закон абсолютного уменьшения населения в капитализирующемся земледелии.

До сих пор мы приводили данные, характеризующие положение людей, составляющих то или иное подразделение резервной армии в сравнительно более отсталых районах

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1949, стр. 710.

Индии — Бихаре и глухом углу Мадрасского президентства.

Обратимся к Гуджерату, этому образцовому для Индии району по технике земледелия и экономике, на территории которого или в непосредственной близости от него находятся такие крупные индустриальные и торговые центры, как города Бомбей, Ахмедабад, Барода, с прекрасной почвой и прочими благоприятными природными условиями. В «Индийских йирбуках» Гуджерат неизменно аттестуется как «цветущий сад Индии».

Не будем приводить в подтверждение этого статистических данных и ограничимся только цитированием брошюры «История Бардоли», автор которой Магадев Дессаи был секретарем Ганди. Во время митинга в Бардоли Дессаи провел беседу с двумя крестьянами, как он выражается, «выхваченными из толпы». Что же это за первые попавшиеся крестьяне?

Один ведет хозяйство на площади в 40 акров, из них 20 акров он арендует. Имеет два плуга, две пары быков, трех буйволов, одного буйволена, четыре коровы, три теленка. Засевает семь культур, в том числе свыше 15 акров хлопком, свыше 12 акров — кормовыми травами, остальная площадь занята преимущественно продовольственными культурами. Аналогичный характер носит хозяйство второго крестьянина.

Оба эти хозяйства действительно передовые, применяющие севооборот, комбинирующие торговое земледелие (с преобладанием одной ведущей «денежной» культуры) с товарным животноводством (производство молочной продукции на рынок и выращивание скота). Кстати отметим, что Гуджерат славится на всю Индию несколькими улучшенными породами крупного рогатого скота.

Этот крестьянин продал урожай хлопка за 837 рупий, продает масло и сыр, но М. Дессаи не привел цифр, так как почему-то считал неправильным включение доходов от животноводства в сельскохозяйственный бюджет. Интересен денежный расход этого крестьянина — 143 рупии на корм рабочему скоту, 42 — на приобретение навоза, 145 — земельный налог за собственную землю, рента за арендованную землю около 300 рупий. Отсюда видно, насколько сужены возможности развития даже кулацкого хозяйства: полуфеодальные подати и рента отнимают свыше половины дохода. Зато кулак имеет возможность отчасти компенсировать себя за счет эксплуатации рабочей силы: так, оплата четырех

семей постоянных рабочих-дубла обошлась ему всего лишь в 120 рупий, то-есть меньше, чем на прикорм рабочего скота, обеспеченного фуражом за счет большой площади кормовых трав.

М. Дессаи считает эти бюджеты весьма типичными.

Дубла, дхудиа и прочих людей этой категории очень много — более половины населения талуки, что также свидетельствует о типичных, установившихся тенденциях. Об этом же свидетельствует и общий термин, объединяющий всех людей этого рода — калипарадж (черный народ).

О них Дессаи пишет: «Дубла являются особым классом, едва ли работающим добровольно. Они женятся за счет своих хозяев, входят в долги и остаются привязанными к хозяевам фактически как их рабы».

Для характеристики отношений между дубла и хозяином и выявления некоторых особенностей в положении дубла сравнительно с положением камиа приведем часть диалога, записанного М. Дессаи: «Сколько вы им даете наличными и сколько зерном? — Они одалживают обыкновенно 45 рупий в год. Мы даем ему одежду и обувь стоимостью в 15 рупий, и он получает пищу. — 25 рупий дебитуются ему? — Он выплачивает 2—3 рупии в сезон окурки хлопка: остальное никогда не выплачивается» (подчеркнуто мною.— Г. Ш.).

Из приведенного диалога видно, что в более передовом районе «одадживают» деньги батраку ежегодно и дают пищу ежедневно. Это прогресс по сравнению с положением готи или камиа. Общими чертами всех форм прикрепления батраков являются система «одадживаний» батраку и отношение к его личности, как принадлежности фермы, собственности хозяина. Это видно из того, что в Гуджерате, где кормят батрака ежедневно (и вынуждены кормить ежедневно, так как в хозяйстве много скота, за которым необходим ежедневный присмотр), рассматривают его приработки, как принадлежащие хозяину, и целиком или частично отбирают их у него, чего нет, например, в Бихаре. Во всех рассмотренных случаях хозяева и батраки принадлежат к разным кастам, причем батраки — к низшей. Но в то же время термины, определяющие их положение, по большей части новые, не совпадающие часто с наименованием их касты (или племени), например такие термины, как готи, камиа, харваи, падиалы, шалакары и т. п.

Однако есть батраки, принадлежащие к высшим кастам; положение их несколько лучше по сравнению с батраками,

относящимися к низшим. Они получают обычно более высокую денежную заработную плату, но без питания.

Таким образом, на изложенном материале мы можем наблюдать, как нивелирующее воздействие капитализма задерживается и осложняется различными местными пережитками феодализма.

Это в свою очередь объясняется таким общеиндийским явлением, как торможение промышленного развития страны.

Мы подробно останавливаемся на вопросе о положении сельскохозяйственных рабочих по той причине, что до сих пор в нашей литературе многие экономисты ограничиваются декларациями о бедности индийских крестьян, о перенаселении, о пауперизации, приводя в качестве доказательства наличие огромной армии сельского пролетариата, нисколько не заботясь о том, чтобы раскрыть его истинную роль в производстве (и в экономике в целом), конкретно показать, что сельскохозяйственный пролетариат является неотъемлемой составной частью потенциально огромной силы — индийского рабочего класса, составляя его первый и надежнейший резерв в деревне.

О сельском рабочем современной ему Англии Маркс говорил, что он всегда одной ногой стоит в болоте пауперизма. Индийский сельский рабочий стоит обеими ногами в болоте пауперизма. Это общеизвестно, поэтому наша задача показать, что он не просто паупер, и не только паупер, но показать также, «как и какие предприниматели покупают рабочую силу...», «как и какое крестьянство продает рабочую силу...»¹, то-есть показать раскрытую В. И. Лениным экономическую основу открытых политических выступлений всех классов в период крутых исторических переломов.

Проф. Мукерджи опубликовал большую работу под названием «Земельный вопрос в Индии», где, между прочим, ему пришлось довольно подробно описывать систему камиа и крах попыток законодательной отмены этой системы. На страже этой системы стоят «землевладельцы как класс», как неожиданно для самого себя, но очень точно выразился проф. Мукерджи в цитированном показании, и пока не будет ликвидирована реальная власть помещиков — помещичья собственность на землю, — законодательным путем нельзя будет отменить тех «систем», которые по существу являются системой производственных отношений.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

Исследуя существующие в одно время в различных районах Индии различные «системы» аренды и найма, мы замечаем, что в значительной мере эти различия в системах обуславливаются не только чисто локальными особенностями, но и в какой-то степени выражают разные стадии одного и того же процесса проникновения капитализма. Причем, как всегда и везде в классовом антагонистическом обществе, этот процесс, в общем «прогрессивный», сопровождается в отдельных местах явлениями упадка, регресса даже с чисто формальной стороны.

Так, о системе камиа Мукерджи писал в своем показании: «В большинстве дистриктов Бихара эта система достигла теперь наибольшей силы и распространяется и в других местах» (подчеркнуто мною.— Г. Ш.).

Если этот процесс идет за счет издольной аренды, то это плюс для сельского хозяйства, так как означает рост крупного хозяйства на ранее «отчужденной» у крестьян земле, а большей частью это так и бывает, и при своих, мягко выражаясь, «недостатках» система камиа все же уточняет отношения между хозяином и работником.

В другом месте проф. Мукерджи говорит: «Следующие цифры по экономическому положению различных классов в дистрикте Балагат (Центральных провинций.— Г. Ш.) указывают тенденцию, которая преобладает и в других дистриктах. Число лиц, живущих от арендной платы, и землевладельцев увеличилось с 173 655 до 205 753 за период от 1891 по 1901 г., а число батраков снизилось с 52 264 до 44 802, или приблизительно на 15%. Число поденщиков лишь слегка увеличилось с 48 800 до 51 470. Многие из этих поденщиков взяли за собственное хозяйство, не оставляя своего первоначального занятия... Очень сомневаюсь в том, что рост числа ведущих хозяйство землевладельцев и арендаторов был признаком благоприятным». В данном случае проф. Мукерджи прав. Рост удельного веса ведущих хозяйство арендаторов и «землевладельцев» в конкретных условиях Индии означает рост «давления на землю», означает, что ростовщик и помещик сажают батрака на землю.

Но во всей Индии наблюдается обратная картина — растет быстро число рентополучателей, уменьшается число «обыкновенных землевладельцев», как арендаторов, так и собственников, растет еще быстрее численность сельскохозяйственных рабочих, растет число «земледельцев», занятых в специализированных отраслях сельского хозяйства, — садоводстве, огородничестве, животноводстве.

Таблица 7

Классовый состав лиц, занятых в с/х	1911 г.	1931 г.	Изменения (в %)
	тыс. человек		
Помещики, арендаторы-посредники	1,845	3,257	+14
«Земледельцы»	71,096	61,779	-13
Сельскохозяйственные рабочие, слуги	25,879	31,480	+20
Занятые в специализированных отраслях (скотоводстве, садоводстве и т. п.)	5,196	6,536	+25

Приведенная таблица не является точным отражением происходящих в Индии процессов, так как построена на английских буржуазных статистических методах, при которых в рубрику «обыкновенных земледельцев» попадают и крупные помещики, ведущие хозяйство на собственной земле, и батрак, арендующий небольшой участок для усадьбы и одновременно продолжающий заниматься поденной продажей рабочей силы. Но все же явственно сквозит тенденция и к росту полуфеодального землевладения, и к росту капиталистического земледелия, о чем свидетельствуют данные о росте рентополучателей, с одной стороны, о росте числа батраков — с другой. Рост численности занятых в некоторых специализированных отраслях торгового земледелия говорит о том же. А в целом это означает дальнейший рост относительного перенаселения.

Теперь несколько слов о положении промышленного населения. Рассматривая особенности образования относительного перенаселения в Ирландии — этой, как выразился Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1856 г.¹, «первой английской колонии», первой и по времени присоединения и по времени «освоения», т. е. превращения в аграрно-сырьевой придаток к хозяйству метрополии, — Маркс установил как закономерность, что в этой порабощенной англичанами аграрной стране, где единственной отраслью крупной промышленности было производство полотна из местного сырья, «...она (промышленность. — Г. Ш.) постоянными колебаниями в своей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Избранные письма». М., 1947, стр. 87.

собственной сфере все время производит относительное перенаселение, даже в том случае, если поглощаемая ею масса рабочих абсолютно увеличивается»¹.

Этот же процесс можно наблюдать в Индии, во всех немногочисленных крупных отраслях, в первую очередь хлопчатобумажной и джутовой, в особенности в последней, снабжающей упаковочным материалом международную торговлю.

Но если даже оставить в стороне характерные для крупной промышленности колебания, то можно наблюдать процесс более быстрого роста постоянного капитала, по сравнению с переменным, который сам по себе обеспечивает необходимость поисков работы в других местах для многих кандидатов в заместители членов активной рабочей армии, занятой в хлопчатобумажной промышленности. С 1923—1924 гг. по 1938 г. продукция ткани возросла на 150%, пряжи на 75%, а численность рабочей силы только на 28%. В этом отношении рабочий класс, занятый в фабрично-заводской промышленности Индии, разделяет судьбу пролетариата любой капиталистической страны, и формы, в каких здесь существует относительное перенаселение, в основном² аналогичны с формами перенаселения прочих стран.

Еще хуже положение мануфактурных рабочих, выбрасываемых за борт в связи с дальнейшим вытеснением мануфактур фабрично-заводской промышленностью.

И Маркс, и Ленин неоднократно отмечали, как физически уродует людей односторонняя специализация, и вот рабочим мануфактуры, ослабленным в результате полуголодной жизни в городе, не приспособленным к тяжелому физическому труду под открытым небом, консервативным по своим привычкам, наследственным традициям и условиям существования и работы в мелкой промышленности, приходится бросать насиженные места и бродить в поисках работы. Эти рабочие являются первыми кандидатами в люмпен-пролетарии.

С другой стороны, такая перспектива вынуждает остающихся в городах приспособляться к любым условиям, дер-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 710.

² Господство феодальных пережитков в деревне в известной степени довлеет и в городе. Достаточно напомнить только о ростовщичестве, о «старшинках» и тому подобных пережитках в крупной промышленности. Как свидетельствует «Economic Survey for Asia and the Far East, 1948», опубликованный в июле 1949 г. комиссией ООН, в Индии «подрядчики обычно держат в руках большое количество рабочей силы, часть которой находится без работы, пока не поступят требования на их труд» (стр. 113).

жаться за любую возможность, чтобы только избежать подобной судьбы.

Навстречу этому стремлению «приспособиться» идет желание «приспособить» их как со стороны владельцев «светелок», разных «мастерков», занимающихся раздачей работы на дом, и прочих хозяйчиков, так и со стороны тех крупных оптовых купцов, которые являются истинными господами многомиллионной армии трудящихся, занятых в мелкой промышленности Индии.

Но прежде чем описать те способы и формы, коими «приспособливает» своих подданных иерархия хозяев мелкой промышленности, надо посмотреть, как приспособляется к меняющимся условиям капитал, орудующий в мелкой промышленности.

Возьмем для примера текстильную промышленность, первую потерпевшую наиболее жестокий урон в период победы промышленного капитализма в Англии и, особенно, начиная с 1830-х годов, т. е. с момента, когда Англия утрачивает свое монопольное положение единственной страны фабричной промышленности и усиленно принимается за эксплуатацию индийского рынка.

Возникшая во второй половине XIX в. текстильная промышленность Бомбея и прилегающих районов довершила процесс «реорганизации» ручного ткачества.

Некоторое представление о характере этого процесса можно получить хотя бы из следующих цифр: в то время как в Бомбейской провинции, являющейся средоточием большинства текстильных фабрик Индии, удельный вес занятых в ручном ткачестве (и смежных профессиях) составляет 28 на 1 тыс. душ всего населения, и в Центральных провинциях, ближайших к Бомбейскому району, где в свою очередь развилась довольно крупная фабричная текстильная промышленность, — 22 на 1 тыс., в Ассаме, например, наиболее отдаленном от этого района, где нет ни одной фабрики, 6—7 человек на 1 тыс. В более развитых районах ручное ткачество начало играть роль «внешнего отдела» фабрик, в данном случае цеха по тканью и отделке некоторых сортов тканей, между прочим довольно грубых, так как ткани лучшего качества изготавливаются теми же ручными ткачами из пряжи высоких номеров, импортируемых из Англии. Маркс отмечал тот факт, что в некоторых районах Индии ручные ткачи превратились во «внешний отдел» английских прядильных фабрик. Словами «кустарное» или «ручное» ткачество мы обозначаем нефабричные, точнее дофабричные, формы промышленности.

Удельный вес тканей разного происхождения в местном, индийском, потреблении, таков: в 1905—1906 гг. импортные ткани составляли 60%, индийские фабричные — 14%, «кустарные» — 25%; в 1935—1936 гг., соответственно, следующие цифры: 16, 57 и 27%¹.

Следовательно, ручное ткачество живет, и даже «процветает», при непрерывном процессе уменьшения численности занятой в нем рабочей силы.

Как приспособлялось ручное ткачество к меняющимся условиям с точки зрения рынков сбыта и с точки зрения внутренней организации, можно видеть из следующего примера.

В г. Коимбаторе, расположенном в Мадрасском президентстве, из английской пряжи производился текстильный штучный товар улучшенного качества с оторочками из серебряных и золотых нитей для потребителей, живущих в стране маратхов (юг, центр и юго-восток Бомбейской провинции, Берар, прилегающие районы Центральных провинций вплоть до их столицы — Нагпура и северо-запад княжества Хайдар-абад).

И источники сырья, и рынки сбыта, и центр производства расположены на далеком расстоянии друг от друга. Спрос носит преимущественно сезонный характер: покупатели принадлежат к более зажиточным слоям крестьян-маратхов. Уже из одного этого видно, что смешно и думать о «независимости» не только ткача-одиночки, работающего у себя на дому, но и хозяев «светелок». Нужны крупные капиталы, чтобы обеспечить все необходимые связи и во времени, и в пространстве.

А сколько потребовалось времени и страданий для ручных ткачей, пока эмпирически, ощупью происходил этот процесс приспособления!

Внутренний строй этого промысла выглядел следующим образом: все дело было сконцентрировано в руках небольшой кучки крупных купцов. Гадгиль цитирует из III тома извлечений из показаний Индустриальной комиссии 1914—1918 гг.: «Ткач, как правило, получает фиксированное количество пряжи, серебряных или золотых нитей от купца, и при возвращении ему готового товара получает свою заработную плату. Ткачи в этой промышленности всегда связаны с одним из купцов. Ткачи, конечно, работают в своих собственных домах на своих станках». «Часть ткачей под влиянием различных обстоятельств лишились даже своих станков. Они называются

¹ D. A. Gadgil. Industrial Evolution of India, стр. 161.

кули-ткачи и работают в домах более зажиточных независимых ткачей, которым посчастливилось владеть большим количеством станков, чем требуется для занятий членов их семьи. В среднем имеется только по одному станку в доме каждого ткача, но небольшой класс более зажиточных ткачей владеет каждый 5—6 станками. Тогда они нанимают кули-ткачей для работы на лишних станках. Замечено, что в Коимбаторе даже эти владельцы 5—6 станков работают только по заказам купцов. В некоторых случаях ткачи, владеющие большим количеством станков и нанимающие кули для работы на них, в известных размерах также финансируют и других ткачей¹.

Если отбросить некоторую неточность в словоупотреблении, то получается блестящая иллюстрация к установленным Марксом и Лениным законам развития «ручной» промышленности. Буквально всевозможные оттенки от действительной «независимости» нескольких крупных купцов до очевидной «зависимости» кули-ткачей.

Истинный секрет «жизнеспособности» подобных промыслов заключается в следующем: «во время сезонного отсутствия спроса капиталист может прекращать заказы без каких-либо крупных потерь со своей стороны... Но главная причина, очевидно, заключается в том, что экономия, достигаемая при переходе к фабричному производству, недостаточно велика для обеспечения доходов, необходимых для прибыльного ведения дела с выплатой фабричным рабочим гораздо более высокой заработной платы, чем зарабатывают ткачи при домашней системе». Такое объяснение положения дает индийский профессор — экономист, ныне министр промышленности Гадгил.

В отраслях, где экономически целесообразно разделение труда — в выделке бронзовых и медных изделий, золотых и серебряных нитей, мишуры, проволоки и т. д., «мастерская превращается в типичную форму организации. Во многих более крупных городах в таких мастерских работает до 20 рабочих и более... Процессы производства разделяются на несколько операций, и для каждой из них может быть прибыльно применен специализировавшийся рабочий».²

Итак, и в тех отраслях, где выгодно введение технического разделения труда и где поэтому преуспевают классические формы мануфактуры, и в отраслях, где прибыльность обеспечивается «организацией» промышленности по типу «светелок», основанных на простой кооперации либо с раздачей сырья на

¹ D. A. Gadgil. Указ. соч., стр. 209.

² Там же, стр. 211.

дом «одиночкам»,— везде безраздельно властвует «купон», употребляя излюбленное Лениным выражение писателя Гл. Ив. Успенского.

Причем «купон» держится здесь потому, что заработки очень низки, зверская эксплуатация ничем не ограничена, в особенности жен и детей ручных ткачей и прочих работников мелких промыслов¹.

В ряде этих промыслов в Индии совсем нет фабричной промышленности или она играет незначительную роль по удельному весу выпускаемой продукции. В иных случаях эти промыслы, в текстильной промышленности или в переработке металлов, доделывают полуфабрикат, изготовленный на местных или английских, или германских фабриках и заводах. В других случаях здесь заготавливается сырье или полуфабрикат, как, например, шеллак в Ориссе или полудубление кож для лайковых изделий в Мадрасе и других провинциях, с завершением процесса обработки на предприятиях США или Англии. Есть и такие ремесла, как, например, изготовление несгораемых сейфов, распространенное в Пенджабе, производство ковров в Мирзапуре (Соединенные провинции) и в Амритсаре (Пенджаб). Они производят свой продукт как на индийский, так и на международный рынок.

В независимых странах было так: «В мелких промыслах это развитие идет вслед за развитием крестьянского хозяйства; рынок крайне узок, расстояние от производителя до потребителя невелико, ничтожные размеры производства легко приспособляются к мало колеблющемуся местному спросу. Поэтому наибольшая устойчивость характеризует промышленность на этой стадии, но эта устойчивость равносильна застою техники и сохранению патриархальных общественных отношений, опутанных всяческими остатками средневековых традиций»². Характеризуя условия существования и развития крупной машинной индустрии, Ленин пишет о том, что важнейшим из них является наличие громадной резервной армии безра-

¹ В чем секрет «успехов» «ручной» промышленности, лучше всякой статистики раскрывают непосредственные наблюдения. В книге О. Четчиной «Индия без чудес» описывается сигарная «фабрика», на которой занято 150 детей. «Все дети голые, редко у кого повязки вокруг бедер».

«...худенькому Кандесами исполнилось пять лет. Он брал своими тоненькими ручонками табачный лист, закладывал его черенок между пальцами ног, расправляя лист руками, а потом отдавал его взрослому рабочему» (стр. 82—83). Но мадрасские дети еще «счастливицы» — работают с 8 часов утра до 6 часов вечера. А работающие «на дому» работают еще больше, а получают еще меньше!

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 478.

ботных, готовых взяться за любую работу. Развитие происходит скачкообразно, массы людей то притягиваются, то выталкиваются из производства.

В Индии, в условиях колониальной экономики, более чем беззащитной по отношению к крупной промышленности метрополии, создалась настолько громадная резервная армия безработных, что она обеспечивает не только потребности крупной промышленности, но и дает возможность очень крупному капиталу орудовать в мелкой промышленности с большими прибылями в связи с неслыханно низким уровнем жизни масс, с сохранением и застоя техники, и «патриархальных» общественных отношений.

Устойчивости нет и в том отношении, что на наших глазах происходит возникновение, развитие, а затем упадок целых отраслей мелкой промышленности.

Так, например, было с производством шалей в Пенджабе или с определенными отраслями полудубления кож в Мадрасе и т. д. За годы первой мировой войны очень развилось производство одеял и попон, которое немедленно по окончании войны пришло в упадок. В наши дни в ряде городов Пенджаба, например, сильно развилось производство хирургического инструмента, госпитального и лабораторного оборудования, а в Соединенных провинциях, сверх традиционных бус, стежлярусов и т. п., налажено массовое производство ряда изделий из стекла.

Насколько все это прочно — неизвестно. Хотя капиталу во всех отраслях хозяйства очень легко приспособляться к новым условиям или к колебанию спроса ввиду почти полного отсутствия затрат на основной капитал, однако рабочему, низкий жизненный уровень которого позволяет обходиться почти без орудий производства, приходится очень туго, так как, кроме постоянной угрозы «царя-голода», его положение усугубляется всевозможными формами феодальной кабалы.

Так, например, в Мирзапуре: «Фирмы авансируют владельцев ковровых станков, а они в свою очередь авансируют ткачей. В большинстве случаев ткачи находятся в тяжелой задолженности, и владельцы станков используют задолженность, не предоставляя ткачам регулярной работы. Это делается с целью иметь побольше закабаленных ткачей на случай роста спроса»¹.

Ткачество — удел низших каст. Но «новые веяния» ломают эту традицию не только на фабрике (что уже давно отмечено

¹ D. A. Gadgil. Указ. соч., стр. 212.

всеми исследователями). «Купон» сумел приспособить к своим нуждам и людей так называемых высших каст. Тот же Гадгиль, заявляя, что в мелкой промышленности зарплата «является далеко не удовлетворительной», отмечает, что при изготовлении пхулькари, касида и некоторых других видов тканей с каймой применяется труд женщин, принадлежащих к высшим кастам. Зарплата этим женщинам снижена до «абсолютного минимума»¹ именно ввиду их самоизоляции как людей «высшей касты».

П. Н. Мехта, в опубликованном в 1909 г. труде «Исследование ручных промыслов в Бомбейском президентстве», писал, что «независимых» ткачей было не более 25%. Теперь их безусловно меньше, так что действительная численность наемных рабочих в мелкой промышленности, очевидно, не на много меньше, чем указанная в переписях общая численность лиц, занятых в промышленности.

Следует говорить не о разорении мелких ремесленников как факторе, усиливающем аграрное перенаселение, а о бегстве из мелкой промышленности пролетариев, уходящих от совершенно реальной опасности голодной смерти в связи с каким-либо очередным «приспособлением» действующего в мелкой промышленности капитала, бросающим одну отрасль производства для другой, более прибыльной. Все это происходит, естественно, на фоне общего упадка «ручных промыслов».

Что касается текстильных мануфактур, то значительный рост оборотов и прибылей занятых в них капиталов очевиден из роста продукции, и факт значительного уменьшения рабочей силы в «ручной ткацкой промышленности» свидетельствует прежде всего об усиленном выжимании соков из занятых в ней рабочих, как работающих на дому, так и в «светелках».

Остается выяснить еще один вопрос, связанный с перенаселением, а именно: о взаимодействии промышленной резервной армии и земледельческой резервной армии. Подводя итоги развития «ручных» промыслов, Гадгиль писал: «Рост продукции лучших сортов хлопчатобумажных товаров и растущая специализация в различных городах — особенно в Мадрасском президентстве — были результатом действия сил, которые превратили всю Индию в единый рынок лучшего текстиля». Это правильно, здесь воцарился закон стоимости, точнее — закон средней нормы прибыли.

¹ D. A. Gadgil. Указ. соч., стр. 214.

Всеобщий закон капиталистического накопления то же безотказно, хотя и с известными модификациями, обусловленными колониальным характером экономики страны, действует в направлении низведения цены рабочей силы до «абсолютного минимума», как удачно выразился Гадгиль. Безостановочный рост перенаселения происходил такими темпами, что мы с полным правом можем говорить о том, что в этом вопросе отсталая Индия шла впереди всех стран мира. До того как общий кризис капитализма стал явью, в этой стране развились по крайней мере два элемента общего кризиса — хронический аграрный кризис и превращение резервной армии безработных в постоянную армию безработных.

Но вот единый рынок труда не развился еще до сих пор. Это положение как будто противоречит здравому смыслу, так как в Индии действительно наличествуют все формы относительного перенаселения, вплоть до бродячих групп батраков-поденщиков, этой «легкой инфантерии капитала», по выражению Маркса.

Об этом же процессе в России Ленин писал: «Итак, отработков крестьянин готов бежать даже на шахты! Своевременная расплата чистыми деньгами, безличная форма найма и урегулированная работа «привлекают» его так, что он предпочитает *даже* подземные рудники — земледелию, тому земледелию, которое наши народники любят рисовать так идиллически»¹.

Механизм «отработков», т. е. разного рода феодальных пережитков в Индии, пока еще настолько силен, что и в промышленности их гораздо больше, чем в дореволюционной России, а действие этого механизма в деревне настолько сильно, что «люди дела», плантаторы и помещики очень часто не просто жалуются на нехватку рабочей силы, а организуют специальные сложные вербовочные учреждения, которые «откупают» или другими способами стараются закрепить «подручную» рабочую силу с применением любых кабальных методов в духе отмеченных нами выше владельцев ковроткацких мануфактур Мирзапура. Например, существует специальная ассоциация плантаторов Ассама по вербовке и доставке рабочих.

Насколько серьезен этот вопрос в Индии, видно из того, что, например, законы и правила, касающиеся рабочих плантаций Ассама и относящиеся к так называемому трудовому законодательству, предусматривают единственный случай

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 173.

применения тюремных санкций к администрации плантаций, а именно за переманивание рабочей силы.

Показания, которые давались Королевской комиссии помещиками или их представителями, полны жалоб даже со стороны влиятельных лиц на недостаток рабочей силы. Об этом же свидетельствует и так называемое неофициальное содействие полиции при поимке беглых камиа.

Как отмечено в материалах Королевской комиссии по сельскому хозяйству, в некоторых специализированных районах торгового земледелия нередко кулаки и помещики терпели ощутительный материальный урон из-за нехватки рабочей силы в момент уборки урожая.

Самым убедительным доказательством того, что в Индии еще не сложился единый внутренний рынок наемной рабочей силы, служит большая пестрота заработной платы в сельском хозяйстве, в промышленности, в «ручных промыслах» и в фабричной промышленности, пестрота, отнюдь не оправдываемая различным уровнем цен, а прямо связанная с фактом большего или меньшего преобладания пережитков патриархальщины. Это относится даже к крупным, давно сложившимся центрам текстильной промышленности — к Ахмедабату, огромному городу, где работает около 100 тыс. текстильщиков, к Шолапуру, где до сих пор в счет зарплаты выдается сорго и где зарплата настолько же ниже, чем в Ахмедабаде, насколько в Ахмедабаде ниже, чем в Бомбее. Это обстоятельство в значительной мере объясняет наблюдающийся в последние годы относительно быстрый рост промышленности в индийских княжествах, где заработная плата ниже, чем в основных промышленных районах.

Характерно, что это влияние феодальных пережитков на размер заработной платы касается также и поденщиков, и разница в размере заработной платы существует даже в рядом лежащих деревнях. Красноречивый материал по этому поводу имеется в известной работе Г. Манна «Земля и труд в Декканской деревне», а также в материалах Королевской комиссии. Например, по показанию Лейна, государственного секретаря по судебным налоговым делам Соединенных провинций, в Мирутском дистрикте поденщик получает 8 анна в день, в соседнем дистрикте — 6 анна.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий положение на рынке труда в Индии и завершающий всю картину образования резервной армии. При утверждении инструкций о работе Королевской комиссии по сельскому хозяйству было наложено «табу» на самую возможность постановки вопросов

о существовании аграрного строя в Индии. Индийская буржуазия не идет дальше проектов уменьшения рент. Еще более ярко об этом свидетельствуют проекты аграрных реформ во всех провинциях, разработанные в 1948—1949 гг.

Но в отдельных местах Индии, где это не затрагивало особенно интересов помещиков, англо-индийское правительство втихомолку шло на сгон людей с земли, в интересах преимущественно английских и индийских чайных плантаторов. Эти операции выглядят подлее и гаже, чем даже знаменитое «огораживание» в Англии, оттого, что они были направлены против наиболее беспомощных племен. Когда конъюнктура на чайном рынке особенно благоприятна и плантаторы не довольствуются нормальным притоком завербованных, британский империализм приходит им на помощь, выталкивая на плантации прямым насилием целые племена, ведущие лесосечное земледелие в джунглях Индии.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИН НЕРАВНОМЕРНОСТИ ТЕМПОВ ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

При рассмотрении демографических материалов в работах индийских буржуазных экономистов мы отметили, что в них не дается объяснения неравномерности роста населения в отдельных частях страны.

Для того чтобы читателю стала яснее картина этой неравномерности, мы ниже приводим таблицу, характеризующую так называемое естественное движение населения в важнейших провинциях страны за 50 лет, с 1881 по 1931 г. За основу взят 1881 г., так как, по характеристике авторитетных экономистов страны, данные за 1872 г. страдают большими неточностями. Данные за период с 1931 по 1941 г. будут привлекаться по мере надобности.

При рассмотрении материалов, приведенных в табл. 8, следует иметь в виду, что рождаемость в главных провинциях Индии находится примерно на одном уровне, следовательно главной причиной изменения темпов прироста являются колебания в уровне смертности. Однако есть основания полагать, что уровень рождаемости в отдельных районах страны ниже, чем по стране или провинции в целом.

В этом смысле рассмотрим сначала те районы, где эта неравномерность выражена менее резко. К ним относятся три прибрежные провинции: Ассам, Бенгал, Мадрас.

Таблица 8

Рост населения по провинциям (в процентах)

Провинции	Г о д ы					
	1891	1901	1911	1921	1931	1881—1931
Бенгал	7,6	7,8	7,9	2,7	7,3	38,0
Соединенные провинции*	6,2	1,7	-1,1	-3,1	6,7	10,4
Мадрас	15,7	7,2	8,3	2,2	10,4	51,6
Бихар и Орисса	6,0	-1,6	6,9	-1,4	10,8	26,2
Бомбей	14,0	1,3	5,0	-2,0	13,9	32,0
Пенджаб	10,2	6,3	-2,4	5,6	13,3	37,0
Центральные провинции и Берар	9,2	-9,5	12,5	-0,08	8,4	26,6
Ассам	9,2	5,9	14,6	12,8	15,6	80,0
Вся Индия	9,6	1,4	6,4	1,2	10,6	30,7

* Чанд считает, что действительный прирост в Соединенных провинциях за 1891 г. составлял 5,3%.

Наименьшие колебания в приросте населения наблюдаются в Ассаме. Здесь же отмечен и наиболее высокий прирост его за 50 лет. Для объяснения этого факта приведем несколько справок об особенностях Ассамы. Во-первых, сюда на протяжении всего рассматриваемого периода шел непрерывный поток кули, контрактующихся для работ на чайных плантациях, во-вторых, сюда направлялись значительные массы переселенцев-крестьян из Восточного Бенгала, преимущественно из дистрикта Майменсинга. Подсчитано, что в 1931 г. там проживало 2,17 млн. человек переселенцев всякого рода, что составляет 23,5% от состава всего населения провинции. Население Ассамы почти целиком занято сельским хозяйством. В соответствии с благоприятными условиями орошения, здесь не наблюдается таких резких колебаний в урожаях, как в большинстве других районов Индии. Указанные обстоятельства обеспечили наименьшие колебания в приросте населения.

Бенгал является второй из прибрежных провинций, где колебания прироста населения относительно невелики. Эта провинция в промышленном отношении одна из самых развитых. Географическое положение Бенгала исключительно благоприятно для развития внутренней и внешней торговли;

здесь, у берега Бенгальского залива сходятся две важнейшие речные магистрали — полноводный Ганг и Брампутра. Поэтому Бенгал в первую очередь был освоен английскими купцами и именно на нем с наибольшей силой сказалась колониальная эксплуатация. В результате быстрого проникновения в Бенгал капиталистических отношений, здесь развились различные отрасли промышленности, главным образом джутовая, имеющая мировое значение. Здесь же имеются десятки крупных современных предприятий, в частности большие железнодорожные мастерские. Бенгал — центр финансовых и торговых интересов Англии в Индии. Наряду с промышленностью в Бенгале развито крупное помещичье землевладение на основе так называемого «постоянного положения», т. е. без пересмотра ставок поземельных платежей, вносимых помещиками. «Постоянное положение» явилось причиной появления многочисленного слоя субарендаторов-посредников, образовавших многоступенчатую пирамиду рентополучателей. В силу наибольшей освоенности Бенгала иностранцами, удельный вес местного капитала и промышленности, по отношению к английскому, сравнительно слабее, чем в других районах страны.

Эпоха империализма в Индии ознаменовалась созданием нескольких десятков крупных предприятий в Бенгале, возникших благодаря укреплению связей хозяйства Бенгала с мировым хозяйством. То обстоятельство, что джут, основная «коммерческая» культура Бенгала, самым тесным образом связан с объемом международного товарооборота, — влечет за собой тяжелые последствия не только для занятых в джутовой промышленности рабочих, но и для крестьян-посевщиков. Резкие колебания цен на джут на мировом рынке влекут за собой еще большие колебания размеров посевных площадей, занятых под джутом. Эти колебания вызывают неустойчивость экономического положения основных масс крестьянства, их обеднение и рост ростовщической кабалы. Крестьяне еще могут сводить концы с концами в годы средних урожаев, но в годы их уменьшения массами гибнут. Однако благодаря тому, что в Бенгале выпадает значительное количество осадков (по обеспеченности ими Бенгал стоит на втором месте), засухи здесь менее часты, чем в других районах Индии, что обеспечивает и более постоянные урожаи, обуславливающие наряду с притоком населения из других районов более или менее постоянный прирост населения. Насколько в Бенгале, как и в «среднем» по Индии, интенсивность прироста зависит прежде всего от колебаний в смертности, связанной со

⁹ Ученые записки Ин-та востоковедения, т. I

стабильностью урожая, видно из того, что при среднем росте населения всего Бенгала на 38% за 50 лет, население наименее обеспеченной осадками западной части Бенгала возросло лишь на 15,7%, а наиболее обеспеченной — восточной — на 57,7%.

Мадрас — третья из рассматриваемых провинций — также является одной из крупных провинций, где колебания прироста населения менее резки, чем средние колебания по Индии, хотя и более заметны по сравнению с Ассамом и Бенгалом. По уровню развития промышленности, в особенности крупной капиталистической, Мадрасская провинция стоит значительно ниже Бенгальской. Здесь развита промышленность мануфактурного типа, но, как и в Бенгале, основная масса населения занята в сельском хозяйстве. По сумме географических условий Мадрасская провинция значительно отличается от Бенгала и Ассамы, но близка к ним в отношении обеспечения влагой важнейших сельскохозяйственных районов. Недостаток дождей в восточных рисосеющих районах Мадрасы восполняется довольно развитой сетью искусственного орошения в дельтах декканских рек.

В составе населения провинции преобладают представители низших каст — париев, панчама. Хотя капиталистические элементы в сельском хозяйстве развиты несколько слабее, чем, например, в Пенджабе и Бомбейской провинции, количество безземельных сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих здесь выше, чем в других провинциях. Об этом говорит широкое распространение таких форм закрепощения, как готи и падиалы. Положение этих рабочих очень тяжелое.

При сумме неблагоприятных условий жизни трудящихся Мадрасской провинции уровень рождаемости в ней достаточно велик. Следует отметить, что в питании рабочих и крестьян этой провинции немалую роль играют всякие дикорастущие плоды, корни, листья, пригодные в пищу. Так, Ранга отмечает, что в периоды безработицы поденщики-панчама питаются один-два раза в день. Часто одно из блюд — вареные листья тамаринда, сдобренные перцем, другое — вода, в которой варились бобы и которую они выпрашивают у нанимателей. Мукерджи отмечает, что в Индии существует обычай, по которому все маленькие дети могут есть фрукты в любом саду, без специального разрешения хозяев. При высоком уровне рождаемости в Мадрасе велик и постоянный уровень смертности, свидетельствующий о том, что многие из родителей не в состоянии обеспечить детей жизненным минимумом.

Теперь вкратце остановимся на провинциях, где колебания прироста населения более заметны, чем в прибрежных. В провинциях этой группы — Соединенных, Центральных, Бихаре и Ориссе (раньше эти последние составляли одну) — на протяжении двух десятилетий наблюдалось уменьшение численности населения, вызванное сильными голодовками и эпидемиями чумы и инфлюэнцы. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время эти три провинции в социально-экономическом отношении являются отсталыми. Особенно это относится к Соединенным провинциям, являвшимся средоточием индийской культурной и экономической жизни в течение тысячелетий. Промышленное развитие Индии повлекло за собой возникновение новых промышленных центров в прибрежных районах, которые начали развиваться за счет оскудения старых центров и частичной гибели их населения.

Трагический для населения кризис, упадок и застой продолжались в Соединенных провинциях и прилегающих к ним районах с момента английского завоевания до 30-х годов XX в. Последствием этого кризиса является факт прироста населения Соединенных провинций на 10% за 50 лет (примерно в четыре раза ниже прибрежных районов).

Особый интерес представляют процессы роста населения тех районов, где сравнительно более высок уровень развития капитализма в земледелии.

Возьмем наиболее бесспорный в этом отношении район — Гуджерат. Оказывается, что в этом районе, который суперинтендант переписи населения называет «родиной самого предприимчивого и наиболее интеллигентного крестьянства в Индии», население росло очень медленно, и за 50 лет выросло только на 7%, а в одном из дистриктов Гуджерата, Каира, численность населения за тот же отрезок времени даже упала на 9%. Падение численности населения объясняется как большой смертностью, так и значительной эмиграцией части населения в растущие промышленные центры — Ахмедабаб, Бомбей и ряд второстепенных городов (Барода, Сурат), поглотившие значительную часть крестьян Гуджерата. Возьмем Центральные провинции. Здесь дело обстоит несколько лучше, чем в Гуджерате, так как наблюдается не падение, а рост населения, в целом на 26%, а население хлопкосеющих наиболее процветающих дистриктов (Берара, Амраоти, Акола, Балдана) возросло соответственно на 21,4, 19,6 и 18,6%. В этих дистриктах в связи с ростом торгового земледелия (хлопководства) наиболее отчетливо выявлен рост капиталистических элементов.

Кроме перечисленных районов, есть и другие районы, в отношении которых можно привести доказательства влияния на рост народонаселения факта превращения патриархального крестьянина в мелкого собственника, ведущего хозяйство при помощи наемной рабочей силы. Эти мелкие собственники стремятся к искусственному ограничению своих семей, для того чтобы избежать дробления земельных участков. Ограничимся прямыми указаниями на этот счет.

Проф. Мукерджи пишет: «В Пенджабе, особенно в колониях на землях, орошенных новыми ирригационными каналами, проводится ограничение размеров семьи с целью предупреждения дробления земель.

Дарлинг отмечает, что в одной деревне повивальная бабка на протяжении 15 лет (до первой мировой войны.— Г. Ш.) превратила 150 женщин в бесплодных, не способных более к рождению детей. Применение соответствующих средств было осуществлено с согласия мужа, после того как в семье уже было три сына»¹.

Аналогичные факты наблюдаются и в более зажиточных семьях гауданов в Салемском дистрикте Мадрасской провинции (о чем упоминается в отчете руководителя переписи 1931 г. в Мадрасе). Во Франции крестьяне ограничиваются одним сыном, в Индии наиболее «прогрессивные» хозяйства ограничиваются тремя сыновьями, страхуясь на случай эпидемий. «Процветание» кулаков во многих районах Индии непрочно в сложных условиях господства и рынка, и полуфеодалных рент и податей, и империалистической кабалы.

«Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт беспспорный. И мелкий буржуа протестует против него.

Но как протестует?

Он протестует как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было...»².

Конечно, в Индии действует известное ленинское положение о том, что «всякий прогресс в капиталистическом обществе есть источник деградации и гибели, но задержка прогресса ведет к еще худшим результатам»³. В Индии осуществляется

¹ R. Mukerji. Указ. соч., стр. 218.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 206.

³ Ленинский сборник, XIX, стр. 67.

задержка прогресса, торможение капиталистического развития, задавленность крестьянства, но, как мы видели, в одной группе районов эта задержка выражена сильнее, в другой несколько слабее, что незамедлительно сказывается и на отношениях народонаселения.

Необходимо рассмотреть также вопрос роста населения в индийских княжествах — этих заповедниках феодализма.

Наиболее типичными заповедниками является большинство княжеств Центральной Индии, расположенных полосой между Соединенными и Центральными провинциями. С Запада к ним прилегают княжества Раджпутаны. Во время голодовок второй половины девяностых годов в этих княжествах вымерла значительная часть населения. Например, в третьем по величине княжестве Центральной Индии Бхопал в последнее десятилетие XIX в. вымерло и разбежалось не менее 30% населения, и даже в 1931 г. населения здесь было все еще на 24% меньше, чем в 1891 г. В тринадцати из пятнадцати княжеств восточной части Центральной Индии в бывших агентствах Бандельканд и Багхельканд в 1931 г. численность населения была меньше, чем в 1891 г. (от 3,7 до 17,8%). Только в двух княжествах — Рива и Баони — по сравнению с 1891 г. население возросло соответственно на 5,8 и 3,7%.

В Раджпутане в восемнадцати из двадцати одного княжества в 1931 г. численность населения была меньше, чем в 1891 г. В одном из княжеств Раджпутаны — Бхаратпур — на протяжении пяти десятилетий систематически происходило уменьшение численности населения.

Суперинтендант переписи по Центральной Индии констатировал отсутствие излишнего «давления на землю» населения в Бхаратпуре. Здесь земля, персонифицированная в княжеской власти и помещиках, так давит на население, что мы в XX в. можем воочию наблюдать действие законов народонаселения, характерных для Западной Европы XV—XVI вв. Голодовка и эпидемия опустошили этот район настолько, что в тех условиях воспроизводства для крестьянского хозяйства, которые создали князья и «резиденты», в течение полувека численность населения все еще не была восстановлена.

Теперь в княжествах, как и во всей Индии, обсуждаются аграрные реформы, но «рачительность» князей и помещиков отнюдь не снизилась. «Пиплз Эйдж» 31 октября 1948 г. сообщает, что Раджастану («преобразован» из Раджпутаны) угрожает голод, а в одном из районов помещики, облагавшие ранее землю с «крестьянской души» по 7 маундов зерна, в 1948 г. потребовали по 10 маундов с крестьянина.

В силу своеобразия исторического развития Индии, в этих княжествах, а также в других районах Индии, до наших дней сохранились этнические группы, живущие в условиях, близких к родовому строю. Мы говорим о так называемых «аборигенных» племенах в связи с вопросом об особенностях роста народонаселения.

Численность лиц племенного происхождения на 10 тыс. человек населения Индии менялась следующим образом: 1911 г.— 328, 1921 г.— 309, 1931 г.— 236, 1941 г.— 658. О причинах систематического падения численности населения племен скажем ниже, а теперь ответим на вопрос — почему так бурно выросли цифры численности населения племен за последнее переписное десятилетие. Секрет кроется в 91 и 92 параграфах «Закона об индийском правительстве», в которых было предусмотрено выделение территорий, с живущими на них «аборигенными» племенами, в зону «отеческого попечения» правительства, то-есть исключение этих территорий из юрисдикции провинциальных правительств, избранных на основе конституции 1935 г., и выделение их в систему «чисто-британского» управления. Смысл этого трюка заключался в стремлении причислить возможно наибольшее количество индусов к племенам, чтобы ослабить индусские территории, не затрагивая при этом мусульман (а заодно и «христианскую курию»). Поэтому руководитель переписи 1941 г. Иеттс лжет, когда утверждает, что получились итоги, «отражающие численность лиц племенного происхождения»¹.

Как же обстоит дело с этими племенами в действительности? Ввиду того, что этот вопрос наименее освещен в нашей советской литературе об Индии, мы на нем остановимся более подробно.

К «аборигенным» племенам в Индии относят племена, которые, к моменту закрепления в ней англичан, жили родовым строем, вели лесосечное земледелие и охотились в лесистых, болотистых и главным образом гористых местах. Степень их вовлечения в индийское «народное хозяйство» — различна, но их окончательное вовлечение в ближайшее время неминуемо. Процесс этот идет все время. Антрополог Эльвин Веррьер, проживший 10 лет (в 30-х годах нынешнего столетия) с научно-исследовательскими целями среди «аборигенных» племен, отмечает, что изгнание «аборигенных» племен из лесных и горных районов проводится в интересах крупных промышленников, которые надеются овладеть правами на минералы и леса.

¹ Census of India, т. I, стр. 29.

По подсчету того же Веррьера, большинство из 25 млн. «лиц племенного происхождения» ассимилировано или ассимилируется, и лишь 5 млн. человек еще ведут племенной образ жизни. У племен бондо в Ориссе, части баига и других нет земельной собственности, основным земледельческим орудием является «копающая пика», то-есть палка-копалка, а употребление плуга находится под запретом (табу). У этих племен сохранились общинные дома, спальни, клубы. Часть племен джуангов и некоторые другие племена еще одеваются в листья. У «бизоньерогих» муриа в княжестве Бастар и части Бинджваров «лесосечное земледелие до сих пор ведется сообща, но уже имеются отдельные домики с садиками, снято табу с употребления плуга. Сохраняются общинные клубы для мальчиков и юношей и отдельно для девушек, где их обучают племенным традициям в области гражданской жизни и где они дисциплинируются и воспитываются в области взаимоотношения полов». «Родители считают жизнь детей в этих клубах прекрасной, подобно рогам бизона, восхитительной, как лошадиная шея»¹.

Вот как проходит типичный день в такой родовой общине. «Пожилые занимаются изготовлением цыновок и корзин, очищают зерно и раскладывают на солнце для сушки фрукты и овощи. Мужчины и женщины отправляются на свои участки, мужчины — рубить и мотыжить, женщины — собирать листья для кубков и блюд, выкорчевывать корни, собирать дикорастущие фрукты и овощи. Более предприимчивые отправляются в поиски за медом; другие карабкаются по деревьям за гнездами красных пчел, из которых приготавливают пряные приправы или жаропонижающие лекарства. Дети пасут коз, охотятся за полевыми мышами и мелкими птицами»². Женщины в большинстве общин занимают почетное положение, выходят замуж, достигнув зрелого возраста, имеют право развода, а если овдовеют, то имеют право на вторичный брак. «Ее свободная и открытая жизнь наполняет ее духом поэзии,... как товарищ — она интересна и обладает чувством юмора, она является нежной женой и героической матерью...»³. При обследовании 2000 семей племени муриа в княжестве Бастар оказалось, что все женщины, за исключением 43, живут со своими первыми мужьями. Как отмечает руководитель переписи 1931 г. в своем «Отчете», «среди

¹ E. Verrier. Указ. соч., стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 9.

примитивных племен наблюдается более высокое отношение численности женщин к численности мужчин»¹. Отмеченные обстоятельства как будто благоприятствуют сравнительно высокой плодовитости.

Но эти родовые общины сохранились в районах с наиболее трудными для человека географическими условиями, наименее приспособленными для земледелия, и с нездоровым климатом, в которых крупная дичь уменьшилась в числе и на нее запрещена охота. Поэтому племенам приходится охотиться за зайцами, белками, крысами: баига различают двадцать одну разновидность «съедобных» крыс².

Вывод руководителя переписи 1931 г. в отношении этих племен таков, что численность населения племен постоянно уменьшается³.

Как отмечено в том же «Отчете» 1931 г., главным бедствием в жизни этих племен является запрещение, под разными предлогами, лесосечного земледелия⁴. В агентствах Визагапатама и Ганджама это запрещение вдохновлялось чайными плантациями Ассама. По «закону» общинные земли — «ничьи», так как в условиях капиталистического общества нет общинной собственности.

Как правило, эти земли регистрируются в виде «внеклассных государственных лесных угодий» и находятся в абсолютном распоряжении провинциальных правительств. Незадолго до переписи 1931 г. правительство Ассама — в свое время раздавшее лучшие земли племен плантаторам — ввело правило, по которому «человек, добывающий строительный камень для своего собственного употребления, должен платить налог в 10 рупий в месяц на том основании, что земля принадлежит к «внеклассным лесам», хотя, возможно, что уже в течение 20 поколений... она принадлежала данной общине⁵. В Центральных провинциях лесосечное земледелие (местное название «дахиа») почти полностью запрещено, племена обязаны пользоваться землей по Land Settlement Act⁶, их вынуждают платить поземельный налог за пользование малопригодными для земледелия землями; налог этот является по существу феодальной податью, непосильной даже на хороших землях. В некоторых местах, где неудобно почему-либо практиковать

¹ Census of India. 1931, т. 1, стр. 204.

² E. Verrier. The aboriginals, стр. 21.

³ Census of India. 1931, т. 1, стр. 503.

⁴ Там же, стр. 505.

⁵ Там же.

⁶ E. Verrier. Указ. соч., стр. 11.

«очистку земель» от общинников, власти содействуют превращению общинных старейшин в помещиков и даже в царьков. Как отмечает Веррьер, имеется несколько помещиков из бхиллов, бхинджваров, корку, санталов, мунда, ораон и особенно гондов. Гондский раджа Серамгарха «живет во дворце, снабженном всеми орудиями современного комфорта... в центре дворца находится маленькая соломенная хижина, где осуществляется культ старых племенных богов»¹.

Подданные гондского царька счастливее других, так как у них классовое деление не дополнилось еще кастовой исключительностью. «В результате процесса приспособления прежде неиндуизированное горное племя может превратиться только в угнетенную касту, как это случилось с тури, кора и кхариа, и земледелец, лишаясь своих прав на племенную землю, деградирует до положения безземельного рабочего,— процесс, отмеченный также в случае с гондами и несколькими другими племенами в Центральных провинциях»².

Тот же процесс наблюдается в Раджпутане, где «британский закон наделил племенных вождей безопасностью, властью и престижем, которые им никогда раньше не принадлежали»³.

В результате действия этого закона рядовые общинники превращаются в данников или крестьян, а вожди племен в феодалов.

Нельзя сказать, что эти процессы подчинения племен проходили всегда гладко. Так, в переписи 1931 г. отмечаются два случая «почти восстаний» саваров в Мадрасском президентстве. Веррьер отмечает убийство одного гонда (наиб-тахсилдара — нечто вроде заместителя начальника административного района) в 1942 г.

Иногда этот процесс происходит менее драматически. На «ничью» землю племен потихоньку селятся предприимчивые люди, а вслед за ними и крестьяне. Так, по данным переписи 1931 г., в княжестве Траванкур население долин возросло на 24,2%, среднего пояса — на 24,7% и горных районов — на 54,7%. Наиболее сильно возросло в Бенгале население районов Читтагонских холмов, а в Мадрасском президентстве — население Нильгири⁴. Поселяющиеся в горных районах колонизаторы постепенно начинают требовать распространения на

¹ E. Verrier. Указ. соч., стр. 11

² Census of India, 1931, т. 1, стр. 507.

³ Там же, стр. 505.

⁴ Там же, стр. 6.

эти территории «нормальных более или менее демократических форм правления» (демократия родовой общины, конечно, совсем не похожа на «нормальную»), которые давали бы «огромные преимущества торговцам и прочим, ведущим дела с простыми и неграмотными людьми»¹. В поселениях, где племенное население еще не низведено на положение «неприкасаемых» батраков, сохраняется некоторое подобие племенной жизни, лишенной обычаев и праздников, и люди племени впадают в состояние психической апатии и физического упадка². Об этом же свидетельствует и Веррьер, упоминая о потере интереса к жизни у бирхоров и коруа, об ужасающей монотонности деревенской жизни и невыразимой ее бесцветности у племен Ассама, обращенных в христианство³.

Людей племени нага обращение в христианство деморализовало, разрушило племенную солидарность⁴, свидетельствует Веррьер.

Надо иметь в виду, что работа Веррьерера была выпущена в 1943 г., с целью оправдания английской политики в отношении аборигенных племен, но тем не менее Веррьеру не удалось скрыть результатов деятельности христианских миссионеров среди племенных общин. Веррьер приводит сравнительные характеристики поселений одних и тех же племен, находящихся на разных ступенях развития. Например, в общине баига в горах: «Каждый находится и действует на своем месте... люди полны энергии, независимости, счастливы. Но отправимся в деревню полудивилизованных баига на большой торговой дороге. Люди как будто принадлежат к другой расе. Раболопные, подобострастные, запуганные, физически истощенные, с разбитой вдребезги племенной жизнью»⁵.

Все вместе взятое, по удачному выражению того же Веррьерера, «открывает двери смерти».

Люди одевают свое «грешное» тело в тряпки, а сменить их по бедности нечем, что (в условиях индийских муссонов) у взрослых влечет загрязнение, простуду, туберкулез; «дегей, вместо того, чтоб носить за теплой спиной матери, начинают таскать в прыжных сырых жилетах»⁶. «Привносятся многие новые болезни, против которых не выработано иммунитета, потому что они не являются порождением того окружения, к

¹ Census of India, 1931, т. I, стр. 506—507.

² Там же.

³ E. Verrier. Указ. соч., стр. 17.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 12—13.

которому племя приспособилось, и в результате появляется потрясающая смертность, результаты которой не могут быть восстановлены»¹.

Наконец, наступает последняя, высшая стадия приспособления — родовичи окончательно превращаются в одну из «неприкасаемых» каст, теряют и свой язык, и своих богов. «Язык гуджерати быстро вытесняют, если уже не вытеснил, диалект бхили у дубла и талавия, которые являются сельскохозяйственными рабочими, зависящими от хозяев гуджератцев»². Индуизм не имеет такой «действенной» организации, как миссионерство, но постепенно и боги начинают «звучать» по-новому. Наблюдатели жизни гондов отмечают, что их главный племенной бог Бхера Тен легко превращается в Бхара Део и затем и в Магадео — в богов из пантеона индусов.

Вся сумма общих экономических и социальных изменений резко отражается и на семейных отношениях. В то время как у диких муриа, как мы уже отмечали выше, неудачных браков немногим более 2%, у «получивилизованных» — 56%. «Диким» нага примерно одновременно были дарованы «свет евангелия» и колесная дорога. И вот «не только были принесены специфические болезни, такие, как туберкулез и венерические заболевания, но и эпидемии стали распространяться более быстро. Открытие колесной дороги на Манипур привело к росту проституции»³.

В данном случае Веррьер неправ: судя по его же описаниям, проституция немыслима в родовой общине. Она не выросла, а возникла в связи с открытием дорог и пропагандой баптистов.

Кроме того, к новообращенным притекают ростовщики, лавочники, адвокаты, но в этом перечне отсутствуют врачи. Очевидно, рассчитывают на выработку «иммунитета».

В результате всей суммы условий «аборигенные» племена Индии вымирают. Согласно данным переписей, численность людей племенного происхождения в 1911 г. была 10 295 168; в 1921 г. их было 9 774 611, т. е. уменьшилось на 5,1%; в 1931 г. — 8 280 347 — уменьшение на 15,3%, но по данным переписи 1941 г. лиц «племенного происхождения» насчитали 25 441 489.

В тех районах, где обстановка особенно благоприятствует колонизаторам, темпы вымирания не уступают наиболее

¹ Census of India, 1931, т. 1, стр. 507.

² Там же, стр. 351.

³ E. Verrier. Указ. соч., стр. 12.

вопиющим образцам. Так, на Андаманских островах «свет евангелия» распространялся так последовательно, что коренные андаманцы за каждое переписное десятилетие в XX веке, вплоть до 1931 г., вымирали свыше чем на 40% по сравнению с предыдущим. В переписи 1941 г. андаманский язык совсем исчез из переписной документации даже на Андаманских и Никобарских островах. Очевидно, почти полностью вымерли и сами андаманцы. В небольшом числе уцелели лишь никобарцы, к своему счастью населяющие менее привлекательные для колонизаторов острова.

Таким образом, лживость и лицемерие дружеских отношений британских колонизаторов к аборигенным племенам в Индии вскрываются довольно легко.

ЗАСТОЙНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ ИНДИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ АГРАРНО-СЫРЬЕВОЙ МОНОПОЛИИ АНГЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Для подневольной Индии империализм ознаменовался более ранним, чем в других колониях, развитием сырьевых отраслей и широким развитием современного транспорта, наличием компрадорского и ростовщического капиталов и более широким развитием легкой промышленности. Сумма этих условий увеличила относительное перенаселение, обогатив его новыми формами. Увеличение относительного перенаселения способствовало новому «расцвету» плантационного хозяйства. Еще с 30-х годов прошлого века английские купцы начали применять на плантациях дешевый труд индийских кули. Таким образом, обладание «избыточным» населением Индии обеспечило английскому финансовому капиталу монополии на джут, чай, каучук, шеллак, копру, земляные орехи, льносемя и некоторые другие масляные культуры.

Созданное в предшествующий период английского господства относительное перенаселение, имеющее свое выражение в постоянной армии безработных, является не только неизбежным следствием британского господства, но и необходимым условием монопольных сверхприбылей британского финансового капитала.

Ершов в упоминавшейся выше статье пишет: «Резервная армия промышленных рабочих достигает огромных размеров и стала постоянным явлением» (стр. 10).

Как известно, по Марксу, резервная армия безработных становится закономерным, постоянным явлением с момента

возникновения крупной капиталистической промышленности. Ошибка Ершова заключается в том, что он не заметил единства относительного перенаселения в городе и деревне и не понял, что исходным пунктом относительного перенаселения явилось «освоение» Индии английским империализмом. Недооценив то новое, что внес товарищ Сталин в марксизм, в частности упустив установленную им закономерность превращения резервной армии в постоянную армию безработных в эпоху общего кризиса, Ершов не подметил превращения резервной армии в постоянную армию безработных в конкретных условиях Индии.

Как показал предшествующий анализ, эту свою функцию перенаселение выполняет независимо от форм, в каких происходит эксплуатация «избыточных» рабочих рук — на плантациях или в крестьянских хозяйствах. Относительное перенаселение в Индии служит одной из основ экономического и политического господства английского империализма в Индии, а также и его внутренней устойчивости, создавая материальные условия для подкармливания рабочей аристократии в самой Англии.

Громадные размеры застойного относительного перенаселения являются причиной колоссальной смертности в Индии. И все же в данное время мы наблюдаем значительный рост населения Индии. Посмотрим, как это согласуется с высокой нормой смертности.

Явления роста рождаемости в период разрушения феодальных форм хозяйства присущи всем странам, где развивался капитализм.

Разрушение традиционных форм хозяйства в Индии, накопление капитала, возникновение и развитие капитализма, пролетаризация крестьян и ремесленников, ломая феодальные пережитки, ломают и устаревшие формы семейных отношений, что влечет за собой на первых порах рост рождаемости. Но эти же условия влекут за собой и рост смертности.

Марксизм учит, что нет автоматического взаимодействия между производственными отношениями и вытекающей из них системой семейных отношений и «естественным» движением населения. Это взаимодействие определяется развитием производственных отношений лишь в последнем счете. Прямой паразитизм метрополий и возникающая под воздействием метрополий система производственных отношений оказывают соответствующее влияние на развитие производительных сил, выраженное в крайне медленном темпе их роста, в уродливой и односторонней специализации, в росте диспропорций.

Эти диспропорции наиболее ярко сказываются в развитии сельского хозяйства.

Для понимания состояния сельского хозяйства при все увеличивающемся росте диспропорций в Индии обратимся к характеристике развития сельского хозяйства России после реформы 1861 г.

В работе «Аграрный вопрос и современное положение России» в 1913 г. Ленин писал, что необычное обострение аграрного кризиса происходило «потому, что старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство было подмыто, а условия для нового, буржуазного, не созданы»¹. В статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» Ленин говорит: «Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм»².

Несмотря на то, что в Индии «реформа», если датировать ее с момента разложения общины в связи с внедрением частной собственности на землю и гибелью ремесла во второй четверти XIX в. под влиянием усиленного экспорта английских товаров в Индию в этот период, произошла раньше, чем в России, благодаря колониальной зависимости ее, скорлупа здесь прочнее и новый хозяйственный организм в данное время слабее, чем в России 1905 г. Но старое натуральное хозяйство подмыто еще основательнее, если судить по таким показателям, как усиливающееся обнищание основных масс деревенского населения, растущая специализация земледелия, рост полуфеодалного землевладения, упадок агрикультуры, а потому и аграрный кризис здесь глубже и острее.

Необходимо уяснить значение этого кризисного состояния сельского хозяйства (и упадка агрикультуры) для всей проблемы народонаселения Индии в целом, в особенности же значение резкого проявления этого кризиса в «нехватке» продовольствия, зерна.

Для уяснения этого вопроса громадное методологическое значение имеет высказанное в свое время товарищем Сталиным положение о том, что проблема зернового хозяйства «...появляется на сцену лишь тогда, когда обычное отставание сельского хозяйства от индустрии превращается в **чрезмерную** отсталость темпа его развития»³.

Отсюда следует, что чрезмерную отсталость темпов развития сельского хозяйства Индии «обычными», «нормальными» способами преодолеть нельзя.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 443.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 114.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 258.

С известной точки зрения рассмотренные работы индийских экономистов посвящены доказательству этого же положения, причем, как мы уже показали выше, они пытаются убедить в том, что и «необычные» пути тоже ничего не дадут.

Опыт ряда стран Восточной Европы, после окончания второй мировой войны ставших на путь последовательно демократического решения аграрного и других важнейших политических и экономических вопросов, показывает, что разрешение этих вопросов возможно только путем народной демократии. Это подтверждают также достижения молодой народной демократии Китая, хозяйство которого, так же как и хозяйство Индии, было обременено феодальными пережитками и находилось в кабале у иностранного финансового капитала. В связи с освобождением крестьян от полуфеодальной кабалы и проведением практических мер по расширению орошения и подъему агрикультуры Народное правительство Китая уже в 1950 г. сможет освободиться от необходимости импорта продовольствия.

И пока Индия не станет на тот путь, по которому пошел Китай, голод будет постоянно уничтожать народы Индии. Кривая смерти будет постоянно варьировать вокруг уровня, в несколько раз превышающего уровень в «цивилизованных» странах. Удельный вес «избыточного населения», естественно, будет все увеличиваться, отнюдь не находясь в какой-либо соразмерности ни с ростом или уменьшением производства зерна и другого продовольствия в стране, ни с ростом или уменьшением численности народонаселения.

«Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий... крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века»¹.

А ведь индийским крестьянам, в отличие от русских крестьян в дореволюционное время, приходится выносить двойной, а точнее, тройной гнет. Иностраный капитал действует еще беззастенчивее, вследствие чего крестьяне закабалены гораздо сильнее.

В числе диспропорций, характеризующих закономерности развития капиталистической экономики, огромное значение имеет не только отставание темпов развития сельского хозяйства, но и общая неравномерность развития отдельных отраслей,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 473.

районов, стран. Как известно, в эпоху империализма неравномерность развития превращается в важнейший закон экономического и политического развития, причем эта неравномерность включает в себя и неравномерность загнивания. В то время как на одном полюсе империализма — в метрополиях — загнивание проявляется в одних формах, на другом полюсе — в колониальных и зависимых странах — оно носит совсем другие формы и выражается прежде всего в консервировании феодальных пережитков. В колониях еще более резко, чем в метрополии, осуществляется торможение развития производительных сил. Еще глубже обнищание огромных масс «избыточного» населения, «давление» которых обуславливает и объясняет ряд явлений экономической и политической жизни капиталистического мира.

Задержка развития производительных сил в колониях, в силу того же закона неравномерного развития, отнюдь не является чем-то абсолютным. В Индии, несмотря на то, что за эпоху общего кризиса капиталистической системы (включая и период второй мировой войны и послевоенный период) отставание, по сравнению с «передовыми» странами, усилилось, вместе с тем усилилось и развитие капитализма в отдельных ее районах и отраслях промышленности.

Так, например, наряду с явлениями застоя в развитии текстильной промышленности бомбейского района, джутовой — калькутского района, быстро, за несколько лет, развилась крупнокапиталистическая сахарная промышленность, главным образом в Соединенных провинциях и Бихаре, цементная промышленность, спичечная, табачная и некоторые другие. Усилилось, как мы уже отмечали, развитие фабричной хлопчатобумажной промышленности в более отсталых районах, в том числе в тех же Соединенных провинциях и в некоторых княжествах. Такой же процесс наблюдается и в сельском хозяйстве, хотя здесь, естественно, сильнее сказываются явления упадка в связи с продолжающимся разложением старых форм и непосильным бременем империалистической кабалы.

Вся сумма экономических условий, созданная развитием капитализма, естественно стимулирует увеличение рождаемости в деревне. Рост капиталистических элементов — кулачества — приводит в одних районах Индии к ограничению численности семьи, а в других — может привести, и возможно приводит, к росту численности семьи, как это имело место в бурских кулацких хозяйствах. Отсутствие дифференцированных в классовом разрезе данных относительно районов, где совсем недавно были проведены оросительные работы (север

Синда, крайний юго-восток Пенджаба, Бхагавальпур), или колонизируемых районов Ассама не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос. Особо быстрый рост населения в этих районах и общая обстановка в них не исключают предположения, что в данные об этом росте входят и данные о кулацких семьях.

Положение в промышленности характеризуется все еще успешной конкуренцией мелких и средних предприятий с деревенскими и городскими ремесленниками, при наличии огромной армии безработных. Концентрация и централизация капитала в Индии привели к созданию нескольких финансовых групп, владеющих крупнейшими предприятиями и банками. Но процесс обогащения мелких капиталистов за счет ремесленников до сих пор не прекратился.

Так, по данным промышленных переписей 1911 и 1921 гг. (позже промышленных переписей не было), общее число предприятий без механических двигателей (т. е. мануфактур) возросло с 2644 до 7964, а количество занятой в них рабочей силы с 300 до 466 тыс. Мелких предприятий с механическими двигателями, с численностью рабочих от 20 до 50 — было 1149, стало 2245¹.

Руководитель переписи населения 1921 г. в Соединенных провинциях, «скромно» умалчивая об английской конкуренции, пишет в своем «Отчете»: «Известный излишек деревенского ремесленного населения медленно перемещается (дословно: дрейфует.— Г. Ш.) в земледелие в результате конкуренции крупных предприятий, организованных по западной фабричной системе, и известных домашних промыслов, организованных местными мелкими финансистами» (подчеркнуто мною.— Г. Ш.). Попутно он отмечает, что больше всего страдают деревенские гончары, кузнецы и плотники. Интересно отметить, что индийский экономист П. Пиллай (*Economic Conditions in British India, 1923*) отмечал особую живучесть именно этих групп деревенских ремесленников, по сравнению с ткачами и особенно прядильщиками. Следует полагать, что «естественное» движение населения класса буржуазии в целом определяется численностью семей

¹ О том, что открытые Лениным законы развития капитализма **вширь и вглубь** действуют в Индии в наши дни, видно из данных, опубликованных в «*Eastern Economist*» от 24 марта 1950 г. В 1948 г. число компаний с количеством рабочих менее 21 возросло на 26% (развитие вширь за счет ремесла) по сравнению с 1947 г. За то же время число компаний с количеством рабочих свыше 2500 возросло на 13% (развитие вглубь, концентрация капитала).

у средней и мелкой буржуазии, еще пока что преуспевающей. О том, что в рядах крупной буржуазии намечается тенденция в сторону ограничения рождаемости, свидетельствуют только косвенные данные, а именно самый низкий, сравнительно с другими религиозными общинами, уровень рождаемости среди парсов, очень немногочисленной, состоящей преимущественно из городской буржуазии общины. Возня вокруг «контроля» над рождаемостью, помимо прямой цели — обмана рабочих и крестьян, попыток свалить на них «ответственность» за нищету и недоедание, возможно, служит выражением интересов централизации капитала. Но по материалам «Ирбуков», прославляющих наиболее крупных представителей делового мира в Индии, можно заключить, что и у крупнейшей буржуазии Индии все еще немало многодетных семей.

Довольно высоким является также уровень рождаемости и в рядах рабочего класса, что соответствует общему уровню развития капитализма в Индии.

В итоге следует признать закономерными явлениями сравнительно высокий уровень рождаемости в Индии и относительную нивелировку роста населения в географическом разрезе за последние два межпереписные десятилетия.

О прочности процесса роста населения Индии было сказано выше. Ясно, что непрерывного, «правильного» прироста быть не может в силу всей суммы условий, господствующих в Индии, в частности текущее десятилетие покажет меньший прирост населения, чем предыдущее. Голод в Бенгалии, сильные недороды в других провинциях повлекли за собой значительный рост смертности и сокращение рождаемости. По данным «Статистического бюллетеня» ООН, рождаемость за последние годы, на основании официальных данных, характеризуется следующими данными (на 1 тыс. человек): 1941 г.— 32; 1942 г.— 29; 1943 г.— 26; 1944 г.— 25.

В наиболее тяжелые для Бенгалии годы те же источники свидетельствуют о том, что смертность в этой провинции (до раздела) превышает рождаемость:

Годы	Родилось	Умерло
1943	1 150 000	1 900 000
1944	950 000	1 700 000
1945	337 000	363 000

(3 месяца)

Единственная цифра, которая поддается проверке,— это данные о смертности за 1943 г., когда в действительности

умерло 3 500 000 человек, что было установлено специальными обследованиями общественных организаций при помощи ученых специалистов. Исходя из этого, можно предполагать, что и остальные цифры смертности также преуменьшены. Во всяком случае они ярко подтверждают то положение, что в Индии до освобождения страны и коренного преобразования в ней социально-экономических условий народ будет периодически подвергаться бедствиям, губельно отражающимся на росте населения.

Следует ли отсюда вывод, что происшедшее за последние годы снижение рождаемости носит постоянный характер и будет продолжаться и в дальнейшем? Это может произойти только в том случае, если индийским помещикам вкупе с капиталистами удастся произвести радикальный столыпинский переворот в деревне. Если в индийской деревне воцарится в ближайшие десятилетия юнкерское и мелкобуржуазное эксплуататорское хозяйство, то с течением времени это скажется и на численности народонаселения. А до этого развитие капитализма в деревне будет действовать в направлении сохранения высокого уровня рождаемости у большинства деревенского населения.

Можем ли мы принимать как ближайшую реальную перспективу успешный столыпинский аграрный переворот в Индии?

«В истории бывали примеры *успеха* подобной политики»¹. «...для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, нежелающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень»².

Обстановка в Индии слишком накалена для того, чтобы можно было считать ее исключительно благоприятной для столыпинского решения вопроса о буржуазной эволюции обветшалого аграрного строя. Помещичье решение аграрного вопроса означает полное «раскрестьянивание», и произойти оно в Индии должно в обстановке огромного подъема национально-освободительного движения в Азии, по соседству с СССР, по соседству с Китаем, где дан новый образец радикального, революционного решения аграрного вопроса.

Пример восстания рабочих и крестьян Теленганы свидетельствует о том, что уроки истории не проходят даром и для трудящихся масс Индии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 30.

² Там же.

По Ленину, успех столыпинского варианта реформы аграрных отношений отнюдь не может основываться «...на одной столыпинской реакции и тысяче виселиц...»¹. «Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права»². Индийские помещики и капиталисты ни одной национально-исторической задачи не решили. Наоборот, они пошли на раскол Индии, на сохранение зависимости страны, на превращение своей страны в сателлита поджигателей войны. На тысяче виселиц далеко не уедешь!

Таким образом, нет оснований считать, что капитализм воцарится в индийском сельском хозяйстве настолько, что вызовет длительное и прогрессирующее падение рождаемости. Неправ автор вступительной статьи к работе Ш. Чандрасекара «Население Индии», Ершов, который выставляет положение, что «эти условия не остаются неизменными, — в частности, проникновение капиталистических отношений в деревню также неизбежно. Как бы медленно и мучительно ни проходил этот процесс в Индии, он, несомненно, будет прогрессировать и неминуемо... приведет к падению рождаемости. Но дело даже не в этом «нормальном» процессе капитализации сельского хозяйства»³. Эту мысль Ершов повторяет несколько раз: «...причины высокого коэффициента рождаемости подрываются самим ходом развития капитализма в Индии...»⁴.

Нами приведено здесь немало доказательств проникновения капитализма в сельское хозяйство Индии, а также данных, свидетельствующих о том, что развитие капитализма даже в колониальной Индии определяет рост рождаемости. Об этом же говорят, как упоминалось выше, нивелировка в росте населения основных провинций Индии за последнее двадцатилетие в связи с развитием капитализма в более сталых из них.

О том, что уровень рождаемости в Индии остается сравнительно высоким, говорят не только соображения теоретического порядка. Есть факты, подтверждающие это. Так, обследование, проводившееся силами научных работников Всеиндийского института гигиены и здравоохранения в одном деревенском районе Западного Бенгала (с населением в 60 тыс.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 31.

² Там же.

³ Ш. Чандрасекар. Население Индии, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 20; см. также стр. 24, 25.

человек), показало, что в 1945 г. рождаемость составляла 46,1 на 1 тыс. человек, а в 1946 г. — 58,8¹. Эти цифры ближе к данным, исчисленным актуариями (56 на 1 тыс. в среднем за десятилетие с 1901 г. по 1911 г.), чем к официальным данным статистики движения населения (36,5 за тот же период) по Бенгальской провинции в целом. Ершов был бы прав, если бы капитализм победил в индийской деревне, но его предположение о последствиях, как он выражается, капитализации сельского хозяйства для уровня рождаемости, на наш взгляд, неосновательны, так как народ Индии в современных конкретных исторических условиях делает невозможной эту «капитализацию».

Быстро ли растет население в Индии? С какими данными сравнивать? Выше были приведены материалы, показывающие увеличение населения Ирландии за первые 40 лет XIX века, которое происходило быстрее, чем в современной Индии.

Население в Индии росло медленнее, чем на Яве (+20%), чем на остальных островах Индонезии (+26%), чем на Цейлоне (+18%), примерно такими же темпами, как население Бирмы (+14,6%)².

Редакция индийского журнала «The Modern Review», сравнивая рост населения Индии с другими странами, пишет в отношении Англии: «...если мы возьмем период с 1821 по 1891 г. (возможно, наиболее сравнимый период с Индией за последние 70 лет), то найдем, что оно (население Англии.— Г. Ш.) возросло на 81%, не принимая в расчет интенсивной эмиграции в Америку и другие части света, а население Японии за период с 1871 по 1942 г. показывает рост на 136%»³. В Индии за 70 лет — с 1872 г. по 1941 г. — население выросло на 54%. Оставляя в стороне сравнение с Англией, отметим, что начало периода развития капитализма в Японии совпадает по времени с началом капитализма в Индии, что там так же налицо очень серьезный груз феодальных пережитков в деревне; почти такое же неблагоприятное соотношение мужчин и женщин, как и в Индии; жизненный уровень масс немного выше, чем в Индии, но значительно ниже, чем в других империалистических государствах. И все же независимость страны и связанные с этим неизмеримо более быстрые, чем в Индии, темпы развития капитализма вообще,

¹ Report of the All India Institute of Hygiene and Public Health, 1946—1947; цит. по Economic Survey of Asia and the Far East. 1948, стр. 19.

² Census of India, 1941, т. I, стр. 6.

³ The Modern Review, 1948, № 1, стр. 79—80.

капиталистической промышленности, в частности, повлекли за собой почти столь же быстрый рост населения, как и в других капиталистических странах в пору, когда капитализм развивался еще по восходящей линии.

Удастся ли достичь индийской буржуазии и помещикам прочного уменьшения общей численности населения Индии?

Надо полагать, что не удастся, что народы Индии раньше этого сумеют добиться подлинной независимости своей страны и радикально разрешат вопрос о власти, о земле, о праве на труд и на действительно свободную и счастливую жизнь.

Предсказанное Марксом неизбежное вымирание человечества в результате «практической деятельности» капитала¹ становится реальным фактом на колониальной периферии с момента «соприкосновения двух культур», с момента «роковой встречи».

Немедленный, ближайший результат подчинения тех или иных народностей иностранному капиталу зависит от очень многообразных исторических факторов.

Но чем ниже уровень общественного развития подчиняемых народностей или племен, тем опустошительнее эта «встреча двух культур» для их численности.

В силу неравномерности и противоречивости исторического процесса в тех колониальных странах, где до «встречи с европейцами» созревали условия разложения феодальной формации, как это имело место в Индии, и где капитализм был, так сказать, на очереди, первые опустошительные для численности населения результаты подчинения иностранному капиталу сменились в связи с развитием местного капитализма тенденциями роста населения. Эти тенденции так же непрочны, как всегда был непрочен и лишь относительно прогрессивен колониальный капитализм, «деформированный» господством иностранного капитала и прочными феодальными пережитками.

Колониальная буржуазия старается развернуть «практическую деятельность» капитала по линии уменьшения численности народа, давая этой деятельности «обоснование» в «теоретических» трудах своих экономистов. До какой степени находятся под влиянием мальтузианства индийские буржуазные экономисты, видно хотя бы из того, что даже повышение производительности труда они умудряются поставить в связь со стабилизацией или уменьшением численности населения. Так, уже цитированный Раджани Канта Дас в работе, посвящен-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 274.

ной проблеме производительности труда, пишет: «Но трудности могут быть преодолены, если мы ограничимся нынешней численностью населения Индии по крайней мере для следующего полувека»¹.

Общий кризис капиталистической системы превращает угрозу вымирания населения «передовых» империалистических стран в ближайшую перспективу, в реальный факт в связи с превращением резервной армии безработных в постоянную армию безработных.

В связи с этим, во избежание неясностей, укажем на следующее.

Постоянная армия безработных в Индии появляется раньше, чем в развитых капиталистических странах, о чем говорилось выше. Этот факт является такой же иллюстрацией ленинского положения об империализме, как капитализме загнивающем, как и отмеченное им закономерное снижение удельного веса промышленных рабочих в составе населения Англии при росте занятых «обслуживанием» и торговлей.

Почему же постоянная армия безработных в Индии, хотя и появилась она раньше, чем, скажем, в Англии или США, не оказала такого воздействия на ограничение численности семьи в рабочем классе, как в этих странах?

Превращение резервной армии в постоянную армию безработных в капиталистических странах постоянно замалчивается в буржуазных работах, а если нельзя почему-либо обойти факта наличия безработицы, то масштабы ее систематически преуменьшаются и в документах, и в «теориях». Истинные ее размеры, кроме того, маскируются «неполной занятостью». Но рабочий класс и трудящиеся фермеры капиталистических стран Европы прекрасно «практически» знают о существовании и размерах безработицы. И напрасно Элеонора Рузвельт ратует за «расследование» того обстоятельства, которое не в состоянии были скрыть буржуазные исследователи, а именно — голодания каждого седьмого человека в США. Эти демагогические фразы уже не могут обмануть рабочий класс США, отлично понимающий истину. Рабочие знают и об «избытках» продовольствия, земли, товаров, капиталов и еще более о «лишних» людях. И поэтому они, находясь под влиянием буржуазии, ограничивают рождаемость.

А в Индии постоянная армия безработных существует преимущественно в скрытой форме. Люди «заняты» (хотя бы собиранием навоза на полях) и живут надеждой на лучшие

¹ The Industrial Efficiency of India, стр. 94.

времена. В развитых, перезревших капиталистических странах подобные иллюзии отпали.

В Индии, по приводившимся расчетам проф. Р. Мукерджи, продовольствия нехватает «каждому восьмому» (12%). Может быть, и в самом деле эти цифры — соотношение «каждого седьмого» в США к «каждому восьмому» в Индии — достаточно отражают факт более значительного удельного веса постоянной армии безработных в составе населения США. Но дело не в этом. Дело в том, что в США капитализм полностью и до конца исчерпал себя, и ничем не замажешь факта существования постоянной армии безработных и абсолютного обнищания пролетариата.

В то же время существование Советского Союза, рост его могущества и повышение благосостояния народных масс страны социализма, возникновение стран народной демократии и революционный пример Китая воодушевляют народы колониальных стран на борьбу против капитализма.

Все более широкие массы народов всех стран видят, что капитализм превращает процесс труда в «систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда»¹, а социализм превращает труд в дело чести, дело доблести и героизма. Ширятся ряды борцов в колониальных странах за уничтожение иностранного господства, за подлинную независимость, за ликвидацию феодальных пережитков, за демократическое переустройство всей жизни.

Как бы отражая рост сознания трудящихся масс колоний, делегат Алжира Мардуз на Вроцлавском конгрессе сказал: «Советская Армия разгромила нацистские полчища. Потухли печи Майданека и Освенцима. Но не уничтожены и продолжают действовать печи колониального произвола, в огне которых сгорают многие миллионы человеческих жизней».

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПЕКУЛЯЦИИ ВОКРУГ ВОПРОСА О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ

Краткий политический смысл изысканий индийских буржуазных экономистов, как уже неоднократно указывалось, сводится к попытке отвлечь массы от борьбы против империалистической кабалы и социально-экономического гнета внутри страны, переключить их энергию на «борьбу» с «чрезмерно высокой» рождаемостью, заставить их «дождаться» плодов ограничения рождаемости, того «золотого века».

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 432.

который наступит после уменьшения численности населения Индии.

Но руководящие политики, выполняя заказ собственной крупной буржуазии и помещиков, идут еще дальше. Стремясь обелить капитализм, снять с него вину за явственную угрозу вымирания населения империалистических государств, Дж. Неру пишет: «Что неверно в современной цивилизации, которая... дает сигналы бесплодия и расового вырождения? Но здесь нет ничего нового, это случалось и раньше, история полна подобных примеров. В императорском Риме периода его упадка было много хуже. Существует ли какой-то цикл, управляющий этим внутренним упадком, сможем ли мы найти и элиминировать причины? Современный индустриализм и капиталистическая структура общества не могут быть единственными причинами, так как вырождение часто случалось без них»¹

В связи с этим утверждением Дж. Неру, оставляя в стороне вопрос о причинах намечающегося вырождения населения империалистических государств, необходимо отметить допускаемую им аналогию с императорским Римом, т. е. с вопросом о воспроизводстве населения в рабовладельческой формации.

Для Дж. Неру вопрос этот стал бы яснее, если б он заглянул в очень недавнюю историю чайных плантаций Ассама, где во второй половине XIX в. можно было наблюдать действие закономерностей народонаселения, свойственных рабовладельческой формации. По данным Ассамского правительства («Ассам Лейбор Репорт» за 1926 г.), за время с 1863 по 1866 г. из ввезенных в два округа Ассама 84 915 кули умерло 30 000 человек. Тогда плантаторы контрактывали кули на пять лет и старались выжать из них все силы за этот срок.

Перед войной Неру посетил Ассам. Вот как он описывает свои впечатления от посещения плантаций: «Вид этих рабочих, мужчин и женщин, был нехороший, и с их стороны было много жалоб. Некоторый прогресс был достигнут — по крайней мере в отношении законодательства — с тех дней, когда эти рабочие являлись законтрактрованными кули, практически находившимися в рабстве. Но, в действительности, я сомневаюсь в том, изменилось ли их материальное положение»².

Действительно, материальное положение изменилось очень слабо, но некоторый формальный метаморфоз произошел.

¹ J. Nehru. The Discovery of India. London, 1945, стр. 477.

² J. Nehru. The Unity of India, L., стр. 196.

Кули сейчас наемные рабочие, над которыми довлеет значительный груз пережитков рабства. Глава колониальной администрации Ассама, комментируя официальные данные за 1926—1929 гг. по детской смертности на плантациях, исчисленной в 20,2%, заявил, что статистике детской смертности трудно верить, если она показывает меньше 33%. В течение нескольких лет на отдельных плантациях велся учет мертворождений, и в пяти районах, где велся этот учет, на 569 родившихся детей было зарегистрировано 113 мертворожденных. Маркс в «Капитале» специально отметил — как специфическую закономерность «естественного» воспроизводства рабов на плантациях южных штатов в США — то обстоятельство, что «производство рабов» осуществлялось в «кукурузных» штатах, отдаленных от побережья, а использование этих рабов, приводившее их к смерти от истощения в течение нескольких лет, осуществлялось на хлопковых и прочих плантациях. Хищническое использование живой силы рабов, не обеспечивавшее простого воспроизводства рабов, не является чем-то случайным. Это — закономерность, присущая рабовладельческому строю. Рабовладельческие республики и империи существовали в окружении патриархальных народов, и захват рабов в этой среде являлся жизненной необходимостью для стран, где господствовали рабовладельцы. Энгельс пишет: «Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения (разрядка моя.— Г. Ш.), упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства»¹.

Никакого таинственного цикла не нужно искать для объяснения отмеченных в истории «случаев», как выражается Неру, уменьшения населения. В одном «случае» произошел кризис рабовладельческого строя, а в «случае», который наблюдается в империалистических государствах в наше время, находит свое выражение общий кризис капиталистической системы.

До какой степени индийские либералы не оригинальны, видно из следующего. В США, наряду с усиленным распространением спиритизма, оккультизма и прочих проявлений «духовной жизни» буржуазии пятидесятых годов прошлого века, вновь вытаскивается жупел угрозы миру в связи с «чрезмерным» ростом населения в Азии, напоминающий те кампании против «желтой опасности», которые сопровождали каждый шаг колонизаторов в их борьбе за «открытие» Китая.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

Вот что пишет, например, некий Ласкер: «Перенаселена ли Индия, это неясный вопрос. Но несомненно, если рост населения Индии будет происходить нынешними темпами, то это будет угрожать миру»¹.

Правда, теперь пропаганда «опасностей», угрожающих «миру» от стран с возрастающим населением, исходит из кругов, претендующих на «закрытие» национально-освободительного движения в Азии, но, как известно, «сие от них не зависит...».

Сняв с капитализма обвинение в причинах вымирания населения империалистических государств, Неру стремится разоружить народы в борьбе против империализма.

По мнению Дж. Неру, факт приостановки роста населения свидетельствует о том, что «в Европе великие колониальные державы прошлого показывают определенные признаки того, что они прошли стадии экспансии и агрессии»². Книга Неру издана в 1945 г. В это время весьма отчетливо обозначились все направления в международной политике после войны. «Старая Англия» показывала пример «воздержания от экспансии и агрессии» в Греции, Эфиопии, итальянских колониях и т. д. в духе «международной кооперации». Действуя, как выразился Неру, «в рамках мира», Англия помогла французским колонизаторам во Вьетнаме и голландским — в Индонезии. На родине Неру — в Индии — английские политики стравливали индусов и мусульман, обнаружив трогательную заботу о будущем Индии путем «уменьшения численности» ее населения в междоусобной резне. «Старые европейские государства» охотно объединились в группу, в которой деятельными участниками оказались «европейцы» Чан Кай-ши и Эварт, организаторами — «европейцы» даллесы и ванденберги, вдохновителями — рокфеллеры, морганы и прочие немногочисленные «семейства» Нового и Старого света. Это вовсе не группировка государств, вынужденных к мирной деятельности «отсутствием роста населения». Это блок агрессоров и поджигателей войны, объединяемых «всемогущим» долларом в интересах новых претендентов на мировое господство и объединяющих вокруг себя таких мракобесов и врагов собственных народов, как греческие цалдарисы, филиппинские «ромуло и ремы», китайские чаны и суны и прочие квислинги и франко, перекрашенные или в натуральном виде, жмущиеся к «доллару» по многим причинам, важнейшей из которых

¹ B. Lasker. *Asia on the move*. N. Y. 1945, стр. 195.

² J. Nehru. *The Discovery of India*, стр. 476.

является страх перед растущим сознанием собственных народов, поднимающихся на борьбу за ликвидацию национального и социального бесправия.

К счастью для всех народов, СССР является могущественной мировой державой, последовательно борющейся за справедливое, демократическое решение международных вопросов, стоящей во главе антиимпериалистического фронта свободлюбивых народов вместе с государствами народной демократии.

3. ПЕТРУНИЧЕВА

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КНЯЖЕСТВЕ КАШМИР

(Его развитие и подъем в 1946—1947 гг.)

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КНЯЖЕСТВА ДЖАММУ И КАШМИР

Княжество Джамму и Кашмир расположено на крайнем севере Индии, в области Гималайских гор, по обе стороны реки Инда, и занимает чрезвычайно важное стратегическое положение. На северо-востоке княжество граничит с Китаем и узкой полосой Вахана, относящегося к афганской территории.

Княжество Джамму и Кашмир — одно из крупнейших индийских княжеств. По территории (210 880 кв. км) ¹ оно уступает только Хайдарабаду, а по населению (4 021 626 человек) ² стоит на четвертом месте (после Хайдарабада, Майсура и Траванкура).

Исторически княжество Джамму и Кашмир образовалось после первой англо-сикхской войны, в 1846 г., в результате продажи англичанами бывшего сикхского владения княжества Кашмир мелкому феодалу из догрских раджпутов, радже княжества Джамму Гулаб Сингу. Последний оказал англичанам «важные» услуги в войне против сикхов, и поэтому богатейшие, плодороднейшие и густо заселенные земли Кашмира были проданы Гулаб Сингу по Амритсарскому договору за ничтожную сумму в 75 лакхов сикхских рупий.

Но англо-индийское правительство посадило в княжестве своего резидента и сохраняло за собой «верховную власть» (Paramount Power), т. е. контроль над внешними сношениями, право вмешательства во внутренние дела княжества и даже

¹ Census of India, 1941, т. I, ч. 1.

² Там же.

право отстранения махараджи от власти «в случае плохого управления». Например, махараджа Пратаб Синг был отстранен от власти в 1884 г. по обвинению в измене. Английский резидент находился в Кашмире вплоть до 15 августа 1947 г.

В административном отношении княжество Джамму и Кашмир делится на три основные части: провинцию Джамму (юго-западная часть княжества, долина р. Ченаб), провинцию Кашмир (к северу от Джамму, долина р. Джелам) и пограничные округа (Frontier Districts) — горные области на севере княжества (Ладакх, Гильгит и Пограничные районы).

При этом более $\frac{3}{4}$ всей территории княжества приходится на пограничные округа, население которых составляет менее одного процента населения княжества (288 тыс. человек) ¹. Эта часть княжества сплошь занята горными хребтами. Здесь расположены высочайшие отроги Гималаев и Кара-Корума. В горах имеется много полезных ископаемых: каменный уголь, железная руда, никель, хром, цветные металлы (серебро, цинк, медь, золото), нефть, бокситы, асбест, фосфор.

Население пограничных округов — многочисленные мелкие отсталые племена, живущие в горных и речных долинах и занимающиеся земледелием, скотоводством и охотой. У некоторых племен пограничных округов сохранились пережитки родового строя: они живут небольшими общинами, которые управляются советом старейшин и народным собранием (республики Дарель, Танжер, Гор) ². Другие племена управляются мелкими феодальными владетелями (крохотные княжества Хунза, Нагар, Пуниал, Ясин, Кух, Чилас, Ишкоман и др.) ³.

Племена Гильгита говорят на различных диалектах дардской группы языков (наиболее распространенным диалектом является шина). По религии племена Гильгита — мусульмане. Среди племен Ладакха распространены различные диалекты языка бхотия, т. е. тибетского языка. Ладакх — единственный район княжества, где преобладает буддизм, что, несомненно, связано с соседством Тибета.

Пограничные округа — важнейшая в стратегическом отношении часть княжества, в особенности Гильгит, расположенный у самого скрещения границ Индии, Китая, СССР и Афганистана. Недаром британские стратеги называют Гильгит «щитом империи», «северным барьером Индии» ⁴.

¹ Census of India. 1931, т. XXIV.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Газ. «People's Age», 25 июня 1947 г.

Ввиду этого пограничные округа и были выделены властями княжества в особую административную единицу, между тем как административное деление между провинциями Джамму и Кашмир создано исторически.

До объединения в 1846 г. под эгидой махараджи Гулаб Синга Кашмир не имел ничего общего с Джамму и развивался совершенно самостоятельным и обособленным путем. Поэтому провинция Кашмир до сих пор является экономически самодовлеющим районом, почти не связанным с провинцией Джамму. Население провинции Кашмир имеет свой особый язык, свою историю и культуру, здесь сложилась самостоятельная кашмирская нация, отличная от населения Джамму.

Провинция Джамму. Наиболее значительную часть населения провинции Джамму составляют догры (из 1 млн. 788 тыс. человек, живущих в Джамму, 550 тыс.¹ говорят на языке догры).

Догрская народность сложилась уже давно; еще в XIV в. писатель Амир Хусрав упоминает догров под именем дугаров, но догры до сих пор не являются сложившейся национальностью.

По религии догры — индусы. Господствующее положение среди них (и во всем княжестве) занимает каста раджпутов. Махараджа Гулаб Синг, основатель княжества, происходил из догрских раджпутов, и «расширение его владений привело к выдвиганию его братьев по касте, которые и были преимущественно орудием завоевания и управления зависимых от Джамму территорий»².

Таким образом, догрские раджпуты — это воинская и правящая каста. Служба в армии княжества — их монополия: на гражданской службе они получают 80 из 100 важных назначений; им даруется большая часть джагиров (раджпутские джагирдары владеют значительной частью земель не только в Джамму, но и в Кашмире); в Законодательном собрании княжества догрским раджпутам определено 10 из 30 мест, хотя численность этой крошечной общины не превышает 3% всего населения княжества (132 000 человек).

При таком привилегированном положении раджпуты не хотят никаких перемен и осуждают даже куцые реформы, проводимые в княжестве. Поэтому догрские раджпуты и их организация — Раджпутская конференция в Джамму — являются самой реакционной силой в княжестве.

¹ Census of India, 1931, т. XXIV.

² F. Drew. The Northern Barrier of India. London. 1877, стр. 24.

Кроме догров-индусов, в провинции Джамму живут мусульмане, говорящие на панджаби. Они населяют южные округа провинции (Мирпур, Джамму и Риаси), пограничные с Пенджабом. Говорящие на панджаби мусульмане Джамму близки панджабцам бывшей Британской Индии не только по языку и религии; между южной частью провинции Джамму и прилегающими районами Пенджаба существуют тесные экономические связи. Имеется налицо и общность политической жизни. Пенджаб, как известно, — один из важнейших очагов деятельности Мусульманской лиги, а говорящие на панджаби мусульмане Джамму поддерживают Мусульманскую конференцию — филиал Мусульманской лиги в княжестве.

Как и панджабцев бывшей Британской Индии, население Джамму, говорящее на панджаби, нельзя причислить к сложившимся нациям.

Догры и говорящие на панджаби мусульмане южных районов составляют свыше половины населения провинции Джамму. В горных районах провинции (на северо-западе в джагире Пунч и на северо-востоке в округе Уджампур) живут племена и народности, говорящие на различных диалектах западного пахари. Кроме того, в Джамму живут полукочевые скотоводы-гуджары, говорящие на особом диалекте языка раджастанхани¹.

Обе провинции, как Джамму, так и Кашмир, — сельскохозяйственные. Промышленность в основном сосредоточена в провинции Кашмир. Основные сельскохозяйственные культуры Джамму — кукуруза и рис, однако она не обходится собственным зерном и вынуждена ввозить его из Кашмира и Пенджаба даже в урожайные годы. Один из крупнейших городов провинции и зимняя столица всего княжества — Джамму (38 613 человек)², но важнейшим городом княжества и его летней столицей является город Сринагар, находящийся в провинции Кашмир.

Провинция Кашмир (долина р. Джелам) — главный экономический район княжества. Этому способствует и географическое положение Кашмира, и его природные условия.

Кашмир — один из прелестнейших уголков Индии. Недалом в древности его называли «счастливой долиной», «долиной жизни», «земным раем Индии».

В средние века Кашмир был излюбленной летней резиденцией могольских императоров, а в новое время превратился

¹ Раджастанхани — язык населения Раджпутаны.

² Census of India, 1931, т. XXIV.

в своеобразную «азиатскую Швейцарию». Накануне второй мировой войны Кашмирскую долину посещало ежегодно свыше 25 тыс. туристов. Доход от туристов составляет важную статью бюджета княжества.

Кашмир — аграрная провинция. 96% его населения живут в деревне и связывают свое существование с землей.

Кашмирская долина является житницей княжества, она экспортирует зерно в Джамму и даже в Пенджаб. Основной сельскохозяйственной культурой Кашмирской долины является рис (вследствие обилия осадков и наличия развитой ирригационной сети); кукуруза стоит на втором месте.

В долине Кашмира сосредоточено $\frac{2}{3}$ городского населения княжества (232 660 человек, из них в г. Сринагаре — 173 573 человек¹) и большая часть промышленных предприятий.

Город Сринагар — важнейший промышленный центр княжества: здесь находится одна из крупнейших в Индии шелкоткацких фабрик, развито производство ковров, шалей, вышивок, изделий из папье-маше и серебра; имеется шерстяная фабрика. Шерстяная промышленность имеется также в деревнях в виде рассеянной мануфактуры. В 50 милях от Сринагара на реке Джелам расположена крупнейшая в княжестве гидростанция, в городе Барамулле имеется спичечная фабрика.

Этнический состав населения провинции Кашмир в отличие от пограничных округов и Джамму однороден. 90% населения составляют кашмирцы: из 1 млн. 569 тыс. человек, населяющих Кашмирскую долину, 1 млн. 413 тыс. человек говорят на языке кашмири. По религии подавляющее большинство кашмирцев — мусульмане.

Но молодая кашмирская нация подвергается жестокой дискриминации со стороны правящей в княжестве касты догрских раджпутов.

Язык кашмири, на котором в средние века имелась богатая литература, относится к дардской группе языков. В настоящее время он низведен до положения разговорного диалекта: на нем не издается никакой печатной литературы. Большинство газет в Кашмире выходит на урду (официальный язык княжества), некоторые — на английском языке. В средней школе преподается язык урду, в высшей — английский. В высшие учебные заведения княжества кашмирцы почти не имеют доступа; молодая кашмирская интеллигенция — это питомцы университетов Пенджаба и Соединенных провинций, преимущественно Алигархского мусульманского университета.

¹ Census of India, 1931, т. XXIV.

Кашмирцы не имеют доступа и в армию княжества; правом носить оружие обладают только догрские раджпуты.

Дискриминация по отношению к кашмирцам проводится и при распределении мест в государственном аппарате: за редкими исключениями кашмирцы вербуются только на самые второстепенные должности — писцов, младших сборщиков налогов, учителей начальной школы, полицейских и т. п.

Эта многосторонняя национальная дискриминация дополняется и усугубляется религиозной дискриминацией: 94% кашмирцев — мусульмане, а правящая в княжестве каста догрских раджпутов — индусы. Наиболее яркое выражение существующей в княжестве религиозной дискриминации — это закон «об убое коров», карающий за убой коровы или соучастие в нем тюремным заключением сроком до 10 лет.

Религиозная дискриминация в княжестве направлена в основном против кашмирцев и поэтому является по существу национальной дискриминацией.

Естественно, что на созданное догрской правящей кастой исключительное положение кашмирцы должны были ответить национальным движением.

Национальное движение — явление эпохи развития капитализма. Товарищ Сталин пишет об этом в своей работе «Марксизм и национальный вопрос»: «Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение»¹.

Зарождение капитализма в Кашмире относится к концу XIX в., наиболее интенсивное развитие — к 20-м годам XX в.; зарождение и первый этап кашмирского национального движения датируются началом 30-х годов XX в. (1931—1934 гг.).

С конца XIX и начала XX в. в Кашмире развиваются торговля и пути сообщения: деревенская домашняя промышленность сменяется рассеянной мануфактурой (особенно развилась в Кашмире шерстяная мануфактура в связи с движением за свадеши в Индии, которое вызвало повышение спроса на кашмирские грубошерстные ткани). С начала 20-х годов XX в. в Сринагаре и других городах Кашмирской долины появляются уже настоящие фабрики, оборудованные по последнему слову техники.

Рабочие этих фабрик — разорившиеся крестьяне и ремесленники — образуют молодой кашмирский пролетариат.

Одновременно вырастает и другой новый капиталистический класс — кашмирская буржуазия. Средневековый купеч-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 304.

скупщик ремесленных изделий превращается во владельца мануфактуры, первичного капиталистического предпринимателя.

Но молодая кашмирская буржуазия очень слаба, так как ее развитие задерживается режимом национальной дискриминации, установленной правящей в княжестве кастой догрских раджпутов. Все крупнейшие промышленные предприятия Кашмира принадлежат правительству махараджи, управляются и эксплуатируются исключительно догрскими чиновниками.

Догрской правящей касте принадлежит право бесконтрольного распоряжения ископаемыми богатствами Кашмира. Кашмирский капитал ограничен не только в области промышленности, но и в области торговли.

Ущемленная в сфере экономических интересов, кашмирская буржуазия не допускается и к участию в политической жизни княжества. Крупный англо-индийский чиновник А. Баннерджи, посетивший княжество в 1922 г., таким образом характеризует положение кашмирской буржуазии: «Этот класс населения угнетен и не имеет возможности подняться ни на государственной службе, ни в торговле или в промышленности»¹. Стесненная со всех сторон кашмирская буржуазия приходит в движение и поднимает знамя буржуазного национализма.

Но национальное движение развивается в Кашмире уже в XX в., в эпоху империализма, и поэтому не может быть исключительно движением буржуазных верхов. Товарищ Сталин говорит, что в эпоху империализма национальное движение носит глубоко народный, глубоко революционный характер, внутренняя мощь его заключается в крестьянском движении: «крестьянство представляет основную армию национального движения»².

Кашмирское крестьянство больше всех страдает от гнета национальной дискриминации и феодально-бюрократического деспотизма догрской правящей касты. Крестьяне кашмирцы угнетаются догрскими помещиками, грабятся догрскими чиновниками и усмиряются догрскими солдатами. Они лишены права носить оружие и обучать своих детей в школе на родном языке — кашмири; к оскорблениям национального чувства прибавляются всевозможные религиозные ограничения.

Таким образом, невыносимый феодальный гнет, которому подвергается кашмирское крестьянство, олицетворяется для

¹ P. N. Bazaz. Inside Kashmir. Srinagar, 1941.

² И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 71.

него феодально-бюрократической догрской кастой, ненавистной догрской династией; восставая против феодального рабства, крестьяне выражают и свой протест против национального угнетения, против обращения с кашмирцами, как с подчиненной расой.

Поэтому крестьянское антифеодальное движение действительно становится основной силой, основным содержанием национального демократического движения в Кашмире, и первый этап кашмирского национального движения был ознаменован могучим крестьянским восстанием 1931—1933 гг.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В КАШМИРЕ в 1931—1933 гг.— ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ КАШМИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО, ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Положение кашмирского крестьянства определяется системой земельной собственности в Кашмире. До 1933 г. верховная собственность на землю в Кашмире принадлежала махарадже, землю которого держали крестьяне (ассаами — крестьянский держатель, по кашмирской терминологии) и помещики — джагирдары, чакдары и муафидары.

Большинство джагирдаров Кашмирской долины — догрские раджпуты.

Крестьянский держатель ассаами обладал «постоянными и наследственными правами на держание»¹ и не мог быть согнан с земли, пока он платил налоги. Но ассаами не имел права продавать или закладывать свой участок, и таким образом он являлся не собственником земли, а как бы наследственным арендатором-издольщиком государства. Помещик-джагирдар тоже не являлся собственником джагира, а только наследственным или даже пожизненным владельцем. Эта феодальная система земельной собственности постепенно подрывается развитием в Кашмире капиталистических отношений. Земля переходит в руки ростовщиков и торговцев, создается значительный слой помещиков не джагирдаров; в общем наблюдается тенденция к превращению феодальных держаний в частную земельную собственность. Джагирдары стремятся получить в частную собственность свои владения, а кашмирский торговый и ростовщический капитал хочет добиться предоставления прав собственности на землю крестьянам, чтобы перекупить у

¹ W. Lawrence. The valley of Kashmir. London, 1895, стр. 429—430.

них землю. Так, в 1924 г. несколько видных кашмирских купцов и джагирдаров представили индийскому вице-королю Ридингу меморандум с требованием предоставления прав собственности на землю¹.

При такой почти средневековой системе землевладения положение крестьянства было крайне тяжелым. Кашмирские крестьяне не имели прав собственности на землю. За неуплату налогов крестьянин мог быть согнан с земли, а между тем, земельный налог в Кашмире был вдвое выше, чем в соседнем Пенджабе. Кроме основного поземельного налога, крестьянство было придавлено бременем многочисленных дополнительных налогов и незаконных поборов со стороны чиновников, известных в Кашмире под названием «расум».

Автор чрезвычайно ценной работы о кашмирском национальном движении кашмирец Прем Натх Базаз пишет о взяточничестве чиновников в Кашмире: «это такое регулярное и методическое явление (начиная от плохо оплачиваемых низших чиновников до самых высших), что народ считает его не беззаконием, а правом чиновников. Если же кому-нибудь вздумается жаловаться, то можно быть уверенным, что суд решит дело не в пользу бедняка-крестьянина, а в пользу своего брата-чиновника»².

Настоящим бичом кашмирского крестьянства является бегар — отвратительный пережиток средневековья, чисто феодальный институт. Бегар — это система принудительных работ (кар-и-саркар — работа для государства), дающая возможность махарадже и от его имени любому чиновнику требовать от крестьян выполнения работ самого разнообразного характера — перевозки грузов в Гильгит по непроходимым дорогам, участия в качестве загонщиков на охоте, в качестве факельщиков на свадьбе князя и крупных чиновников и т. д. Работы эти не оплачиваются; за отказ от их исполнения применяются тюремное заключение и порка.

Чтобы выплатить все налоги и подати государству и чиновникам их «расум», крестьяне вынуждены залезать в долги. По неполным подсчетам, 70% деревенского населения Кашмира находится под гнетом долгов³. Долги переходят по наследству, от отца к сыну; «крестьяне рождаются, живут и умирают в долгах»⁴. Очень часто выплаченные проценты в несколько раз превышают сумму долга, так как ростовщики

1 Р. N. B a z a z. Указ. соч., гл. IX.

2 Там же, гл. IX.

3 Там же, гл. X.

4 Там же.

запутывают в расчетах неграмотных крестьян (среди кашмирского крестьянства всего 1,6% грамотных, в сотнях деревень ни один человек не умеет подписать своего имени).

Положение крестьян на землях джагирдаров не лучше, чем положение ассамии; они не платят специального сбора «маликана» («следующее хозяину, собственнику») и освобождены от бегара, но зато джагирдар облагает их различными сборами в свою пользу. Имеется еще одна категория кашмирского крестьянства, наличие которой показывает довольно глубокое расслоение в кашмирской деревне. Это — безземельные сельскохозяйственные рабочие. Летом они работают на землях помещиков; зимой — копают каналы, рубят лес, уходят на заработки в Пенджаб¹.

Таково положение кашмирского крестьянства. Даже вполне лояльный наблюдатель, англо-индийский чиновник А. Баннерджи, вынужден признать, что «кашмирские крестьяне живут на грани истощения, и их жизненные условия неопишимо плохи»².

Еще яснее говорят цифры: «Меньше 11 рупий — вот средний ежегодный доход на душу населения в Кашмире; сравните это с цифрой для всей Индии, которая равняется 56 рупиям. Вы знаете, что такое бедность в Индии. Бедность в Кашмире в пять раз хуже»³.

Невыносимый гнет должен был вызвать к жизни могучую силу отпора. И вот в 1931 г. забытые и терпеливые кашмирские крестьяне, — те самые кашмирцы, которых англичане с издевательской иронией называли «зулм-параст» (поклонники произвола), в мощном и яростном порыве поднялись против своих угнетателей.

1931 год — год высокого революционного подъема как в Британской Индии, так и в ряде княжеств. Движение кашмирского крестьянства в 1931 г. тесно связано со всей остальной Индией, и влияние могучего общеиндийского антиимпериалистического движения является одной из важнейших причин проруждения Кашмира. Недовольство крестьян усугублялось неурожаем 1929, 1930 и 1931 гг. и мировым экономическим кризисом, а также усилением режима национальной и религиозной дискриминации при махарадже Хари Синге, внушившем к себе такую ненависть кашмирского народа, как ни один из предыдущих догских правителей.

¹ Census of India, 1931, т. XXIV.

² P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. X.

³ R. C h a n d r a. Salute to Kashmir. «People's Publishing House», Bombay, 1946, стр. 3.

Восстание кашмирского крестьянства в 1931 г. по размаху можно сравнить только с крестьянской войной в Бирме (1930—1932 гг.).

В восстании участвовало свыше 100 тыс. человек. Крестьяне отказывались платить налоги и феодальную ренту; избивали сборщиков налогов и громили дома ростовщиков и джагирдаров. Это была настоящая крестьянская война.

Повстанцы не ограничились тем, что громили помещиков в своих деревнях. Образовалась настоящая крестьянская армия численностью до 18 тыс. человек, которая с боями заняла несколько городов Кашмирской долины и подступила к самой столице — г. Сринагар¹.

Городская беднота Сринагара — рабочие и ремесленники — горячо откликнулась на лозунги крестьян против ненавистного догрского махараджи.

Положение сринагарских рабочих было не менее тяжелым, чем положение кашмирских крестьян. В меморандуме, представленном повстанцами махарадже в конце 1931 г., говорится: «Условия работы в Кашмире очень печальные»². Условия эти действительно ужасны. Несмотря на то, что сринагарские фабрики (шелковая и шерстяная) оборудовались по последнему слову техники, эксплуатация рабочих носит в полном смысле слова феодальный характер. Не было никаких законов о регулировании рабочего времени, об охране труда. Таких законов не существует в Кашмире и в настоящее время. Не менее тяжело положение сринагарских ремесленников, которые за горсточку риса работают вместе с семьей чуть ли не круглые сутки и жестоко эксплуатируются скупщиками.

При таком положении неудивительно, что городская беднота Сринагара живо откликнулась на выступление крестьянства Кашмирской долины. В городе началось брожение. На стенах домов появились плакаты с угрозами махарадже и его правительству. То здесь, то там собирались толпы народа; они разгонялись полицией, но рабочие вступали в стычки с полицейскими. Чаще всего эти стихийные собрания происходили у двух главных мечетей Сринагара — Джамма Масджид и Ханка-и-Муалла.

На одном из таких собраний у Ханка-и-Муалла 21 июня 1931 г. на трибуне появился «патхан Абдул Кадир и произнес

¹ «Коммунистический интернационал», № 25—26, 1933.

² И. М. Рейснер, Подъем крестьянского движения в Индии. Журн. «Аграрные проблемы», № 10—11, 1932.

зажигательную речь, направленную против махараджи Хари Синга, жестоко угнетающего своих подданных»¹, «высказав то, что давно хотел сказать каждый кашмирец»².

Абдул Кадир был арестован и предан суду по обвинению в «подстрекательстве к бунту». Процесс велся при закрытых дверях, но у стен тюрьмы, где происходил суд, ежедневно собирались толпы народа.

13 июля 1931 г., в день объявления приговора (5 лет строгого тюремного заключения), около тюрьмы собралось несколько тысяч человек. Обеспокоенное правительство вызвало войска. «Но власти думали встретить робких и терпеливых кашмирцев прошлого, а это были новые кашмирцы»³, они отказались уйти от тюрьмы. Тогда полиция и войска стали стрелять по толпе. Люди были безоружны, но они оказали сопротивление — подожгли грузовики с полицией, выломали ворота тюрьмы, вытащили оттуда постели и, положив на них убитых и раненых, прошли таким образом по всему городу. 22 человека было убито; «их окровавленная одежда стала знаменем восстания»⁴. Впоследствии Национальной конференцией Кашмира 13 июля было объявлено «днем мучеников». Ежегодно в этот день на кладбище, где похоронены 22 убитых, собираются тысячи людей, произносятся речи, возлагаются цветы. «Этот день — 13 июля 1931 г. — открыл новую главу в истории Кашмира. В расстреле 13 июля, в крови 22 родилось кашмирское национальное движение»⁵.

13 июля явилось поворотным пунктом в развитии событий 1931 г. До этого дня кашмирская буржуазия сохраняла известную лояльность по отношению к махарадже, хотя у нее и было много оснований для недовольства правлением догрской династии.

После 13 июля, показавшего мощь народного подъема, кашмирская буржуазия пытается использовать колоссальную энергию массового движения городской бедноты и крестьянства в своих интересах. Кашмирская мусульманская буржуазия⁶, стремится возглавить народное движение, встать у его руля и повернуть этот руль в нужном ей направлении. Но не

¹ Р. N. V a z a z. Указ. соч., гл. IV.

² Журн. «People's Age», 21 июля 1946 г.

³ Там же.

⁴ Р. N. V a z a z. Указ. соч., гл. IV.

⁵ Там же.

⁶ Индусская буржуазия Кашмира и вся индусская община кашмирцев (кашмирские пандиты) на данном этапе в движении не участвуют, о них будет речь в третьем разделе.

только кашмирская буржуазия выступает после 13 июля против феодально-бюрократического догрского самодержавия. Кашмирские помещики-мусульмане и даже такая реакционная сила, как мусульманское духовенство Кашмира, тоже пытаются за счет революционного подъема народных масс добиться от махараджи ограничения задевающего их интересы режима религиозной дискриминации в княжестве.

Кашмирская мусульманская буржуазия, помещики и духовенство, пристроившись к народному движению, пытались отвести стихийное крестьянское антифеодальное движение в религиозное русло. Они надеялись таким путем, выдавая себя за защитников интересов всей мусульманской общины кашмирцев, затушевывая классовый антагонизм, обеспечить за собой руководство народным движением.

Имущие классы Кашмира также хотели путем ограничения религиозно-общинными рамками ослабить размах могучего крестьянского движения, которое угрожало не только догрским джагирдарам, но и помещикам-кашмирцам.

Застрельщиком выступления имущих классов Кашмирской долины против догрского самодержавия явилась мусульманская интеллигенция Кашмира. Юноши-мусульмане из состоятельных семейств, получившие образование в колледжах и университетах Соединенных провинций и Пенджаба, не имели в княжестве доступа к государственной службе даже в качестве писцов. Эти безработные интеллигенты еще до революционного подъема 1931 г. создали в Сринагаре небольшой кружок, регулярно собиравшийся в читальне Фатех Кадал.

Среди посетителей читальни был шейх Мохаммед Абдулла, впоследствии создатель и глава Национальной конференции Кашмира, тогда молодой человек, только что окончивший Алигархский университет и никому не известный.

На собраниях «Партии читальни» обсуждались вопросы о необходимости введения гражданских свобод в княжестве, создании законодательного органа и т. п. Но к началу 1931 г. «Партия читальни» подпала под сильное влияние мусульманских религиозно-общинных организаций Британской Индии: Мусульманской лиги и пенджабской секты Ахмади. Десятилетия религиозной дискриминации сделали мусульманскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию Кашмира благодарной средой для религиозно-общинной агитации. «Партия читальни» выставляет лозунг «Ислам в опасности» и призывает всех мусульман Кашмира совместно выступить против «Хинду радж» (индусского господства).

Но как религиозная дискриминация в княжестве является лишь одной из форм национального гнета, так и религиозная окраска движения кашмирской буржуазии прикрывает национальную сущность: призыв против индусского господства является лозунгом к свержению ненавистной догрской династии. Основными причинами, вследствие которых национальное движение кашмирской буржуазии приняло на первом этапе религиозную форму, были: режим религиозной дискриминации, проводимый правящей в княжестве кастой догрских раджпутов, влияние мусульманских религиозно-общинных организаций из Британской Индии, участие в национальном движении на данном этапе мусульманского духовенства и влияние его на идеологию движения и стремление имущих классов мусульман ограничить размах народного движения, направив его на религиозно-общинный путь.

Высшей точкой выступления кашмирской буржуазии, помещиков и духовенства против догрского самодержавия явилось опубликование «Партией читальни» в начале августа 1931 г. меморандума мусульманской общины.

В этот меморандум были включены следующие требования: предоставление мусульманам 70% мест в государственном аппарате княжества; устранение ограничений для доступа кашмирским мусульманам в высшие учебные заведения княжества; возвращение мусульманской общине собственности на мечети, находящиеся во владении правительства; отделение личной казны махараджи от общего государственного бюджета; введение свободы слова, печати, собраний; создание Законодательной ассамблеи, избранной на основе всеобщего избирательного права; предоставление права носить оружие народу Кашмира; снижение поземельного налога, отмена (или, по меньшей мере, оплата) бегара; передача крестьянам прав собственности на землю; улучшение «печальных условий труда» в Кашмире путем издания закона для обеспечения прав рабочих; приискание занятий для безработных путем индустриализации страны¹.

Для феодально-абсолютистского режима княжества это была программа прогрессивная, демократическая, хотя, конечно, очень умеренная. Такие мероприятия, как демократизация государственного строя, утверждение частной собственности на землю, индустриализация страны должны были открыть свободный путь капиталистическому развитию Кашмира. Но вышеприведенный меморандум является не только программой

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. IV.

изживания феодальной отсталости, программой буржуазного развития Кашмира. Это — национальная программа кашмирской буржуазии. Национальное движение как «движение эпохи поднимающегося капитализма» всегда является в своей основе антифеодальным.

Кроме того, меморандум включает такие чисто национальные требования, как «предоставление права носить оружие народу Кашмира». Требование о передаче крестьянам прав собственности на землю также касается исключительно кашмирцев, так как в провинции Джамму частная собственность на землю была введена еще в 1885 г.¹

Таким образом, меморандум мусульманской общины Кашмира, несмотря на религиозную окраску, является первой национальной программой кашмирской буржуазии. Буржуазия включает в свою программу и некоторые требования в интересах народных масс.

Но ни эти демагогические заигрывания с народом, ни попытки воздействовать на религиозные чувства народных масс и направить мощный поток народного движения в узкое религиозное русло не имели успеха.

Стихийное крестьянское антифеодальное движение не принимало руководства самозванных вождей — кашмирской мусульманской буржуазии, духовенства и помещиков, выдающих себя за выразителей интересов всей мусульманской общины.

Крестьяне с такой же яростью громили мусульманских чиновников, ростовщиков и помещиков, как и индусских. В газете «Таймс» от 8 июля 1931 г. сообщалось, что «кашмирские крестьяне забросали камнями и тяжело ранили несколько сборщиков налогов, в том числе тахсильдара — начальника округа мусульманина Абдул Гафар хана». Если бы не цензура, обусловленная стремлением английского правительства представить могучее крестьянское восстание в Кашмире как «взрыв религиозных страстей»², «религиозно-общинный бунт мусульман против индусов»³, газеты пестрели бы подобными сообщениями. Очевидец событий, кашмирский пандит Базаз, пишет, что «во время самых мощных демонстраций сринагарская беднота не тронула ни одного индусского дома, не обидела ни одной индусской женщины»⁴.

Возрастающий размах народного движения и неудача попыток навязать ему свою идеологию и руководство толкали

¹ W. Lawrence, Указ. соч., стр. 430.

² «Indian Review», октябрь, 1931

³ Там же.

⁴ P. N. Bazaz, Указ. соч., гл. V.

кашмирскую буржуазию, духовенство и помещиков к компромиссу с махараджей. 26 августа 1931 г. было заключено перемирие между махараджей и десятью мусульманскими лидерами.

Несмотря на предательство буржуазно-помещичьего руководства, движение народных масс не прекратилось.

Крестьянское восстание все шире разливалось в Кашмирской долине и перекинулось в провинцию Джамму (Мирпурский округ и джагир Пунч). По всему княжеству крестьянство отказалось платить налоги. Восемнадцатитысячная крестьянская армия стояла под Сринагаром. В городах Кашмирской долины и Джамму — Сринагаре, Анантнаге, Барамулле, Бадгауме, Мирпуре, Джамму — в сентябре 1931 г. происходили мощные демонстрации.

Крестьянское движение в провинции Джамму находит отклик в Британской Индии. Крестьяне пограничных с Джамму округов Пенджаба — Равальпинди и Сиалкота — стихийно создают добровольческие отряды — «джатхи», которые движутся на помощь повстанцам Мирпура и Пунча.

Против нарастающего народного движения правительство махараджи мобилизует полицию и войска. В Сринагаре вводится военное положение — так называемый ординанс 19-L, который дает властям право приговорить всякое лицо, обвиненное в призыве к бунту или в действиях, направленных против правительства, к трем годам тюремного заключения, 30 ударам розги или 1000 рупий штрафа.

Но все жестокости военного режима не помогли подавить народное восстание, пока махараджа Хари Синг не призвал английские войска, вступившие в Кашмир 4 ноября 1931 г.

Власть князей и феодальное землевладение в княжествах были важнейшими устоями британского империализма в Индии. Поэтому англичане не могли допустить подрыва власти своих ставленников-князей, тем более в Кашмире, с его важнейшей в стратегическом отношении пограничной линией.

При помощи английских войск и даже авиации массовое крестьянское движение в Кашмирской долине к концу 1931 г. было подавлено. В феврале 1932 г. подавлены последние вспышки движения в Мирпурском округе провинции Джамму.

«Мир и спокойствие» вернулись к населению Джамму и Кашмира¹ — елейно возглашает новый премьер-министр Кашмира английский полковник Колвин, лицемерно умалчивая

¹ G. de la Valett. Kashmir to day. «Asiatic Review», т. 29, N 97, 1933.

при этом, что «мир и порядок» были достигнуты ценой жизни тысяч людей, убитых «умиротворителями» и замученных в страшных кашмирских тюрьмах, ценой сотен сожженных деревень и вытоптанных полей.

Правительство махараджи применяло для подавления движения не только жесточайшие репрессии, но и политику уступок. В сентябре 1931 г. был снижен на 20—25% земельный налог. 5 октября 1931 г., в день своего рождения, махараджа Хари Синг объявил амнистию политическим заключенным, а также заявил, что «если мои подданные имеют ко мне какие-либо разумные просьбы, то они будут сочувственно рассмотрены»¹.

В ответ на это заявление махараджи все основные религиозные общины княжества представили ему свои требования (меморандум мусульманской общины был приведен выше).

Для рассмотрения этих требований махараджа Хари Синг в ноябре 1931 г. назначил комиссию из четырех человек — двух мусульман и двух индусов — под председательством англо-индийского чиновника Гланси.

Комиссия Гланси представила на рассмотрение махараджи следующие рекомендации: возвращение мусульманам собственности на мечети, находящиеся во владении правительства, повышение содержания мулл, развитие образования, особенно мусульманского (открытие доступа мусульманам в высшие учебные заведения княжества, повышение числа мусульманских учителей), изменение системы назначений на государственную службу таким образом, чтобы обеспечивались интересы всех религиозных общин (т. е. прекращение религиозной дискриминации в вопросе распределения мест в государственном аппарате), дарование крестьянам права собственности на землю, оплата бегара, снижение бремени косвенных налогов, тяготеющего на крестьянстве; проведение законов о крестьянской задолженности (определяется срок выплаты процентов, после чего долг аннулируется), индустриализация страны, демократизация государственного строя, введение свободы слова, печати, собраний, создание Законодательной ассамблеи.

Рекомендации Гланси осуществляют все основные требования меморандума, представленного махарадже мусульманской общиной.

Поэтому после опубликования рекомендаций Гланси мусульманское духовенство, помещики и верхний слой буржуа-

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. VI.

зии во главе с мир ваизом¹ мечети Ханка-и-Муалла Юсуф Шахом полностью солидаризировались с правительством, В дальнейшем юсуф-шахиты становятся партией оголтелой мусульманской реакции, объединяющейся с индусским махараджей для подавления национального демократического движения.

Средние слои буржуазии и буржуазная интеллигенция во главе с шейхом Абдуллой сохраняют положение лояльной оппозиции. Партия шейха Абдуллы оформилась в октябре 1932 г. под именем «Мусульманской конференции всего Джамму и Кашмира» (All Jammu and Kashmir Muslim Conference).

Здесь необходимо остановиться на одной важной особенности кашмирского национального демократического движения. Очевидно, что Мусульманская конференция создана подъемом национально-освободительного движения кашмирцев, а между тем она, судя по названию, не является чисто национальной кашмирской организацией. Дело в том, что национальное движение кашмирцев смыкается с демократическими движениями других народов княжества, также страдающих от феодального самодержавного режима и религиозной дискриминации.

Антифеодальный, демократический характер кашмирского национального движения позволяет кашмирцам объединиться с другими народностями княжества в общей борьбе против феодальных устоев в экономике и политической жизни, против ненавистного догского самодержавия. Аналогичным образом национальности Индии объединяются в общей борьбе против британского империализма.

Поэтому уже первый этап национально-освободительного движения кашмирцев в 1931—1932 гг. тесно связан с демократическими движениями других народностей княжества. Однако эти движения не носят национального характера, так как кашмирцы являются единственной в княжестве сложившейся нацией. Восстание крестьян в Кашмирской долине связано с крестьянским движением в Мирпуре и Пунче; мусульманская буржуазия провинции Джамму поддерживает демократические требования кашмирской мусульманской буржуазии. Мусульманская буржуазия Джамму участвовала в составлении меморандума, представленного махарадже; Мусульманская конференция — первая национальная органи-

¹ Титул главы мусульманской церкви Кашмира.

зация кашмирской буржуазии — создается как «Мусульманская конференция всего Джамму и Кашмира».

В течение нескольких лет после ее основания Мусульманская конференция была партией весьма лояльной оппозиции и боролась только за проведение в жизнь рекомендаций Гланси.

Борьба велась чуть ли не за каждый пункт, так как махараджа не торопился платить по выданным в период пужды векселям. Но все же основные требования были удовлетворены: повысилось число мусульман в государственном аппарате княжества¹, были улучшены условия мусульманского образования, мечети переданы мусульманскому духовенству, появились первые в княжестве газеты² и, наконец, в 1934 г. была создана Законодательная ассамблея³. Избирательное право было крайне ограничено: благодаря имущественному и образовательному цензу 97% населения княжества были лишены права голоса, из 75 членов Ассамблеи избирались только 33, остальные назначались, голосование производилось по религиозно-общинным куриям. Законодательная ассамблея номинально имела право контролировать бюджет княжества, но 36% бюджета, составляющие личную казну махараджи и издержки на армию, были изъяты из ее ведения; вся исполнительная власть сохранялась за махараджей и его правительством, а с законами, издаваемыми Ассамблеей, правительство не считалось.

Таким образом, кашмирская буржуазия получила от махараджи такие ничтожные уступки, которые не могли ее надолго удовлетворить.

Ради этих крох буржуазия предала интересы народных масс, так как последние ничего не получили от «реформ» Гланси: снижение налогов было очень кратковременным, бегар попрежнему не оплачивался, законы о крестьянской задолженности игнорировались, а передача земли в собственность крестьянству привела только к углублению расслоения деревни. Значительная часть земель ушла из рук беднейшего крестьянства, которое пополнило ряды сельскохозяйственного пролетариата. Таким образом, в результате закона о даровании прав собственности на землю крестьянам значительная

¹ «Indian Review», сентябрь, 1934.

² P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. XIII.

³ Все сведения о Законодательной ассамблее почерпнуты из «People's Age» от 2 июня 1946 г. и из статьи B. Dalal. The Jammu and Kashmir State Assembly first session. «Asiatic Review», т. 31, январь, 1935.

часть крестьянских земель перешла в руки кашмирского торгового и ростовщического капитала. «Земледельцы стали добычей хищного и жадного класса капиталистов»¹.

Несмотря на узость и ограниченность, реформы Гланси утверждали сложившиеся к тому времени в Кашмире капиталистические отношения и до некоторой степени способствовали дальнейшему развитию капитализма в «Счастливой долине».

Таковы были результаты революционного подъема 1931—1932 гг. в княжестве Джамму и Кашмир.

3. ОТ МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1932—1940 гг.)

Мусульманская конференция была создана в октябре 1932 г. в результате могучего революционного подъема 1931—1932 гг. Мусульманская буржуазия Кашмира не смогла навязать свое руководство и религиозно-общинную идеологию крестьянству и городской бедноте, но все же использовала массовый подъем в своих интересах, получив некоторые крохи с «обеденного стола» махараджи в виде «реформ» Гланси.

Мусульманская конференция была создана для закрепления «завоеваний» буржуазии княжества: в течение 4-х лет эта организация боролась исключительно за проведение в жизнь рекомендаций Гланси. В течение 1932—1936 гг. Мусульманская конференция была оторванной от масс узкой религиозно-общинной организацией. Осуществление рекомендаций Гланси не могло стать лозунгом народных масс, интересы которых совершенно игнорировались в этих рекомендациях.

Религиозные лозунги также не привлекали к Мусульманской конференции крестьян, движение которых и в 1931—1932 гг. не было религиозно-общинным.

Наиболее дальновидные члены Мусульманской конференции постепенно начали осознавать, что мусульманская буржуазия не в состоянии собственными силами защищать свои интересы.

Мусульманская буржуазия могла укрепить свои позиции путем обеспечения поддержки масс и путем союза с другими религиозными общинами княжества.

Для этого были необходимы демократизация программы Мусульманской конференции и отказ от узких религиозных

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. IX.

лозунгов. Так намечалась тенденция к превращению Мусульманской конференции, являвшейся оторванной от масс организацией мусульманской буржуазии, в Национальную конференцию — значительно более демократическую организацию, объединяющую представителей всех религиозных общин.

Уничтожению религиозно-общинного характера Мусульманской конференции в огромной мере способствовало усиление влияния Национального конгресса в княжестве. Влияние это проникало в княжество и прежде через связанную с Национальным конгрессом мусульманскую партию «Ахрар». Но во время революционного подъема 1931—1932 гг. влияние Национального конгресса в княжестве было незначительным — верховенство принадлежало Мусульманской лиге. После спада революционной волны положение изменилось, и в 1935—1936 гг. Кашмир покрылся сетью комитетов, организованных Национальным конгрессом. Проводником влияния Национального конгресса в княжестве служила индусская община Кашмира — община кашмирских пандитов.

Индуизм — древняя религия Кашмира, но подавляющее большинство населения Кашмирской долины было обращено в ислам мусульманскими завоевателями еще в XV в. Индуизм сохранила преимущественно высшая каста брахманов (по кашмирской терминологии — пандитов) ¹.

В общину кашмирских пандитов входит всего 3% населения Кашмирской долины (53 тыс. человек). Кашмирские пандиты — это самый образованный слой кашмирцев (среди кашмирских пандитов 63% грамотных). По социальному положению большинство кашмирских пандитов «принадлежит к среднему классу... Источником их существования является землевладение, правительственная служба и торговля» ².

Крупных джагирдаров среди кашмирских пандитов немного; к ответственным должностям в государственном аппарате они тоже не допускаются; из 763 важных назначений кашмирские пандиты получают только 74. Вышеупомянутый автор П. Н. Базаз называет их «общиной клерков и счетоводов» ³.

Таким образом, если религиозная дискриминация не задевает кашмирских пандитов, то они подпадают под действие

¹ В отличие от остальной Индии, где звание пандита носят только ученые брахманы, изучавшие санскрит и теологию, в Кашмире все брахманы-кашмирцы именуется пандитами, хотя бы они были неграмотны.

² P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. XI.

³ Там же.

национальной дискриминации и имеют много оснований для недовольства режимом, созданным правящей в княжестве догрской кликой.

Во время революционного подъема 1931—1933 гг. кашмирские пандиты не принимали участия в национальном демократическом движении, так как оно приняло на данном этапе религиозно-общинную мусульманскую идеологию.

После спада революционной волны община кашмирских пандитов раскололась. Крупные купцы, ростовщики, джагирдары и правительственные чиновники высшего ранга, представленные религиозно-общинной организацией «Санатама Дхарма Ювак Сабха», восторженно приняли реформы Ганси и полностью солидаризировались с режимом догрского махараджи.

Другая, большая часть кашмирских пандитов — мелкая буржуазия и буржуазная интеллигенция (мелкие торговцы, писцы, счетоводы, учителя, студенты), в значительной части безработная, подвергавшаяся национальной дискриминации со стороны «единоверного» махараджи, — не могла отождествить свои интересы с интересами догрского правительства. Не могла она и бороться за свои интересы в одиночку, так как вся численность «микроскопической общины»¹ не превышала 53 тыс. человек.

Между тем, опыт революционного подъема 1931—1933 гг. показал кашмирским пандитам, что религиозно-общинная идеология исключает возможность их участия в общенациональном движении против догрского самодержавия. Будучи численно небольшой прослойкой, чуждые массам по религии кашмирские пандиты апеллировали к национальным чувствам народа, призывали к объединению прогрессивных элементов всех религиозных общин Кашмира в борьбе против ненавистного догрского самодержавия.

Стремление к изживанию религиозно-общинной окраски кашмирского национального движения, к объединению всех кашмирцев-мусульман, индусов и сикхов в борьбе против догрского гнета является важным этапом в развитии кашмирского национального движения, признаком пробуждения национального самосознания кашмирцев.

Тенденция эта зарождается именно у кашмирских пандитов (речь идет об индусской буржуазно-помещичьей интеллигенции), они выступают застрельщиками кашмирского бур-

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. XI.

жуазного национализма. Они первые поднимают лозунг «Кашмир для кашмирцев», а один из видных лидеров кашмирских пандитов Прем Натх Базаз еще в 1933 г. пытается создать Национальную конференцию.

В 1933 г., однако, эта попытка не удалась, но через два года стремление к объединению всех религиозных общин нашло отклик и в среде мусульманской буржуазии Кашмира. В 1936 г. Мусульманская конференция выдвинула лозунг: «Ответственное правительство под эгидой махараджи». В отличие от религиозно-общинных (по своей окраске) лозунгов мусульманской буржуазии в 1931 г., требование ответственного правительства было чисто политическим лозунгом, и вокруг него могли объединиться и действительно объединились представители всех религиозных общин княжества.

В праздновании назначенного Мусульманской конференцией на 8 мая 1936 г. «Дня ответственного правительства» приняли участие не только мусульмане, но и кашмирские пандиты и сикхи.

На шестой ежегодной сессии Мусульманской конференции 26 марта 1938 г. шейх Абдулла заявил: «Как и мы, большинство индусов и сикхов княжества страдает от гнета безответственного правительства.

Учреждение ответственного правительства — такая же необходимость для них, как для нас... Поэтому главная проблема — организовать совместные действия, сплотить единый фронт. Для этого необходима перестройка нашей организации на необщинной базе совместных выборов»¹. В резолюции этой сессии было принято пожелание изменения названия и конституции Мусульманской конференции с тем, чтобы «все, кто желает принять участие в политической борьбе, могли стать членами Конференции независимо от касты, вероисповедания или религии»².

Мусульманская конференция стремилась не только объединить вокруг лозунга «Ответственного правительства» буржуазные элементы всех религиозных общин княжества, но и привлечь к нему народные массы, демагогически заявляя, что этот весьма умеренный лозунг расшифровывается как «политическая и экономическая эмансипация, уничтожение безработицы среди масс и облегчение бремени многочисленных налогов»³.

¹ Р. Н. В а з а з. Указ. соч., гл. VII.

² Там же.

³ Там же.

Мусульманская конференция стремилась подчинить своему влиянию образующиеся в Кашмире в 1936—1937 гг. рабочие и крестьянские союзы (Маздур и Кисан Сабха).

Кашмирской буржуазии действительно удалось привлечь молодой и неопытный кашмирский пролетариат и отчасти крестьянство под свои знамена.

Правительство махараджи было очень обеспокоено ростом влияния Мусульманской конференции в массах. Не меньшую тревогу ему внушала тенденция к изживанию религиозно-общинного характера Мусульманской конференции, так как разжигание индусско-мусульманской розни было важнейшим орудием правительства в борьбе против демократического движения.

Празднование 5 августа 1938 г. «Дня ответственного правительства», в котором приняли участие сотни мусульман, индусов и сикхов в различных городах Кашмирской долины, еще более усилило беспокойство властей — они начали готовиться к репрессиям.

29 августа 1938 г. был опубликован манифест за подписями двенадцати важнейших лидеров Мусульманской конференции (шейх Мохаммед Абдулла, Чаудхри Гулам Аббас и др.), индусских (пандит Кашиап Бандху, пандит Джиа Лал Килам, П. Н. Базаз) и сикхских (Сардар Будх Синг) лидеров. Манифест объявлял конечной целью движения «достижение полностью ответственного правительства под эгидой махараджи Бахадура». Достижение этой цели, говорилось в манифесте, поможет «устранить безработицу среди образованных юношей, а также среди неграмотных масс нашей страны, бремя многочисленных налогов, высоко оплачиваемую грабительскую администрацию и покровительство иностранным капиталистам»¹.

Манифест 12-ти призывал население княжества начать сатьяграху для достижения «ответственного правительства под эгидой махараджи». Сатьяграха — кампания гражданского неповиновения, осуществляемая мирными и не насильственными средствами. Это один из методов гандизма — идеологии индийской буржуазии, стремящейся подчинить себе движение народных масс и ограничить его рамками буржуазного национализма.

Кампания гражданского неповиновения началась в Сринагаре в сентябре 1938 г. и распространилась на ряд городов Кашмирской долины (Джамму почти не затронуто.) В сатьяг-

¹ P. N. Bazaz. Указ. соч., гл. VII.

рахе участвовали студенты, адвокаты, доктора, журналисты, лавочники, ремесленники, рабочие¹. Молодой кашмирский пролетариат (рабочие сринагарских шелковой и шерстяной фабрик, водители автобусов и двуколок и др.) выступал под лозунгами Мусульманской конференции, но выдвигались и экономические требования: повышение заработной платы, улучшение условий труда и т. п. В отличие от 1931 г., гораздо в меньшей степени участвовало в этом движении крестьянство. И если в 1931 г. движение крестьянства и городской бедноты носило стихийный антифеодальный характер, а буржуазия подымалась на гребне народного движения, то в 1938 г. кашмирская буржуазия, теперь уже более опытная и организованная, сумела привлечь к своим лозунгам народные массы, и в сентябрьской сатьяграхе рабочая городская беднота и отчасти крестьянство выступали под руководством и с лозунгами, выдвинутыми буржуазией.

Кашмирские пандиты и сикхи принимали активное участие в сатьяграхе наряду с мусульманами.

Правительство применило против движения жестокие репрессии. Немедленно были арестованы 12 лидеров, подписавших манифест. Как и в 1931 г., был введен в силу ординанс 19-L, установивший в стране военное положение.

Сотни участников сатьяграхи были арестованы (в 1931 г. тысячи арестованных; это показывает более узкий размах движения 1938 года, которое развивалось в основном в городах и почти не охватывало крестьянские массы).

Подавив движение при помощи «политики кнута», правительство махараджи поднесло «пряник» кашмирской буржуазии в виде «Королевской прокламации» (Royal Proclamation) от 11 февраля 1939 г.

Этой прокламацией вводилось смехотворно ничтожное добавление к конституции: число избранных членов в Законодательной ассамблее увеличивалось с 33 до 40 (из 75 членов ассамблеи). При этом дополнительные семь членов избирались по специальным избирательным округам из владельцев крупных джагиров, вроде джагирдаров Пунча и Ченани, помещиков с доходом не меньше 250 рупий в год и отставных правительственных чиновников с доходом не меньше 100 рупий в год.

Совершенно не удовлетворенная ничтожными добавлениями к конституции, кашмирская буржуазия продолжает идти по пути расширения программы и изживания религиозно-

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. VII.

общинного характера движения. Здесь сыграло свою роль и дальнейшее сближение Мусульманской конференции с Национальным конгрессом, который во время сентябрьской сатьяграхаи 1938 г. высказывал сочувствие и моральную поддержку кашмирскому движению.

11 июня 1939 г. специальная сессия Мусульманской конференции приняла решение об изменении программы и названия Конференции. Этот день был днем рождения Национальной конференции.

В состав старого рабочего комитета Мусульманской конференции были введены индусские и сикхские лидеры: пандит Кашиап Бандху, пандит Джиа Лал Килам, П. Н. Базаз и Сардар Будх Синг.

30 сентября 1939 г. в Анантнаге собралась первая сессия Национальной конференции.

На этой сессии была принята новая программа Конференции, известная под именем «национального требования» («National Demand»).

В эту программу было, наконец, официально внесено выдвигаемое Мусульманской конференцией уже с 1936 г. требование «ответственного правительства под эгидой махараджи». В первых статьях национального требования заявляется: «Существующая система управления княжества должна быть заменена ответственным правительством, подчиненным общему контролю Махараджи Бахадура, причем армия, политические и иностранные дела остаются исключительно в ведении Махараджи Бахадура», т. е. действия исполнительной власти и издержки по этим статьям не подотчетны Законодательному собранию («National Demand», статьи «а» и «б»). Следующие статьи «национального требования» гласят:

Статья «в» «национального требования». «Законодательное собрание должно состоять целиком из членов, выбранных по избирательным округам на основе всеобщего избирательного права. Должно быть обеспечено представительство труда, торговли, помещиков и интеллигенции в Законодательном собрании».

В статье «г» говорится: «Законодательное собрание должно избираться на основе совместных выборов. Должны быть резервированы места для меньшинств, и все гарантии и преимущества (weightages) должны быть обеспечены им в конституции для их лингвистических, религиозных, культурных, политических и экономических прав, согласно принципам, провозглашенным, принимаемым или выдвигаемым».

гаемым время от времени Национальным Конгрессом.

Статья «д». «Религиозные права и чувства всех общин должны уважаться и не нарушаться.

Все подданные княжества, без различия вероисповедания и касты, должны быть допущены в армию».

Статья «е». «Ни один подданный княжества не должен быть ущемлен в свободе личности, свободе речи, кроме как по приговору суда в результате законного и открытого процесса»¹.

Эти наиболее важные положения новой программы Национальной конференции являются программой кашмирской буржуазии — торгового и ростовщического капитала, связанного с землевладением, промышленной буржуазии (очень слабой в Кашмире) и буржуазной интеллигенции, стремящихся обеспечить свою личность и собственность от феодального произвола и принять участие в управлении княжеством.

Национальный характер движения кашмирцев виден в статье «г» и в статье «д». Но из статьи «г» явствует, что хотя объединение буржуазных элементов индусской и мусульманской общин объективно является важным этапом развития национального самосознания кашмирцев, все же кашмирская буржуазия не осознает национального характера движения.

В статье «г» лингвистические, религиозные, культурные, политические и экономические права меньшинств — все перемешано. Во всем национальном требовании нигде не говорится о кашмирцах как о нации; нет речи о самоопределении национальностей княжества (правда, уже в 1940 г. Базаз в своей книге робко заговаривает о национальной автономии, о туманной возможности отделения Кашмира от Джамму).

Название «Национальная конференция» вовсе не свидетельствует о росте национального самосознания кашмирской буржуазии.

Хотя мы говорим о национальном демократическом движении в княжестве в основном как о движении кашмирской нации и хотя Национальная конференция была организацией преимущественно кашмирской буржуазии, но Конференция называлась «Национальной» не в том смысле, что является национальной организацией кашмирцев, а в том смысле, что больше не является религиозно-общинной организацией, —

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. XII.

в том смысле, в каком называет себя «национальным» Всеиндийский национальный конгресс (All India National Congress).

Название «Национальная конференция всего Джамму и Кашмира» (All Jammu and Kashmir National Conference) подчеркивало, во-первых, тесную связь кашмирского национального движения с антифеодальным и демократическим движением других народов княжества и, во-вторых, сближение кашмирского движения с Национальным конгрессом.

Это сближение началось еще в 1936—1937 гг., когда в княжестве появились первые комитеты, организованные Национальным конгрессом, и сыграло важную роль в преобразовании Мусульманской конференции в Национальную. Влияние Национального конгресса было, пожалуй, самым значительным фактором, способствовавшим этому преобразованию.

Причиной сближения Мусульманской конференции с Национальным конгрессом и отхода от Мусульманской лиги, которая через секту Ахмади имела значительное влияние в княжестве в 1931—1933 гг., была политика каждой из этих двух организаций по отношению к демократическим движениям народов княжеств и, в частности, по отношению к кашмирскому национальному демократическому движению.

Всеиндийская Мусульманская лига — организация, выражающая интересы феодально-помещичьей мусульманской верхушки, — полностью поддерживала самодержавие князей, крупнейших феодалов Индии, выступая с проповедью охраны суверенитета князей и невмешательства в их внутреннюю политику. С этих позиций Мусульманская лига резко осуждала движение народов княжеств против князей, за ответственные правительства и гражданские свободы.

Лига не поддерживала демократические движения даже в тех княжествах, где князья — индусы, а борющиеся против них подданные — мусульмане; не поддерживала она и кашмирского национального демократического движения.

Национальный конгресс до 1936 г. также придерживался политики невмешательства в дела княжеств и был по существу организацией Британской Индии.

В 1936—1937 гг. Конгресс организовал комитеты в княжествах (в том числе и в Кашмире), а в феврале 1938 г. в Харипурской резолюции заявил, что «пурна сварадж или полная независимость, которая является целью Конгресса, должна быть установлена во всей Индии, включая индийские княжества... Единственный род федерации, приемлемый для Национального конгресса, — это такой, в котором княжества будут

участвовать как свободные единицы, пользующиеся той же степенью демократии, что и остальная Индия»¹.

В Трипурской резолюции (февраль 1939 г.) Национальный конгресс выражает сочувствие народам княжеств в их борьбе за гражданские свободы и ответственные правительства и разрешает конгрессовским комитетам в княжествах принимать активное участие в этом движении. Раньше было разрешено только отдельным членам Конгресса в индивидуальном порядке оказывать содействие борьбе народов княжеств.

Все эти декларации Национального конгресса о содействии борьбе за демократизацию режима в княжествах после освобождения Индии носили демагогический характер и имели целью лишь расширение сферы влияния Конгресса. Буржуазное руководство Конгресса боялось массовых народных движений в княжествах и допускало их лишь постольку, поскольку они не выходили из-под влияния местной буржуазии.

Кашмирское национальное движение в конце 30-х годов носило именно такой ограниченный характер, и поэтому Национальный конгресс поддерживал кашмирскую Национальную конференцию, которая вскоре стала по существу филиалом Конгресса в княжестве. Сближению обеих организаций способствовала общность социального состава — преобладание буржуазных элементов в руководстве.

Кашмирская буржуазия принимала политику и методы старшего партнера, применяя социальную демагогию и используя массовое движение для давления на махараджу, подобно тому как индийская буржуазия применяла антиимпериалистическую демагогию для усиления своего влияния на массы с целью добиться уступок от британского империализма.

Сближаясь с Национальным конгрессом, кашмирская Национальная конференция решительно отмежевывалась от Мусульманской лиги с ее религиозно-общинной идеологией.

Окончательно утратив свое влияние на Национальную конференцию, Мусульманская лига использовала в качестве своего орудия в княжестве различные мелкие религиозно-общинные группы: юсуфшахитов, приверженцев секты Ахмади и бывших членов Мусульманской конференции, ушедших из ее рядов после преобразования ее в Национальную конференцию (это все представители самых реакционных слоев мусульманского духовенства, помещиков и буржуазной верхушки).

¹ Coupland. Report on the constitutional problem in India. London, 1942—1945, ч. II, стр. 172.

Всеиндийская Мусульманская лига пыталась объединить все эти разрозненные группы, чтобы создать себе сильный очаг влияния в княжестве. Осуществить эту задачу удалось только в 1944 г., когда все мусульманские религиозно-общинные группировки княжества объединились в одну организацию, которая приняла имя Мусульманской конференции.

Эта новая Мусульманская конференция и по своему социальному составу и по идеологии была гораздо более реакционной, чем Мусульманская конференция 1932—1939 гг. Находясь под сильным влиянием Всеиндийской Мусульманской лиги, она выступала в союзе с махарджей-индусом против демократических преобразований в княжестве.

Таким образом, к началу 40-х годов XX в. аналогично Всеиндийской Мусульманской лиге и Всеиндийскому Национальному конгрессу в Британской Индии существовали Мусульманская и Национальная конференции в Кашмире.

Первая представляет собой реакционную религиозно-общинную организацию мусульманских помещиков, духовенства и верхушки буржуазии; вторая — более прогрессивную организацию средней и мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, выступающих с умеренной программой демократических преобразований. Если не считать пары цветистых демагогических фраз, в Национальном требовании совершенно не упоминается о нуждах народных масс. Правда, на Анантнагской сессии был утвержден флаг Национальной конференции с изображением белого плуга на красном поле. Этим флагом кашмирская буржуазия как бы заявила, что Национальная конференция представляет интересы крестьянства Кашмира.

Но так как только этот символический флаг не мог внушить крестьянству уверенности в том, что Национальная конференция защищает и его интересы, а привлечение народных масс было необходимо угнетенной и хилой кашмирской буржуазии для усиления ее позиций в борьбе против догского самодержавия, то на второй ежегодной сессии в сентябре 1940 г. в Барамулле Национальная конференция включает в свою программу несколько пунктов в интересах крестьянства и рабочего класса.

Приводим соответствующую выдержку из резолюции Барамулльской сессии:

«Схема ответственного правительства не может быть принята нацией, в которой земледельцы не пользуются полностью плодами своей работы... только тот должен владеть землей, кто ее обрабатывает... Должен быть введен прогрессивный принцип в распределении поземельного налога: у кого

меньше земли, тот платит меньший налог; прожиточный минимум совсем изымается от обложения»¹.

В области сельскохозяйственной задолженности должны были быть аннулированы долги, по которым выплаченные проценты превысили сумму долга. В интересах рабочих было принято требование о распространении на княжество «Международной конвенции о труде» (International Labour Convention) и «Индийских законов о труде» (Indian Labour Laws), что, несмотря на явную недостаточность этих законов, для Кашмира представляло относительно прогрессивное явление. Такими декларациями Национальная конференция постепенно завоевывала популярность в массах, но до 1944—1945 гг. членство крестьян и рабочих в Национальной конференции было крайне редким явлением, и по существу на данном этапе Национальная конференция являлась классовой организацией кашмирской буржуазии и буржуазной интеллигенции.

4. ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КАШМИРЕ В 1946—1947 гг.

Годы второй мировой войны характеризуются назреванием революционного подъема в Британской Индии и в княжествах.

В Кашмире во время войны наблюдалось неслыханное повышение цен на продукты, причем заработная плата рабочих оставалась на прежнем уровне. Продовольственный кризис усугублялся тем, что крупные джагирдары и помещики гноили зерно в амбарах, а затем продавали его по бешеным ценам на «черном рынке».

Обострение экономической конъюнктуры подготавливает новый революционный подъем народных масс Кашмира. Происходит рост политической сознательности масс, связанный с деятельностью в Кашмире индийской компартии, которая очень усилилась во время войны и включила в сферу своего влияния индийские княжества.

Назревание революционной ситуации в княжестве было причиной демократизации программы и выдвижения новых лозунгов Национальной конференцией Джамму и Кашмира.

В 1944 г. Национальная конференция в брошюре «Новый Кашмир» опубликовала программу, в которой провозгласила

¹ P. N. B a z a z. Указ. соч., гл. XII.

своей целью превращение Кашмира в свободное и демократическое государство.

Взамен требования «ответственного правительства, подчиненного общему контролю махараджи Бахадура», было выдвинуто требование правительства, полностью ответственного перед избранной на основе всеобщего избирательного права и совместных (а не куриальных) выборов Законодательной ассамблеей.

В новой программе подчеркивалось, что Национальная конференция не является общинной организацией и что цель ее — «не преобладание одной религиозной общины над другой, но полная свобода всем — индусам, мусульманам и сикхам»¹.

Эта программа объявила целью Национальной конференции подъем благосостояния народных масс. В разделе программы «Новый Кашмир для рабочих» выдвигались лозунги отмены эксплуатации человека человеком, права на труд, 8-часового рабочего дня, равной оплаты за равный труд без различия пола и без расовой дискриминации, социального страхования и права объединения в профсоюзы и др. В разделе «Новый Кашмир для крестьян» декларировалась отмена «социального паразитизма» — помещичьего землевладения, выдвигался лозунг «Земля — земледельцу» и требования отмены феодальных повинностей и бегара².

Новая программа привлекла широкие массы к Национальной конференции, влила свежую кровь в ее жилы.

По свидетельству деятеля индийской компартии, видного сотрудника коммунистической газеты «Пиплз Эйдж» Ромеш Чандра, «1945 год был годом наибольшего организационного роста Национальной конференции. Выросла широкая сеть районных и деревенских комитетов... Раньше не принимавшие участия в движении группы рабочего класса примкнули к Национальной конференции... В районах, прилегающих к Сринагару, началось движение крестьян под руководством Конференции»³.

Тот же Ромеш Чандра в отчете о годичной сессии Национальной конференции, состоявшейся 3—5 августа 1945 г. в Сопоре, заявляет, что «Национальная конференция теперь больше не является платформой лидеров, которые используют ее для своих собственных фанатических целей.

¹ New Kashmir, issued by the All-Jammu and Kashmir National Conference, Srinagar, 1945, стр. 49—50.

² Там же, стр. 38, 41.

³ R. Chandra. Указ. соч., стр. 6.

Она стала массовой организацией народа»¹. Издание в 1944 г. Национальной конференцией программы «Нового Кашмира» знаменует начало важнейшего этапа в развитии кашмирского национального демократического движения, характеризующегося расширением массовой базы Национальной конференции, созданием внутри и вокруг Национальной конференции революционного блока рабочего класса, крестьянства и прогрессивной части кашмирской буржуазии.

На новом этапе кашмирские коммунисты входят в состав Национальной конференции и играют в ней значительную роль.

Наличие коммунистов в Кашмире, их участие в работе Национальной конференции, их роль в демократизации программы Национальной конференции и их влияние на народные массы доказываются включением в программу Национальной конференции ряда выше приведенных лозунгов из разделов «Кашмир для рабочих», «Кашмир для крестьян». На демонстрациях сринагарских рабочих во время Сопорской сессии Национальной конференции выдвигались лозунги: «Рабочие страны, объединяйтесь», «Мы требуем отмены частного капитала»². Требование национализации основных отраслей промышленности было включено в программу «Нового Кашмира».

Итак, в 1944 г. происходит демократизация программы Национальной конференции Джамму и Кашмира, на базе которой в 1945 г. Национальная конференция превращается в массовую демократическую организацию.

Но 1944 и 1945 гг. — это только предъистория подъема 1946—1947 гг., который был высшей точкой подъема национально-освободительного движения в княжествах, являвшегося в тот период важнейшим участком фронта борьбы за независимость всей Индии.

Подъем массового движения наметился уже с начала 1946 г., но это была прелюдия — основные события разыгрались весной и летом 1946 г.

Большое влияние оказал на Кашмир общеиндийский подъем начала 1946 г. и опубликование английской конституционной схемы для Индии — так называемых предложений Петик Лоуренса от 16 мая 1946 г. Этот план предполагал полное сохранение власти князей и целостности княжеств.

¹ Газ. «People's», 9 сентября 1945 г.

² Там же.

Народ Кашмира ответил на этот замысел укрепить самодержавие правителей в княжествах выдвижением новых лозунгов, которые определили характер подъема, начавшегося в мае 1946 г., как высшую стадию в развитии кашмирского национального движения. Эти лозунги: «Байянама Амритсар ко тор до!» (Разорвать Амритсарскую продажу)¹, «Кашмир ко чхор до!» (Вон из Кашмира) и «Догра радж Мурдабад!» (Долой догрское правление).

Таким образом, требование ответственного правительства заменяется требованием отстранения от власти ненавистной догрской династии. Этот лозунг аналогичен лозунгу индийской компартии «Долой самодержавие в княжествах», но имеет национальную окраску (долой именно догрское самодержавие; вон из Кашмира ненавистную чужеземную династию, Кашмир для кашмирцев).

Подробное изложение и обоснование новых лозунгов имеется в меморандуме Национальной конференции, представленном миссии английского кабинета министров (миссии Петик Лоуренса) в мае 1946 г.

В этом меморандуме Национальная конференция от имени народа Кашмира разоблачает феодально-самодержавный режим, скрывающийся за конституционным фасадом княжества, и предъявляет ряд обвинений догрскому правлению в Кашмире: в национальной дискриминации (недопущение кашмирцев в армию); в «распродаже за бесценок будущности княжества» — передаче эксплуатации экономических ресурсов Кашмира иноземным капиталистам (в 1944 г. махараджа Хари Синг заключил контракт с индийской фирмой Тата, согласно которому последняя получает монопольные права и контроль над промышленностью княжества; в 1945 г. было заключено семилетнее соглашение с «Новоиндийской компанией по страхованию» — New India Assurance Company — в Бомбее, по которому она получила исключительные права страхования правительственной собственности в княжестве и за его пределами).

На основе этих разоблачений и обвинений Национальная конференция выдвигает свои новые лозунги. «Сегодня национальное требование народа Кашмира, — говорится в меморандуме, — не просто установление системы ответственного правительства, но его право на абсолютную сво-

¹ Имеется в виду Амритсарский договор 1846 г., по которому Кашмир был передан англичанами в управление догрскому радже Гулаб Сингу за 75 лакхов рупий.

боду от самодержавного правления догр-ского махараджи».

По так называемому Амритсарскому договору Кашмир за жалкую сумму в 75 лакхов рупий по сикхскому курсу (менее 0,5 млн. ф. ст.) был продан махарадже Гулаб Сингу.

Но никакая «священная» торговая сделка не в силах заставить более чем 4 млн. мужчин и женщин жить в рабстве, когда они этого не желают.

Кашмир — не просто географическое понятие северо-восточной части индийского субконтинента. Наша родина — колыбель кашмирской нации, которая благодаря однородности своего языка, культуры и традиций, и ее общей истории страданий сегодня является одним из редких мест в Индии, где все религиозные общины поддерживают единые национальные требования.

Мы, народ Кашмира, решили сами определить свою судьбу, и мы обращаемся к членам миссии с требованием признать справедливость и силу нашего дела»¹.

Новые лозунги вызвали во всем Кашмире величайший массовый подъем.

В движении участвовали рабочие знаменитой Сринагарской шелковой фабрики, студенты, крестьяне окрестностей Сринагара. Рабочие наряду с политическими лозунгами выдвинули экономические требования.

Начались переговоры о совместных действиях между Национальной и Мусульманской конференциями.

И хотя часть наиболее реакционных лидеров Мусульманской конференции продолжала бороться за старый отживший лозунг «Ответственное правительство под эгидой махараджи», большинство во главе с бывшим членом Национальной конференции Чаудхри Гулам Аббасом поддержало новые требования Национальной конференции.

Среди кашмирских пандитов тоже началась тяга к сближению с Национальной конференцией. И хотя их официальная организация «Ювак Сабха» и ее газета «Мартанд» продолжали оплевывать ядом и грязью Национальную конференцию, прогрессивная часть кашмирских пандитов — индусской буржуазной интеллигенции Кашмира — выступила с заявлением, обличающим правление махараджи и поддерживающим призыв шейха Абдуллы итти плечом к плечу со своими мусульманскими братьями.

¹ Quit Kashmir. memorandum to the British Cabinet mission, issued by All Jammu and Kashmir National Conference, Srinagar, 1946, стр. 2.

Это растущее единство прогрессивных элементов всех партий и всех религиозных общин укрепило Национальную конференцию и сделало невозможным для правительства разжигание религиозной розни.

Важнейшей чертой революционного подъема 1946 г. в Кашмире является образование блока рабочего класса, крестьянства и национальной буржуазии вокруг лозунга «Вон из Кашмира».

Этот общий фронт демократического движения, направленный против догского самодержавия, наметился еще в 1944 г. после издания программы «Нового Кашмира».

Но этот единый фронт нельзя уподобить Народному фронту в странах Восточной Европы, а Национальную конференцию — партиям Народного фронта.

Блок пролетариата, крестьянства и национальной буржуазии возглавляется на данном этапе буржуазией: пролетариат Кашмира недостаточно силен и организован, чтобы возглавить движение и повести за собой крестьянские массы, а крестьянство недостаточно подготовлено, недостаточно сознательно, чтобы принять руководство пролетариата. К кашмирской буржуазии полностью применимо замечательное высказывание товарища Сталина о буржуазии колониальных и зависимых стран, где национальный «гнет не может не задевать также и национальную буржуазию»¹, где «национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок (разрядка моя.—З. П.) может поддержать революционное движение своей страны»². Кашмирская буржуазия в период 1945—1946 гг. пристраивается к массовому демократическому движению и включает в свою программу ряд глубоких демократических преобразований, в частности, лозунг полной отмены самодержавия.

Выдвижение этих лозунгов является демагогическим маневром буржуазии, но они привлекают народные массы к Национальной конференции, которая в 1945—1947 гг. становится массовой демократической организацией единого фронта рабочего класса, крестьянства и национальной буржуазии.

В рядах Национальной конференции были и кашмирские коммунисты, которые, однако, как и коммунисты Британской Индии, допустили ошибки в проведении тактики единого национального фронта, не поставили с достаточной четкостью и не разрешили задачу борьбы с национальной буржуазией

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 11.

² Там же.

за руководство крестьянскими массами, за гегемонию пролетариата в национальном движении.

В начале мая 1946 г. шейх Абдулла выступил на четырех больших митингах в Сринагаре, 15 мая он объявил, что по всему Кашмиру должен быть проведен плебисцит с тем, чтобы народ произнес свой приговор правлению махараджи.

Возможность такого плебисцита испугала махараджу Хари Синга и его правительство.

Растущая сила и широкий размах движения внушали беспокойство и «белым хозяевам» Хари Синга — англичанам. Кашмир нужен не только махарадже и его приспешникам как источник пополнения личной казны, он нужен также британским империалистам для осуществления их планов подготовки третьей мировой войны. Уже говорилось, что Гильгит является первостепенной важности военной базой для англичан.

В растущем движении за свободу народа Кашмира британские империалисты видели угрозу своим планам использования Гильгита как плацдарма будущей агрессии.

Ромеш Чандра пишет: «Национальное движение в Кашмире становилось слишком сильным... Политический департамент (отдел англо-индийского правительства, ведающий делами княжеств.— З. П.) решил: «Национальная конференция должна быть уничтожена»¹.

Согласно инструкции политического департамента и под руководством английского резидента в Кашмире полковника Вэбба, правительство Хари Синга подготовило организованный террор. Главнокомандующий кашмирской армией — английский отставной бригадир Скотт — привел в боевую готовность армию княжества и вызвал два полка, находившиеся за границей. В Сринагаре были сосредоточены большие военные силы — на каждом собрании Национальной конференции присутствовало до 500 солдат.

Генеральный инспектор полиции Поуэлл (тоже англичанин) привел в готовность своих подчиненных. Интересно отметить, что догрские власти «ни на дюйм не доверяли полиции, состоящей в основном из кашмирцев»², и потому на полицейских участках (тхана) были размещены отряды солдат, чтобы контролировать полицию.

Опасения властей оказались небезосновательными. «Пиплз Эйдж» сообщает, что 20 мая полиция г. Анантнага отказалась стрелять в толпу, и случай этот был не единичным.

¹ R. Chandra. Указ соч., стр. 11.

² Газ. «People's Age», 2 июня 1946 г.

18 мая премьер-министр Рам Чандра Как объявил в княжестве чрезвычайное положение.

20 мая были арестованы председатель Национальной конференции шейх Абдулла и 11 из 14 членов рабочего комитета Национальной конференции.

Затем начался террор. «Счастливая долина» превратилась в «Долину ужасов».

Ни один день в Сринагаре не обошелся без расстрелов и избиений.

«Солдаты в ярости набрасывались на каждого встречного. Они стреляли в каждого — женщина или ребенок, это не имело для них значения.

Убивай — таков был их лозунг, и они убивали. Многочисленные демонстрации женщин разгонялись полицией и расстреливались. Адвокатов и врачей заставляли ползти на коленях, подметая своими тюрбанами улицы. Книги сжигались в общественных местах. Порка на площадях стала обычным явлением.

Тюрьмы представляли собой камеры смерти. пытки, которым подвергались заключенные, не поддаются описанию.

В своих неистовых поисках ушедших в подполье лидеров полиция не щадила никого, и больше всего от ее допросов страдали женщины и дети»¹.

Но жестокие репрессии не сломили духа кашмирцев.

«Мы не бежали как бараны от направленных на нас ружей, — говорится в меморандуме Национальной конференции, представленном миссии Петик Лоуренса. — Мы строили баррикады, мы защищались всем, что было под рукой»².

20 мая в одном Сринагаре было двадцать столкновений между полицией и народом.

Стены домов города были покрыты лозунгами: «Вон из Кашмира», и хотя солдаты уничтожали их каждую ночь, они появлялись снова.

Рабочие Сринагара прекратили работу на фабриках, остановилось движение транспорта, лавочники закрыли свои магазины, студенты бросили свои занятия в колледжах и даже школьники покинули школы.

Женщины участвовали в демонстрациях и стычках с солдатами наравне с мужчинами, дети рядом со своими отцами и братьями.

¹ R. Chandra. Указ. соч., стр. 15—17.

² Газ. «People's Age», 2 июня 1946 г.

В мае движение сосредоточивалось в Сринагаре и его окрестностях; в июне оно охватило ряд других городов Кашмирской долины — Анантнаг, Барамуллу, Бадгаум, Шопиан и др. и в июле-августе распространилось на Джамму (в основном Мирпурский округ и джагир Пунч).

Таким образом, как и на предыдущих этапах движения, Кашмирская долина была местом зарождения, центром и средоточием революционного подъема, но кашмирское национальное движение сливается с демократическими движениями других народов княжества, также направленными против ненавистного догрского самодержавия.

Движение началось в городах, но вскоре было поддержано волной крестьянского движения. «Пиплз Эйдж» от 14 июля 1946 г. констатирует: «Подымается новая армия — армия кашмирских крестьян». Крестьяне Кашмирской долины выступили под знаменем и с лозунгами Национальной конференции.

Тысячи крестьянских делегаций, неся красные флаги с изображением белого плуга и плакаты «Вон из Кашмира», двигались по направлению к Сринагару, Анантнагу, Бадгауму, Барамулле и другим городам, выражая этим свою солидарность с городскими массами и поддержку лозунгов Национальной конференции.

Сринагарский корреспондент газеты «Пиплз Эйдж» 9 июня 1945 г. сообщает: «Десятки крестьянских делегаций маршируют к городу. Одна из них возглавлялась седобородым деревенским старшиной; на груди он нес плакат с надписью «Вон из Кашмира». Он был смертельно ранен; последним его желанием было, чтобы плакат похоронили вместе с ним».

Таким образом, демократизация программы Национальной конференции и принятие новых лозунгов обеспечили ей поддержку народных масс княжества, и в первую очередь крестьянских масс.

Крестьянство «всем сердцем, всей душой» приняло лозунг «Вон из Кашмира», и прежде всего — кашмирское крестьянство, ввиду национального значения этого лозунга.

Лозунг «Вон из Кашмира», кроме значения национально-кашмирского лозунга, имеет более широкий демократический смысл призыва к уничтожению полуфеодального режима догрских правителей во всем княжестве. Поэтому лозунги Национальной конференции были поддержаны не только кашмирским крестьянством, но и крестьянами Джамму.

Например, крестьяне Мирпурского округа, как и кашмирские крестьяне, устраивали демонстрации под флагом

Национальной конференции и с плакатами «Вон из Кашмира» и вместе с кашмирцами участвовали в кампании за освобождение шейха Абдуллы и других лидеров Национальной конференции.

Но оплотом Национальной конференции оставалась Кашмирская долина. В провинции Джамму влияние Национальной конференции было значительно слабее, и крестьянское движение здесь очень скоро вышло из-под контроля буржуазного руководства Национальной конференции, стремившегося ограничить борьбу крестьянства умеренными политическими манифестациями.

Поэтому в то время, как движение кашмирского крестьянства развертывалось в основном под руководством буржуазных лидеров Национальной конференции, в Мирпуре и Пунче стихийно (а не по призыву Национальной конференции) началась кампания неплатежа налогов, распространившаяся затем по всему княжеству. Эта кампания приняла чрезвычайно широкий размах, особенно в Пунче, где налоги втрое выше, чем в соседних округах Пенджаба. Тысячи крестьян демонстрировали с лозунгами: «Мы не хотим платить за наше собственное избитие». Было организовано 215 крестьянских комитетов; патрули из крестьян прервали сообщение между Мирпуром, Котли и Пунчем, чтобы предупредить карательные экспедиции¹.

Несмотря на демократизацию программы Национальной конференции и принятие ею прогрессивных, далеко идущих лозунгов, руководство Национальной конференции попрежнему состояло в подавляющем большинстве из буржуазных лидеров, тесно связанных с кашмирским капиталом и землевладением. Новые лозунги были приняты ими под давлением народных масс, а также с демагогической целью, для усиления своего влияния на массы, без поддержки которых кашмирская буржуазия не могла добиться уступок от правительства махараджи.

Но, желая использовать подъем народных масс для давления на правительство, эти буржуазные лидеры в то же время боялись слишком сильного размаха революционного подъема. Именно благодаря реформистскому буржуазному руководству кашмирское национальное движение не вылилось, подобно движению в Телингане, в крестьянское восстание.

¹ Газ. «People's Age», 14 июля 1946 г.

Уже в «Пиплз Эйдж» от 9 июня 1946 г. после описаний ужасов террора и возмущения народных масс княжества встречается многозначительная фраза:

«Долго ли лидеры сопротивления смогут сдерживать гнев народа?».

Совершенно очевидно, что эти слова относятся к буржуазным вождям Национальной конференции.

Лидеры Национальной конференции не руководили крестьянским движением, не выдвинули лозунга неплатежа ренты и налогов.

Напуганные размахом движения, лидеры Национальной конференции осуществили свое руководство по примеру буржуазных лидеров Национального конгресса — «посадили себя» в тюрьмы. Таким образом, они обезглавили движение, но спасли свою репутацию.

Так, Абдур Рахман, один из лидеров Национальной конференции и ближайший помощник шейха Абдуллы, назначенный 20 мая диктатором Сопротивления, отправился во главе процессии с довольно неуместным при данных обстоятельствах лозунгом «Свобода или смерть» к ближайшему полицейскому посту и «предложил себя арестовать»¹.

5 июля на огромном митинге в Сринагаре «предложил себя арестовать» Моулана Мохаммед Саид, генеральный секретарь Национальной конференции, и т. д.

Но не все лидеры Национальной конференции применяли такую тактику «руководства» движением.

Прогрессивные элементы, и в первую очередь, конечно, коммунисты, ушли в подполье, откуда действительно руководили подъемом народных масс.

Были созданы подпольные военные советы Национальной конференции. Их лидеры (председатель Военного совета Кашмира — Гулам Мохиуддин, организатор кашмирских профсоюзов и председатель Военного совета Джамму — Мухаммед Шафи) отнюдь не «предлагали себя арестовать», а, наоборот, с таким успехом скрывались и вели подпольную работу, что приводили в ярость и замешательство кашмирскую полицию.

19 июня 1946 г., во время самого яростного разгула правительственного террора и могучего нарастания массового движения, в Кашмир прибыл председатель Национального конгресса Джавахарлал Неру.

Кашмирцы горячо приветствовали «Неру-джи», рассматривая его приезд как символ единения и поддержки

¹ Газ. «People's Age», 7 июля 1946 г.

кашмирской борьбы народом Индии. Но по дороге к Сринагару Неру был задержан властями княжества, запретившими председателю Национального конгресса въезд в столицу Кашмира.

Кашмирцы ответили на арест Неру всеобщим харталом¹ в Сринагаре, Анантнаге, Паттане, Сопоре, Барамулле, Музафарабате и других городах. Повсюду начались массовые аресты.

По всей Индии происходили митинги и демонстрации протеста. Демонстрация протеста, собравшаяся у Ханка-и-Муалла, была расстреляна полицией — десятки раненых и убитых остались на земле.

Особенно сильным было возмущение в соседней с Кашмиром провинции Пенджаб. Крестьянский комитет Пенджаба выразил намерение предпринять меры прямой помощи народу княжества против репрессий и для освобождения Неруджи.

Но рабочий комитет Национального конгресса не дал распоряжения пенджабским джатхам² итти на Кашмир и 23 июня отозвал Неру в Дели.

«Мы снова остались одни», — писал сринагарский корреспондент газеты «Пиплз Эйдж» от 7 июля 1946 г.

Но кашмирский народ не сложил оружия. «Борьба продолжается, — пишет тот же корреспондент в «Пиплз Эйдж» от 14 июля 1946 г., — Кашмир жив и борется, борется, как ни один народ княжества не боролся прежде».

В конце июня — начале июля включается в борьбу в широком плане крестьянство Кашмира; особенно мощное крестьянское движение разворачивается в техсиле³ Бадгаум.

Рабочие сринагарской шелковой фабрики борются с того дня, как арестован шейх Абдулла. «Ни расстрелы, ни подкупы не заставили их вернуться к работе»⁴.

В Сринагаре, у знаменитой в истории кашмирского национального движения мечети Ханка-и-Муалла, каждую пятницу происходили грандиозные собрания, на которых присутствовало от 70 до 100 тыс. человек.

Сила народного подъема, нараставшего несмотря на жестокие репрессии, вынудила правительство кашмирского ма-

¹ Хартал — массовая забастовка.

² Добровольческие крестьянские отряды («джатха» — отряд).

³ Техсил — округ, согласно административному делению княжества Джамму и Кашмир.

⁴ Газ. «People's Age», 14 июля 1946 г.

хараджи пойти на переговоры, с целью добиться свертывания движения путем обещаний и незначительных уступок.

В начале июня премьер-министр Кашмира Рам Чандра Как посетил Бомбей для переговоров с Сардаром Пателем.

Рам Чандра Как предложил Национальному конгрессу следующие уступки: снятие запрещения на въезд Неру в Кашмир; освобождение кашмирских лидеров; назначение комитета, для рекомендаций махарадже по проекту новой конституции.

В обмен Как требовал, чтобы Национальный конгресс добился от Национальной конференции: свертывания кашмирского движения; снятия лозунга «Вон из Кашмира» и исключения из Национальной конференции всех прогрессивных элементов¹.

Принятие такого соглашения Национальным конгрессом означало бы предательство кашмирского движения. «Пиплз Эйдж» пишет: «В Бомбее стряпается грязное кушанье. Индия, будь настороже! В 1846 г. англичане продали нас за 75 лакхов рупий. Не продайте кашмирцев снова за 93² голоса представителей княжеств в Учредительном собрании»³.

В это время в политике Национального конгресса уже наблюдается явная тенденция к сговору с князьями. Вполне возможно, что Конгресс пошел бы на соглашение, предложенное Каком, если бы его лидеры были уверены, что смогут заставить Национальную конференцию принять это соглашение.

Но в отличие от этапа 1938—1939 гг. в 1948 г. программа Национальной конференции вышла за рамки программы Национального конгресса по отношению к княжествам, и сама Национальная конференция в значительной мере вышла из сферы влияния Конгресса. В данный момент, когда большая часть правых лидеров Национальной конференции «посадила себя» в тюрьму, а руководство взяли на себя ушедшие в подполье прогрессивные элементы, главным образом коммунисты, когда участие масс в движении достигло самого широкого размаха, руководству Национального конгресса трудно было убедить Национальную конференцию согласиться на капитуляцию. Учитывая это, лидеры Конгресса не подписали соглашения с Каком.

¹ Газ. «People's Age», 14 июля 1946 г.

² Норма представительства в Учредительное собрание Индии — 1 человек на 1 млн. населения, а численность населения княжеств — 93 млн. человек.

³ Газ. «People's Age», 14 июля 1946 г.

Но беседы с Пателем убедили Кака в том, что Национальный конгресс не одобряет лозунгов Национальной конференции и не выступит на помощь кашмирцам. Поэтому по возвращении Кака из Бомбея репрессии возобновились с новой силой.

8 июля была расстреляна демонстрация в Сринагаре, 80 человек ранено, 30 арестовано. Террор распространился и на деревни — были введены войска в Бадгаум (центр наивысшего подъема крестьянского движения); солдаты вытаптывали посевы риса, насиловали женщин.

Но репрессии не сломили духа кашмирцев. Несмотря на жестокий полицейский террор, 13 июля по призыву подпольного Военного совета во всем княжестве был отмечен «День мучеников» — память о 13 июля 1931 г., дне, когда «в крови 22-х убитых родилось кашмирское национальное движение»¹.

Газета Национальной конференции «Хидмат» писала: «Сегодня мы чтим еще и память кашмирских жертв 1946 г., присоединившихся к бессмертным именам 22-х. В этот день мы клянемся вместе со всем кашмирским народом: ваша кровь не была пролита даром. Ваши братья, ваши дети увидят свободу, за которую вы умерли»².

24 июля 1946 г. Джавахарлал Неру снова прибыл в Кашмир. Несмотря на принятые правительством меры, толпы народа встречали автомобиль Неру восторженными приветствиями. Популярность Неру в Кашмире объяснялась не только влиянием Конгресса в княжестве, но и тем обстоятельством, что Неру по национальности — кашмирец, и не раз выражал симпатию к родине и народу своих предков.

Кашмирский народ возлагал на «Пандит-джи» большие надежды, но поведение Неру в Кашмире было уклончивым и трусливым, с «дрожащими коленями и поджатым хвостом»³. Этими словами можно определить всю политику Национального конгресса по отношению к демократическому движению в Кашмире. Вместо того, чтобы выразить активный протест против тюремного заключения шейха Абдуллы и зверских репрессий догрских властей, Неру убеждает шейха Абдуллу вернуться вспять от лозунга «Вон из Кашмира» к лозунгу «Ответственное правительство под эгидой махараджи». Но шейх Абдулла отказывается принять предложение Неру.

В данный момент снятие лозунга «Вон из Кашмира» полностью дискредитировало бы шейха Абдуллу и все буржуазное

¹ Газ. «People's Age», 21 июля 1946 г.

² Там же.

³ Там же, 11 августа 1946 г.

руководство Национальной конференции в глазах народных масс, а кашмирская буржуазия еще нуждалась в поддержке масс, чтобы добиться уступок от махараджи.

После отказа шейха Абдуллы снять лозунг «Вон из Кашмира» Неру заявил, что политические разногласия не имеют значения. Национальный конгресс все равно окажет полную поддержку шейху Абдулле, и он будет освобожден не позже, чем через две недели после вынесения приговора.

Но это было пустой фразой. Несмотря на то, что вскоре Неру встал во главе правительства Индии, он не только не оказал никакой существенной помощи кашмирскому движению и шейху Абдулле, но даже в своих выступлениях не обмолвился ни одним словом ни об индийских княжествах, ни о Кашмире. Такая позиция Национального конгресса развязала руки махарадже Хари Сингу и его приспешникам.

Суд над шейхом Абдуллой по обвинению его в «призыве к бунту» продолжался, и в начале сентября 1946 г. председатель Национальной конференции Кашмира был приговорен к трем годам тюремного заключения.

Осуждение шейха Абдуллы явилось началом нового цикла кашмирской борьбы за свободу.

«Кашмирцы поняли, что освобождение придет не от обещаний лидеров извне», т. е. лидеров Национального конгресса, «такого рода освобождение означает низкий компромисс. Освобождение... придет только от нашей собственной силы, которая даст нам победу»¹.

Кашмирцы ответили на осуждение шейха Абдуллы широкими демонстрациями и харталами. В Сринагаре бастовали рабочие знаменитой шелковой фабрики — герои многих месяцев борьбы. Остановился транспорт, так как члены профсоюзов водителей автобусов и двухколки также прекратили работу. Закрылись все магазины.

Забастовки и демонстрации происходили в Барамулле, Анантнаге, Бадгауме и Шопиане.

Несмотря на советы лидеров Национального конгресса снять лозунг «Вон из Кашмира» и окончить борьбу, кашмирское национальное демократическое движение продолжалось.

Лозунг «Вон из Кашмира» не был снят, и наряду с ним выдвигалось требование освободить шейха Абдуллу и других вождей Национальной конференции; тактикой движения были

¹ Газ. «People's Age», 13 сентября 1946 г.

харталы и массовые демонстрации в городах, кампания неплатежа налогов в деревнях.

Правительство Рам Чандра Кака, видя, что репрессии не достигают своей цели, применило обходный маневр. На январь 1947 г. были назначены выборы в Законодательное собрание (Праджа сабха). Этим маневром правительство надеялось отвлечь Национальную конференцию и массы от борьбы.

Сначала Национальная конференция решила принять участие в выборах и в ноябре выдвинула своих депутатов в Праджа сабха и опубликовала предвыборный манифест следующего содержания:

Народ Кашмира сам решит будущую структуру правления; только народ имеет право определить свою конституцию; свобода и право самоопределения всем национальностям, живущим в княжестве: кашмирцам, дограм, народу Гильгита, горным племенам и др.; свобода развития всех национальных культур и языков; не преобладание одной общины над другой, но полная свобода всем — индусам, мусульманам и сикхам; земля крестьянам, отмена помещичьего землевладения, национализация главных отраслей промышленности и равные права мужчинам и женщинам. Долой божественную власть правителей: несовместимо существование феодальной структуры рядом с будущей демократической индийской республикой¹.

На основе этого манифеста Национальная конференция стала проводить предвыборную кампанию. Но работники Национальной конференции на каждом шагу встречались с препятствиями, а между тем власти развернули свою предвыборную кампанию на основе шантажа, подкупа, террора и арестов деятелей Национальной конференции. Стало ясно, что при таком режиме в Кашмире невозможны свободные выборы — это будут выборы «под угрозой штыка и пули». Поэтому Национальная конференция (лидеры и работники, находящиеся на свободе, при одобрении заключенных лидеров) приняла решение бойкотировать выборы в Праджа сабха.

Несмотря на непрерывный жестокий террор в течение девяти месяцев 1946 г., народ Кашмира нашел в себе силы для продолжения борьбы в новом, 1947 г.

В конце января 1947 г. в Сринагаре, в парке Хазрат Баг, ежедневно происходили митинги последователей Националь-

¹ Газ. «People's Age», 29 декабря 1946 г.

ной конференции. Продолжалось движение в деревнях. Передовым фронтом крестьянского движения в начале 1947 г. является техсил Пулвана Кашмирской провинции.

Политические заключенные кашмирских тюрем проводили голодовки в знак протеста против бесчеловечного обращения и заключения без суда.

Революционный кризис обострился вследствие жестоких репрессий и тяжелого экономического положения народа: неурожай привел к голоду в деревнях и почти полному прекращению продовольственного снабжения городов, где продукты можно было достать только по бешеным ценам на «черном рынке».

«Долина Кашмира зимой 1947 г. напоминает вулкан, покрытый снегом»¹.

Но извержения вулкана не последовало. Причина этого — жесточайший террор, подобного которому не видела еще несчастная Кашмирская долина...

Перед именами кашмирского тирана Кака и его трех английских сюзеренов: главнокомандующего кашмирской армией Скотта, генерального инспектора полиции Поуэлла и резидента Вэбба бледнеют образы героев знаменитой «амритсарской бойни».

После жестокого подавления подъема начала 1947 г. кашмирское движение постепенно идет на убыль вследствие ослабления руководства в результате массовых арестов и продолжающихся репрессий.

Все же кашмирцы единодушно отметили 20 мая назначенный Всеиндийской конференцией народов княжеств «День шейха Абдуллы» (годовщину дня ареста лидера Национальной конференции), и в конце мая — начале июня снова началось такое оживление движения, которое вынудило кашмирское правительство пригласить в Сринагар председателя Национального конгресса Ачарья Крипалани «познакомиться с положением дел»².

Если поведение Неру в Кашмире можно назвать трусливым «поджиманием хвоста» перед махараджей и премьером Каком, то поведение Крипалани — это уже одобрительное похлопывание по плечу и сочувственное пожимание рук кровавых кашмирских тиранов.

Крипалани объявил лозунг «Вон из Кашмира» незаконным на том основании, что предки махараджи приобрели

¹ Газ. «People's Age», 3 февраля 1947 г.

² Там же.

Кашмир за свои кровные денежки — 75 лакхов рупий. Несправедливо заставлять махараджу терять эти деньги; и ведь вот же английский народ не стремится избавиться от своего короля, так чего же надо кашмирцам! ¹

После встречи с премьер-министром Каким Крипалани заявил, что Как вынужден производить расстрелы и применять репрессии как «смирненный слуга правительства», и осуждать его за это нельзя.

Махараджу Крипалани назвал «сыном земли» и разрешил своей жене принять от него в подарок 25 тысяч рупий ².

Поведение Крипалани вызвало взрыв негодования во всей Индии и особенно со стороны кашмирского народа, который надеялся, что посредничество Крипалани будет иметь результатом освобождение шейха Абдуллы и немедленное учреждение ответственного правительства в княжестве.

Но поведение Крипалани было глубоко симптоматично. В нем отразилось предательство Национальным конгрессом интересов народных масс Индии, выразившееся в сговоре с британским империализмом (принятие плана Маунтбэттена от 3 июня 1947 г.) и стремлении к сговору с индийскими князьями с целью вовлечения их в доминион Индии.

Однако заигрывание Национального конгресса с кашмирским махараджей не увенчалось успехом. После 15 августа 1947 г. Кашмир последовал по стопам Хайдарабада и Траванкура и объявил себя независимым государством, причем английские военные и другие чиновники остались в княжестве в качестве советников.

Прежде всего, позиция «независимого» государства была наиболее выгодна для кашмирского махараджи. Как индус, он боялся войти в Пакистан, а присоединение к доминиону Индии, несмотря на все заверения и гарантии суверенности власти князей со стороны Национального конгресса, все же могло привести к некоторой демократизации управления в княжестве, т. е. к ограничению власти князя. Позиция же правителя «независимого» государства попрежнему оставляла махараджу полным хозяином своих владений.

Провозглашение Кашмира независимым государством было выгодно и «белым хозяевам» махараджи Хари Синга — англичанам.

Несомненно, махараджа не пошел бы на этот шаг, не посоветовавшись с политическим департаментом.

¹ Газ. «People's Age», 8 июня 1947 г.

² Там же

Выше уже говорилось, почему англичане хотят сохранить под своим контролем Кашмир, для чего они строят в Гильгите и Сринагаре аэродромы и производят обучение парашютных десантов в горах Килленмарга.

Яркий свет на британские планы третьей мировой войны проливает посещение Кашмира в начале июня 1947 г. маршалом Монтгомери с целью «обсудить план будущей защиты северной Индии»¹.

Англичане сохранили в Кашмире после объявления его независимым государством все свои прежние позиции, военные базы, войска, влияние в управлении. Гильгит — важнейший стратегический район княжества, «бастион Индии», граница которого проходит в нескольких десятках километров от границы советского Памира, был отдан махараджей в аренду англичанам сроком на 60 лет.

На примере Кашмира видно, что коммунистическая партия Индии недаром называла «независимые» княжества — «вражескими базами на индийской территории»², «независимость» князей — «атомной бомбой, угрожающей самой Индии»³, расценивая декларации о независимости княжеств как «декларации против свободы Индии»⁴.

Объявление Кашмира независимым государством оставляло в неприкосновенности самодержавие махараджи и изолировало борьбу кашмирцев от остальной Индии.

Но народ Кашмира не был в состоянии ответить махарадже взрывом возмущения. Движение было ослаблено и временно дезорганизовано 15 месяцами непрерывных репрессий, арестом почти всех лидеров и тысяч лучших деятелей Национальной конференции.

Но хотя, как говорилось выше, положение «независимого» государства было самым выгодным для кашмирского махараджи, Хари Сингу было трудно сохранить эту позицию. Правительство Пакистана и правительство доминиона Индии осаждали его с двух сторон со все более настойчивыми предложениями присоединиться к какому-либо из доминионов.

Англо-индийский политический департамент ни в коем случае не хотел допустить присоединения Кашмира с его важнейшей в стратегическом отношении пограничной линией к Индийскому союзу. В то время в стране была сильная тен-

¹ Журн. «Bombay Chronicle», 14 июня 1947 г.

² Газ. «People's Age», 29 июня 1947 г.

³ Там же, 15 августа 1947 г.

⁴ Там же, 22 июня 1947 г.

денция к выходу из Британской империи и к образованию независимой демократической республики, и правящие круги Индийского союза еще не зашли так далеко по пути реакции, как в настоящий момент. Поэтому англичане не раз заявляли, что если Кашмир не сможет остаться независимым, то «естественный» выход для него присоединиться к Пакистану, который уж несомненно останется в Британской империи и будет попрежнему всецело зависеть от Англии.

Но прежде всегда послушный своим «белым хозяевам» Хари Синг не торопился следовать инструкции политического департамента. Это объясняется прежде всего тем, что присоединение к Пакистану вызвало бы новый подъем ослабленного, но не раздавленного окончательно национального демократического движения Кашмира.

Хотя дезорганизованное руководство Национальной конференции не выработало четкой программы для данного момента, но шейх Абдулла неоднократно заявлял из тюрьмы, что Кашмир должен присоединиться к доминиону Индии. Большинство остальных лидеров стояло на той же позиции, так как присоединение к Индийскому союзу, несмотря на тенденцию Национального конгресса к сговору с князьями, все же давало какую-то надежду на проведение в Кашмире демократических реформ, а в случае присоединения к Пакистану самодержавное правление махараджи безусловно осталось бы в неприкосновенности. Страх перед новым подъемом народных масс по призыву Национальной конференции был важнейшей причиной нежелания кашмирского махараджи присоединиться к Пакистану, но у Хари Синга были и другие соображения.

Несмотря на все заверения Джишны о сохранении привилегий князей, кашмирский махараджа-индус опасался войти в мусульманское государство.

Кроме того, махараджа Хари Синг был тесно связан экономически с доминионом Индии (контракты с Тата, с бомбейской «New India Assurance Company»).

Намерение кашмирского махараджи присоединиться к доминиону Индии (если не удастся сохранить позицию «независимого» государства) выразилось в таких действиях махараджи, как смещение одиозной фигуры премьерера Рам Чандра Кака (сентябрь 1947 г.), изъятие в беседе с Ганди, посетившим Кашмир в сентябре 1947 г., готовности пойти на соглашение с Национальной конференцией, если последняя снимет лозунг «Вон из Кашмира», и освобождение 29 сентября 1947 г. шейха Абдуллы.

Но Хари Синг не торопился и с присоединением к доминиону Индии, стремясь до последней возможности сохранить позицию «независимого» государства. Правительство Индии пошло на значительные уступки и соглашалось на сохранение за князьями всей полноты власти в вопросах внутренней политики (в ведение центрального правительства передавались только вопросы обороны, внешней политики, связи) и на назначение князьями половины представителей княжеств в Учредительное собрание Индии. Правительство гарантировало махарадже сохранение его привилегий. Но все же Национальный конгресс настаивал на некоторой либерализации (не демократизации!) конституции и включении в правительство княжеств представителей партий, близких к Конгрессу. Однако Хари Синг не хотел идти даже на номинальное ограничение своего самодержавия.

События были ускорены агрессивными действиями Пакистана.

Заметив тяготение махараджи к доминиону Индии, правительство Пакистана перешло от просьб к прямым угрозам, экономической блокаде Кашмира (прекращение подвоза соли, керосина, пшеницы) и подготовке агрессии.

За спиной правительства Пакистана стояли англичане. Их целью было — либо добиться присоединения Кашмира к Пакистану, либо (в случае присоединения махараджи к Индийскому союзу) развязать войну между доминионами.

Англичан такая война вполне устраивала, так как, во-первых, обострение отношений между Индийским союзом и Пакистаном, ослабив тот и другой доминионы, дало бы возможность англичанам диктовать свою волю обоим; во-вторых, англичане хотели воспользоваться военной ситуацией для достижения цели, которая не удалась политическому департаменту в 1946 г., — разгрома народного движения Кашмира.

Поводом для вторжения неофициальной армии Пакистана в Кашмир послужили индусско-мусульманские погромы в провинции Джамму, начавшиеся как отзвук погромов в Западном Пенджабе.

В августе-сентябре 1947 г. индусы и сикхи — беглецы из Пенджаба — начали наполнять пограничные районы Джамму.

Эти озлобленные беженцы стали нападать на мусульман, в чем поощряла их индусская администрация княжества. Погромы, грабежи и избиения в мусульманских деревнях распространились по всему Джамму.

«Притеснения мусульман» в Кашмире дали повод для вторжения отрядов из Пакистана. Еще с начала октября

1947 г. в Джамму и в Пунч начали просачиваться вооруженные мусульманские отряды из соседних округов Пенджаба, которые грабили и разрушали дома индусов и сикхов.

15 октября кашмирское правительство послало правительству Пакистана запрос о его участии в пограничных беспорядках и о причинах прекращения снабжения.

В этом же послании заявлялось, что, если Пакистан не даст удовлетворения, Кашмир вынужден будет обратиться к внешней помощи (подразумевалось — помощи Индийского союза).

В своем ответе премьер-министр Пакистана Лиакат-Али-хан отрицал проникновение вооруженных отрядов из Пакистана на территорию княжества и обвинял кашмирское правительство в подготовке государственного переворота для присоединения к Индийскому союзу, утверждая, что, если бы в Кашмире был проведен референдум, население высказалось бы за присоединение к Пакистану.

В первые недели октября в Джамму через пенджабскую границу просачивались лишь отдельные небольшие отряды. 22 октября в княжество вторглось около двух тысяч хорошо вооруженных афридиев, вазиров, масудов, момандов, а также отряды других пограничных племен.

Правительство и пресса Пакистана изображали это вторжение как результат «стихийного возмущения» пограничных племен дискриминацией мусульманского населения со стороны индусского правительства. В действительности этот «стихийный» порыв был спланирован и организован властями Пакистана при помощи английских советников, как ни пытались и те и другие «умыть свои руки» в этом деле.

Участие пакистанского правительства в организации вторжения доказывается многочисленными фактами, например: среди убитых под Барамуллой захватчиков были найдены трупы солдат в форме пенджабских полков регулярной армии Пакистана; на ящиках с патронами, радиооборудованием, пулеметами и другими трофеями, захваченными у интервентов, имелись такие ясные и недвусмысленные надписи, как «военные склады Равальпинди», «военное дело Пешавера» и даже «из Равальпинди в Кашмир».

Участие англичан тоже совершенно очевидно, прежде всего потому, что правительство Пакистана во всем действует по указке англичан, вожди пограничных племен находятся на жалованье у Англии, и организатор вторжения племен Кулихан давно был известен как английский агент. Губернатор Северо-западной пограничной провинции — англичанин Ка-

нингхэм, Западного Пенджаба — англичанин Мьюди. Без их ведома такая масса вооруженных отрядов не могла бы перейти через границу.

Несомненно, англичане просто натравили на Кашмир патанские племена северо-западных пограничных провинций, преследуя этим двойную цель: развязать войну между доминионами и отвлечь от борьбы за самостоятельное патанское государство — Патанистан пограничные племена, недовольные присоединением Северо-западной пограничной провинции к Пакистану.

Большую роль в подготовке вторжения сыграли отставные английские чиновники в Кашмире — бывший главнокомандующий кашмирской армией Скотт и бывший генеральный инспектор полиции Пууэлл, прекрасно знакомые с состоянием армии и управления в княжестве. Они находились во время вторжения на границах Кашмира между Равальпинди и Сиалкотом и руководили движением вооруженных отрядов.

После вторжения 22 октября в Пунче было провозглашено так называемое «правительство свободного Кашмира» во главе с лидером Мусульманской конференции Паландиари.

Одновременно в Гильгите было инсценировано восстание, которым руководил английский офицер. Ряд мелких княжеств пограничных районов Кашмира — Хунза, Нагар и другие — провозгласили свою независимость, заявив, что они присоединяются к Пакистану.

Таким образом, от Кашмира были оторваны северные, наиболее важные в стратегическом отношении районы.

Между тем вторгшиеся в Кашмирскую долину пограничные племена захватили г. Музаффарабад, дотла разграбили Барамуллу и быстрым маршем двигались к столице княжества — Сринагару.

Армия махараджи, столь храбрая при подавлении демонстраций безоружного населения, оказалась неспособной защищать княжество. Через два-три дня, к 26 октября, лжеповстанцы были в 26 милях от Сринагара.

Административный аппарат княжества, по официальному сообщению, фактически перестал функционировать. Махараджа Хари Синг бежал из своей столицы. Его новый премьер Мохаджан 26 октября прибыл в Дели с заявлением о желании Кашмира присоединиться к доминиону Индии и просьбой о военной помощи. Тем временем в Сринагаре, покинутом на произвол судьбы сбежавшим махараджей, Национальная конференция от имени народа Кашмира организовала отпор пакистанским интервентам. Была создана Чрезвычайная

администрация во главе с шейхом Абдуллой; начала создаваться армия обороны — народная милиция.

Национальная конференция также обратилась к правительству Индии с просьбой разрешить Кашмиру войти в состав Индийского союза. Шейх Абдулла заявил, что борьба против пакистанских интервентов за присоединение к доминиону Индии является борьбой за свободу и демократизацию Кашмира. Индийское правительство выразило согласие на просьбу о присоединении Кашмира к Индийскому союзу и об оказании военной помощи при условии, что окончательно этот вопрос будет разрешен народом Кашмира путем плебисцита или референдума после изгнания пакистанских интервентов¹.

Правительство доминиона Индии сознавало, что без помощи народа Кашмира индийским войскам не удастся очистить княжество от интервентов, и хотело использовать авторитет Национальной конференции среди народных масс княжества для организации сопротивления пакистанскому вторжению.

Поэтому одним из условий оказания военной помощи индийское правительство поставило признание махараджей Чрезвычайной администрации во главе с шейхом Абдуллой.

Махараджа даже в такой критический момент, решительно воспротивившись полной передаче власти в руки Чрезвычайной администрации, вынужден был предложить шейху Абдулле разделить ответственность с премьер-министром.

Но фактически с 26 октября вплоть до снятия осады со Сринагара (в течение двух недель) власть была полностью в руках Чрезвычайной администрации, которой удалось организовать народные массы. Именно поэтому и были отбиты от Сринагара пакистанские интервенты.

Под руководством Чрезвычайной администрации добровольцы Национальной конференции сумели восстановить порядок в городе и организовать оборону. На стенах зданий появились лозунги: Хам лавар, хабардар, Нейшнал канферанс хэй таяр (Берегитесь, захватчики, Национальная конференция готова к отпору), Йи мульк хамара хэй, иски хифазат хам каренге (Это наша страна, и мы ее защитим).

Была создана по призыву Национальной конференции «армия обороны» (бачао фаодж). В течение нескольких дней численность ее достигла 25 тыс. человек.

¹ Газ. «People's Age», 16 ноября 1947 г.

Винтовок было всего несколько сотен, остальные добровольцы были вооружены мечами, топорами и просто палками.

В армию вступали студенты и рабочие, врачи и ученые, юноши и старики. Впервые в Индии были созданы женские стрелковые батальоны¹.

До 20 ноября, когда в Кашмир были сброшены с самолетов первые десанты армии Индийского союза, только отряды «армии обороны», недавно сформированные и плохо вооруженные, мужественно сдерживали продвижение гораздо более многочисленных захватчиков, снабженных всеми видами современного вооружения, включая минометы. По последним сведениям, численность вторгнувшихся в Кашмир пакистанских интервентов достигала 86 тыс. человек. 1 ноября у Гандарбала (в 15 милях от Сринагара) 20 юношей, несколько дней назад научившихся стрелять, в течение трех часов сдерживали 300 человек интервентов.

В ночь на 2 ноября прибыли, наконец, войска Индийского союза. Задержка в отправке войск объясняется происками англичан (генерал Окинлек, верховный главнокомандующий как индийской армии, так и армии Пакистана, одновременно руководил вторжением племен неофициальной армии Пакистана и тормозил оказание помощи Кашмиру со стороны Индийского союза).

Этим же объясняется тот факт, что в Кашмир были посланы сикхские части, известные своим антимусульманским фанатизмом. Это внушало кашмирцам недоверие к индийской армии, создавало почву для религиозных столкновений и могло быть использовано для всевозможных провокаций.

Войска доминиона Индии разбили захватчиков у Бадгаума, но на других направлениях армия лжеповстанцев продолжала двигаться к Сринагару, и 3 ноября она была в 4 милях от столицы.

Следующая неделя была неделей самой ожесточенной борьбы за Сринагар, которая осложнялась деятельностью Мусульманской конференции — «пятой колонны» Пакистана в Сринагаре.

Мусульманская конференция распространила слухи, что Национальная конференция продала Кашмир махарадже и действует в интересах старого режима, а пакистанские интервенты — это армия освобождения, борцы против догского самодержавия. Мусульманская конференция пыталась возбудить рознь между индусами и мусульманами, организовывала

¹ Газ. «People's Age», 14 декабря 1947 г.

в городе демонстрации под лозунгами: Пакистан зиндабад (Да здравствует Пакистан), Шер- и Кашмир мурдабад (Долой шейха Абдуллу — льва Кашмира).

Но патриотически настроенные массы под руководством Национальной конференции подавили попытки возбуждения религиозно-общинных раздоров. Девушка — участница обороны Сринагара — пишет в «Пиплз Эйдж»: «Индусы, мусульмане, сикхи — все вместе идут на фронт, против захватчиков»¹.

Одним из лозунгов Национальной конференции в эти напряженные дни было: Хинду-муслим итихад зиндабад (Да здравствует индусско-мусульманское единство).

Отпор, полученный лжеповстанцами со стороны народных масс Кашмира, и прибытие значительных контингентов регулярных индийских войск помогли сдержать натиск пакистанских интервентов.

9 ноября был освобожден г. Барамулла (в 15 милях от столицы), переименованный в Макбулабад, в память героического лидера Национальной конференции Мир Макбул Шервани, погибшего при его защите.

День освобождения Барамуллы можно считать концом осады Сринагара.

11 ноября в Сринагар прилетел на самолете премьер-министр доминиона Индии Джавахарлал Неру.

На митинге, организованном на аэродроме, Неру приветствовал «героический народ, который спас свою страну от нашествия»².

В тот же день возвратился в Сринагар махараджа Хари Синг, так позорно покинувший свою столицу две недели назад. Махараджа не ожидал торжественной встречи от населения Сринагара и постарался незамеченным прошмыгнуть в свой дворец. Все же его встретили и приветствовали от имени Чрезвычайной администрации шейх Абдулла и министр обороны Будх Синг.

После снятия осады со Сринагара вся Кашмирская долина довольно быстро была очищена от пакистанских интервентов. В Джамму наступление индийских войск значительно замедлилось. Это объясняется тем, что в Кашмире захватчики натолкнулись на энергичное сопротивление населения, организованное Национальной конференцией. Кашмирская долина являлась важнейшей сферой влияния Национальной конфе-

¹ Газ. «People's Age», 9 ноября 1947 г.

² Там же, 21 декабря 1947 г.

рениции, и религиозно-общинная агитация Мусульманской лиги никогда не находила здесь почвы, хотя 94% кашмирцев — мусульмане.

В провинции Джамму влияние Национальной конференции было слабее, а ее юго-западные районы (Мирпур, Пунч, Джамму), пограничные с Пенджабом и населенные мусульманами, говорящими на панджаби, и отсталыми горными племенами, были главным очагом деятельности Мусульманской конференции, филиала Мусульманской лиги в княжестве. Недаром именно в Пунче было создано Мусульманской конференцией так называемое «Правительство свободного Кашмира». Поэтому в Джамму пакистанские интервенты не встретились с массовым народным сопротивлением, а в юго-западных районах даже нашли поддержку со стороны населения. Изгнанные из Кашмирской долины пакистанские захватчики укрепились в Джамму. Пакистан бросал на фронт все новые силы и вооружение (численность интервентов доходила до 86 тыс. человек), хотя в печати интервенты продолжали носить название добровольцев из «Свободного Кашмира». В Пакистане была организована Лига кашмирцев, которую составляли выходцы из Кашмира, давно уже покинувшие родину и живущие в Пенджабе. (Эмиграция из Кашмира всегда была значительной вследствие тяжелого экономического положения населения и национальной и религиозной дискриминации по отношению к кашмирцам в княжестве). Эта организация ставила своей задачей сбор материальных средств и вербовку добровольцев для отправления в Кашмир. Ответственные деятели правительства Пакистана (Лиакат Али-хан, министр иностранных дел Зафрулла-хан и другие) открыто призывали мусульманскую молодежь вступать в национальную гвардию, организуемую Лигой кашмирцев, и помогать правительству «Свободного Кашмира». Правительство Пакистана пользовалось маркой этой организации и для того, чтобы посылать в Кашмир под видом добровольцев свои регулярные войска, под командованием английских и даже нескольких американских офицеров (впрочем, английские офицеры были и в войсках Индийского союза).

Необъявленная «малая война» между доминионами приняла затяжной характер. Это привело к передаче кашмирского конфликта на рассмотрение Организации Объединенных Наций. В конце декабря 1947 г. индийское правительство обратилось в ООН с жалобой на действия Пакистана в Кашмире и просило обсудить кашмирский вопрос в Совете Безопасности. 1 января 1948 г. индийское правительство обратилось уже

непосредственно в Совет Безопасности с просьбой рассмотреть положение, создавшееся в отношениях между Индией и Пакистаном в связи с пакистанской агрессией в Кашмире. Индийское правительство заявило, что оно считает вторжение пакистанских подданных в Кашмир и использование ими территории Пакистана как оперативной базы актом агрессии против Индии, так как правитель княжества Джамму и Кашмир махараджа Хари Синг, а также крупнейшая народная организация княжества — Национальная конференция «изъявили желание присоединиться к Индийскому Союзу»¹.

Индийское правительство выразило согласие на проведение в княжестве плебисцита или референдума под международным руководством, «с тем чтобы избежать какого-либо возможного предположения, что Индия использовала положение в Кашмире в собственных политических целях»². Но плебисцит может быть проведен только после полного вывода из Кашмира вторгнувшихся в него племен.

Совет Безопасности должен призвать Пакистан немедленно прекратить всякое содействие вторжению, так как дальнейшее развертывание военных действий может привести к тому, что индийские войска, в целях самообороны, вынуждены будут вступить на территорию Пакистана³. Индийское правительство подчеркивало в своем обращении необходимость того, чтобы по его просьбе Совет Безопасности предпринял немедленные действия для предотвращения вооруженного конфликта между доминионами, который может угрожать международному миру и безопасности.

6 января 1948 г. Совет Безопасности начал рассмотрение жалобы индийского правительства, пригласив для участия в обсуждении без права голосования представителей Индии (Айянгар, заместитель Пиллаи) и Пакистана (министр иностранных дел Пакистана Зафрулла-хан, заместитель — посол Пакистана в США Исфгани).

Первый проект мирного урегулирования кашмирской проблемы был выдвинут председателем Совета Безопасности бельгийцем ван Лангенхове. Лангенхове предложил «назначить трехстороннюю посредническую комиссию под руководством Совета Безопасности с тем, чтобы эта комиссия в ближайшее время выехала в Кашмир и ускорила бы мирное урегулирование спора»⁴.

¹ «Правда», 4 января 1948 г.

² Там же

³ Там же.

⁴ «Правда», 28 января 1948 г.

При голосовании бельгийской резолюции Советский Союз и Украина воздержались. Советский представитель Громько заявил, что для Советского Союза является неприемлемым принцип создания этой новой комиссии по образцу трехсторонней комиссии по индонезийскому вопросу. Последняя, хотя и является формально органом Совета Безопасности, в действительности отделилась от Совета. «Есть основание предполагать, — заявил Советский представитель, — что то же самое может случиться с комиссией по кашмирскому вопросу, которая будет иметь лишь «бумажную связь» с Советом Безопасности»¹.

Далее Громько указал, что предлагаемая комиссия по кашмирскому вопросу даже формально не будет органом Совета Безопасности, поскольку она может быть составлена из любых трех членов ООН. Громько и представитель Украины Тарасенко настаивали на том, чтобы Совет создал комиссию из своих собственных членов, но была принята бельгийская резолюция.

Представители Индии и Пакистана согласились на назначение в Кашмир трехсторонней посреднической комиссии, но в остальном Индия отвергла проект Лангенхове, так как этот проект настаивал на полном выводе индийских войск из Кашмира и предусматривал значительные уступки Пакистану.

После провала попытки прямых переговоров между Пакистаном и Индией в феврале 1948 г. был представлен второй проект урегулирования кашмирской проблемы. Этот проект, выдвинутый очередным председателем Совета Безопасности Макнотом (Канада), был в основном аналогичен бельгийскому проекту и поэтому был отвергнут Индией.

18 марта 1948 г. следующий председатель Совета Безопасности Цзян Тин-фу (гоминдановец) представил третий проект, в котором выражалось согласие с точкой зрения Индии, считавшей, что Пакистан должен обеспечить полный вывод из Кашмира вторгнувшихся в него племен, а также предотвратить их повторное вторжение. Гоминдановский проект позволял также Индии сохранить некоторые войска в Кашмире для поддержания порядка во время проведения плебисцита, который должен был проходить под руководством лица, назначенного генеральным секретарем ООН². Пакистан отверг проект Цзян Тин-фу на том основании, что он значительно ухудшает положение Пакистана по сравнению с бельгийским и канадским проектами.

¹ «Правда», 28 января 1948 г.

² «Правда», 19 апреля 1948 г.

17 апреля 1948 г. представители США, Англии, Бельгии, Канады, Китая и Колумбии совместно представили новый проект, ограничивавший права Индии в отношении сохранения ее войск в Кашмире. «Число индийских войск должно быть доведено до минимума, необходимого для оказания помощи гражданским властям в поддержании закона и порядка»¹. В новом проекте было предложено послать в Кашмир комиссию из представителей пяти держав, двое из которых назначаются каждой стороной, участвующей в споре; один представитель назначается совместно Пакистаном и Индией и два — председателем Совета Безопасности. Комиссия должна наблюдать за выводом вторгшихся племен и индийских войск с территории Кашмира и, совместно со специально созданной администрацией, подготовить проведение плебисцита в Кашмире. Администратор по проведению плебисцита назначался генеральным секретарем ООН; он сам избирал себе помощников. Этому администратору были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия: он имел право контролировать военные и полицейские силы в княжестве; мог удержать некоторые войсковые единицы Индийского союза после вывода племен и даже вызвать «в случае необходимости» войска из Пакистана. Это создавало широкие возможности для провоцирования столкновений.

Проект не содержал ни одного пункта, предусматривающего контроль Совета Безопасности над деятельностью администратора по проведению плебисцита, которому, таким образом, было предназначено стать полным империалистическим диктатором в княжестве. Не предусматривался контроль и над деятельностью посреднической комиссии пяти держав. По этим соображениям Советский Союз и Украина полностью воздержались при голосовании вышеприведенной резолюции.

После обсуждения резолюции правительствами Индии и Пакистана и длительных дебатов была создана пятисторонняя комиссия из представителей США, Аргентины, Колумбии, Бельгии и Чехословакии².

В июне 1948 г. комиссия ООН отправилась на индийский континент «с целью попытаться провести плебисцит по вопросу присоединения Кашмира к Индии или к Пакистану».

Но деятельность комиссии ООН в Кашмире (подобно деятельности таких же комиссий в Индонезии и Греции) вовсе не соответствовала ее официальному назначению — урегулирова-

¹ «Правда», 19 апреля 1948 г.

² «Правда», 5 июня 1948 г.

нию кашмирского конфликта. Истинной целью пребывания комиссии ООН в Кашмире было поощрение реакционных сил княжества, подавление демократического движения и усиление англо-американских позиций в этом важнейшем стратегическом районе Индии. Пребывание комиссии ООН в Кашмире не привело даже к прекращению военных действий в 1948 г.

Хотя официальной целью комиссии ООН была подготовка к проведению плебисцита в Кашмире, английское и американское правительства попытались урегулировать кашмирскую проблему путем сговора между правительствами Индии и Пакистана за спиной кашмирского народа. Попытка добиться такого соглашения была сделана на имперской конференции в октябре 1948 г.

Но так как английские правящие круги в кашмирском вопросе были явно на стороне Пакистана, то условия предполагаемого соглашения не удовлетворили Индию.

Поэтому индийское правительство продолжало настаивать на проведении плебисцита, но после того, как пакистанские войска будут выведены, а войска «Свободного Кашмира» — разоружены.

После длительных переговоров между правительствами Пакистана и Индии при посредничестве комиссии ООН, наконец, в начале 1949 г. было объявлено перемирие и начало подготовки к плебисциту.

Администратором по проведению плебисцита был назначен американский адмирал Нимиц. Предоставленные по проекту ООН администратору по проведению плебисцита полномочия делали этого представителя американского империализма бесконтрольным диктатором княжества.

В качестве «наблюдателей» за проведением плебисцита в Кашмир стали направляться английские и американские шпионы.

В таких условиях плебисцит, если бы он состоялся, был бы просто фикцией, так как опытные империалистические посредники имели бы полную возможность применять подкуп, шантаж, фальсификацию выборов и другие методы «западной демократии».

Кроме того, политическое положение в княжестве давало богатые возможности для манипуляций с голосами. По предположениям лидеров Национальной конференции, соотношение голосов в пользу каждого из доминионов при плебисците могло бы сложиться, как 55 к 45% или 60 к 40%, т. е. перевес в пользу одного из доминионов (Индийского союза или

Пакистана) был бы крайне незначителен, что давало полную возможность подтасовывать карты. Но даже в обстановке военного террора и империалистического диктата в княжестве империалисты боялись волеизъявления кашмирского народа и предпочли обойтись без плебисцита.

Из выступлений английской и американской печати было ясно, что англо-американский блок настаивает на включении всего Кашмира в Пакистан; если же не удастся этого добиться, то предполагалось расчленить княжество, присоединив к Пакистану важнейшие в стратегическом отношении западную и северную части княжества, включая всю Кашмирскую долину. Таким образом территория кашмирской нации будет расчленена. Несмотря на острую борьбу английского и американского империализма за экономическое и политическое преобладание в Индии, в кашмирском вопросе они действовали сообща.

Это «единодушие» объясняется чрезвычайной стратегической ценностью Кашмира для империалистических замыслов превращения Индии в плацдарм для нападения на СССР и Китайскую демократическую республику, для замыслов разжигания третьей мировой войны, в которых английский империализм участвует в качестве младшего партнера и верного сателлита Америки.

Тот факт, что Англия в кашмирском вопросе стоит на стороне Пакистана, несмотря на тесные связи английского правительства с Индийским союзом, объясняется главным образом военно-стратегическими соображениями (стремление создать сплошную полосу военных укреплений под единым военным командованием — антисоветский кордон из северо-западных пограничных провинций и полосы пограничных племен Пакистана и пограничных округов Кашмира).

Вторая, но не второстепенной важности причина: хотя индийское буржуазно-помещичье правительство проводит не менее реакционную политику, чем помещичье-буржуазное правительство Пакистана, в Индийском союзе сильнее компартия, сильнее движение народных масс под руководством индийского пролетариата, угрожающее реакционному правительственному режиму.

Так называемая подготовка к проведению плебисцита в Кашмире продолжалась в течение 1948 г. и всего 1949 г., но ни к каким результатам эта канитель не привела, так как ни одна из сторон плебисцита не хотела и даже боялась его.

Англо-американские империалисты опасались неблагоприятных результатов плебисцита для Пакистана, на который

они делали ставку, а кроме того, — нового подъема народного движения в княжестве. Правительство Индийского союза не меньше боялось плебисцита, так как ясно видело, что поддержка могущественного англо-американского империализма будет на стороне Пакистана.

Но несмотря на нежелание обострять отношения с США, и особенно с английским империализмом, верным слугой которого является буржуазно-помещичье правительство Индийского союза, правительство Неру не соглашалось на присоединение к Пакистану всего Кашмира или северной и западной частей княжества.

Осенью 1949 г. президент США Трумэн и английский премьер-министр Эттли попытались оказать прямое давление на правительство Индии и предложили спорящим сторонам обратиться к арбитражу, причем в качестве арбитра был выдвинут президент США. Но Индийское правительство отказалось от этого арбитража, и даже во время поездки Неру в Вашингтон и в Лондон в ноябре 1949 г. Неру остался на своей прежней позиции и отказывался принять арбитраж.

Это упорное нежелание Индийского союза подчиниться Англии и США в кашмирском вопросе объясняется экономическим и стратегическим значением Кашмира для Индийского союза. Присоединение Кашмира к Пакистану чрезвычайно усилит стратегические позиции Пакистана и поставит его в более выгодное положение по сравнению с Индийским союзом. Кроме того, Кашмирская долина необходима Индийскому союзу как житница, имеющая избыток продовольствия, в котором Индия так нуждается и в отношении которого она зависит от Пакистана. И, наконец, для индийских капиталистов имеют немаловажное значение промышленные и ископаемые богатства Кашмира. В 1944 г. махараджа Хари Синг заключил с крупнейшей индийской фирмой Тата контракт, согласно которому фирма получила монопольные права и контроль над промышленностью и сырьевыми ресурсами княжества. Правительство Неру, которое за последнее время все более открыто становится проводником интересов индийского капитала, не может не считаться с крупнейшей индийской монополистической компанией.

В декабре 1949 г. комиссия ООН представила Совету Безопасности отчет об итогах своей деятельности в Кашмире. В этом отчете признавалось, что комиссия ООН в Кашмире в 1949 г., как и в 1948 г., не добилась ни вывода индийских и пакистанских войск с территории Кашмира, ни роспуска вооруженных сил так называемого «Свободного Кашмира», и,

таким образом, не подготовила условий для проведения плебисцита. В отчете комиссии выражалось сомнение о целесообразности дальнейшей деятельности комиссии из пяти членов ввиду ее «недостаточной гибкости», и выдвигалось предложение замены комиссии единоличным посредником ООН в Кашмире.

Отчет был подписан четырьмя членами комиссии — представителями США, Бельгии, Колумбии и Аргентины.

Представитель Чехословакии представил отдельный отчет, в котором разоблачались факты оказания США и Англией прямого давления на кашмирскую комиссию, в результате чего последняя превратилась из органа Организации Объединенных Наций в орудие политики этих держав. Представитель Чехословакии выступил против проекта замены «недостаточно гибкой» комиссии единоличным посредником ООН, который должен был стать еще более «гибким» орудием англо-американского империализма, и выдвинул предложение создания комиссии из 11 членов, с тем чтобы этот новый посреднический орган ООН был свободен от всякого внешнего влияния.

Рекомендации чехословацкого представителя были отклонены. 12 апреля 1950 г., в отсутствие советского представителя Малика, Совет Безопасности принял решение о назначении посредником ООН в Кашмире бывшего посла Австралии в США Оуэна Диксона, которому передавались все полномочия комиссии ООН. Это решение было принято восемью голосами при двух воздержавшихся (Индия и Югославия), при отсутствии советского представителя.

В переговорах с правительствами Индии и Пакистана Диксон последовательно проводил линию США и Англии на расчленение Кашмира.

Летом 1950 г. Диксон выдвинул предложение о роспуске на время плебисцита правительства шейха Абдуллы и передачи власти представителю ООН — адмиралу Нимицу — т. е. США. Но правительство Индии отвергло это наглое предложение американских империалистов.

Таким образом, кашмирская проблема не была разрешена до конца 1950 г. и продолжает оставаться одним из орудий давления англо-американского империализма на Индию и Пакистан.

В 1947 г. народ Кашмира разрушил планы англо-американских империалистов, отбросив пакистанских интервентов от Сринагара. Но к власти пришла Чрезвычайная администрация — временное правительство кашмирской буржуазии и помещиков. Добившись власти, кашмирская буржуазия пре-

дала движение народных масс и пошла на компромисс с феодально-самодержавным правлением махараджи Хари Синга.

Приход к власти обнажил реакционную классовую сущность буржуазного руководства Национальной конференции, стяхнув мишуру демагогических заигрываний с народом.

То же самое произошло в общеиндийском масштабе с руководством Национального конгресса. Сначала буржуазия «крадется к власти»¹ за спиной народа, а затем пытается «кончить дело сделкой с царем (здесь махараджей.— З. П.) на базе конституционной монархии»².

Придя к власти, руководство Национальной конференции молчаливо отреклось от выдвинутого народным подъемом 1946 г. лозунга «Вон из Кашмира» — лозунга свержения ненавистного догрского самодержавия.

Чрезвычайная администрация почти не тронула привилегий махараджи, лишь несколько сократив сумму его личных расходов. Армия княжества осталась исключительно в ведении махараджи; за махараджей осталось также право окончательного голоса в вопросе принятия новой конституции, которая должна быть выработана законодательным собранием княжества.

Руководство Национальной конференции не только отказалось от свержения догрского самодержавия и создания в Кашмире демократической республики, — не сразу было достигнуто даже признание Чрезвычайной администрации как «полностью ответственного правительства». А ведь это старый, изношенный лозунг 1944 г.

Наряду с Чрезвычайной администрацией долго продолжало существовать прежнее правительство махараджи во главе с премьером Мохаджаном, остался на местах и весь старый чиновничий аппарат, вся ненавистная народу догрская бюрократия.

Политика буржуазно-помещичьего руководства Национальной конференции направлялась и поддерживалась реакционным правительством Индийского союза.

Индийская реакция, используя авторитет Национальной конференции для организации массового сопротивления пакистанской интервенции, взяла курс на укрепление власти махараджи и подавление всех демократических начинаний в Кашмире.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 59.

² Там же, стр. 61.

Этот курс индийской реакции в значительной мере обусловил и резкий крен вправо руководства Национальной конференции, которое и прежде было тесно связано с руководством Национального конгресса, а теперь в особенности, в связи с заявлением Национальной конференции о желании Кашмира присоединиться к Индийскому союзу.

Политика шейха Абдуллы после прихода к власти тождественна с политикой правительства Неру после принятия плана Маунтбэттена и образования доминиона Индии.

Еще совсем недавно (хотя бы в предвыборном манифесте в декабре 1947 г.) Национальная конференция ставила своей целью отмену феодальной системы джагирдари, передачу земли крестьянам, национализацию важнейших отраслей промышленности. На практике же Чрезвычайной администрацией были проведены только ликвидация некоторых видов джагиров (не наследственных), отмена некоторых феодальных повинностей и податей; реквизиции избытков риса у крупнейших джагирдаров «для распределения между бедными и нуждающимися»¹ и запрещение помещикам сгонять с земли крестьян за невзнос арендной платы. Даже эти умеренные мероприятия вызвали противодействие внутри самого Чрезвычайного правительства, ряд членов которого тесно связан с крупными кашмирскими джагирдарами и купцами.

Впрочем, шейх Абдулла в основном действовал «внутри остова феодального режима»², превратившись из грозного «льва Кашмира», потрясавшего своим рыканьем трон махараджи, в мирную либеральную овечку. Это превращение вполне сходно с эволюцией Неру, прошедшего путь от «неистового р-р-революционера» и даже «почти коммуниста» до прислужника самой яростной реакции.

Политика компромисса и сотрудничества со старым режимом, проводимая Чрезвычайной администрацией во главе с шейхом Абдуллой, вызвала глубокое недовольство со стороны рабочих и крестьян — рядовых членов Национальной конференции.

Недовольство и революционное настроение среди народных масс нарастали также на почве «беспримерного экономического кризиса»³, созданного неурожаем и опустошительной войной. Сотни деревень были разрушены пакистанскими интервентами, посевы сожжены на корню, начался голод.

¹ Газ. «People's Age», 30 ноября 1947 г.

² Там же, 11 января 1948 г.

³ Там же, 24 октября 1948 г.

Тяжелое положение крестьян усугублялось тем, что, ссылаясь на войну, помещики сгоняли с земли держателей, накапливая зерно и спекулируя им на черном рынке.

Не менее тяжело положение рабочих и ремесленников Кашмира. В результате кризиса в городах княжества свирепствует безработица. В наихудшем положении оказались ремесленники, жившие продажей своих изделий туристам. Так, за последнее время в одном Сринагаре из 70—80 тыс. рабочих и ремесленников 50 тыс. осталось без работы.

Только решительные демократические мероприятия, коренные экономические реформы могли бы спасти народные массы от последствий жестокого кризиса. И народные массы княжества поднимают свой голос, требуя проведения демократических реформ.

На состоявшейся после длительного перерыва в Сринагаре 21—22 апреля 1948 г. сессии Национальной конференции рядовые члены Конференции выступили с требованиями полной отмены самодержавного правления махараджи, отмены системы джагирдари, передачи земли крестьянам, обеспечения работы и гарантированного заработка рабочим и вооружения народа с тем, чтобы он мог сражаться за свободу и демократизацию своей страны. Рядовые члены Национальной конференции, выражающие настроение и волю кашмирского народа, подняли голос против империалистического вмешательства в Кашмире, выдвинув лозунг «долой комиссию Организации Объединенных Наций».

На сессии раздавались голоса резкой критики предательства и компромисса буржуазного руководства Национальной конференции. Рядовые члены конференции заявляли, что шейх Абдулла превратился в «нового агента старого режима»¹, а чрезвычайная администрация стала «ширмой феодально-самодержавного правления махараджи»².

Таким образом, народ Кашмира начал понимать предательство буржуазных лидеров. Поэтому среди народных масс Кашмира нашли сочувственный отклик призывы Индийской компартии и кашмирских коммунистов к полной отмене самодержавия, ликвидации системы джагирдари и передаче земель крестьянам, национализации главных отраслей промышленности и признанию права наций на самоопределение.

На базе этих требований с осени 1948 г. в княжестве начался новый подъем народного движения. Движение

¹ Газ. «People's Age», 21 декабря 1947 г.

² Там же.

развернулось в деревнях под руководством местных комитетов Национальной конференции, которые, таким образом, противопоставили себя соглашательскому буржуазному руководству Конференции.

«Пиплз Эйдж» от 24 октября 1948 г. констатирует, что «новый подъем борьбы масс против феодального социального порядка разгорается в каждом углу Кашмирской долины и Джамму».

Открытое предательство кашмирской буржуазии избавило массы от иллюзий и создало предпосылки для усиления влияния компартии, для образования единого народно-демократического фронта рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии и интеллигенции под руководством кашмирского пролетариата.

Безусловно, кашмирское национальное демократическое движение и его перспективы нельзя рассматривать иначе, как во всеиндийском масштабе, не отрывая от остальной Индии.

Только в свободной демократической Индии могут быть полностью разрешены национальная и социальная проблемы Кашмира.

В настоящее время англо-американский блок пытается превратить Индийский союз и Пакистан в своих азиатских жандармов, цепных псов империализма на Востоке.

Но история разрушает планы империалистов. Индия опоясана огненным кольцом: во Вьетнаме, Бирме, Малайе, Индонезии «бушует как лесной пожар национально-освободительная революционная борьба»¹. Перед глазами индийского народа — пример победоносной народно-демократической революции в Китае.

Вопреки всем планам империалистов в Индии растет и крепнет народно-демократический фронт рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и части национальной буржуазии.

Кашмирское национальное демократическое движение является одним из участков борьбы народов Индийского союза и Пакистана против англо-американского империализма и его прислужников — буржуазно-помещичьих правителей Индии и Пакистана, против замыслов превращения Кашмира и всей Индии в антисоветский плацдарм и базу англо-американского империализма на Востоке.

¹ Лю Шао-ци. Об интернационализме и национализме. «Правда», 8 июня 1949 г.

Г. В. АСТАФЬЕВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА США НА ГАВАЙЯХ
В ДОИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
(1790—1890 гг.)

Гавайские или Сандвичевы острова, как они обычно именовались в XIX в., — архипелаг вулканического происхождения, насчитывающий 20 островов, из которых только 9 крупных (Гавайи — 10 тыс. кв. км, Мауй — 1,8 тыс. кв. км, Оаху — 1,5 тыс. кв. км, остальные шесть от 100 до 1500 кв. км). Архипелаг расположен в центре Тихого океана, наиболее крупные острова разбросаны на протяжении 500 км между 18°54' и 22°15' северной широты и 160°30' и 154°50' западной долготы, примерно в 4000 км от берегов Северной Америки и в 7000 км от Азии.

Гавайские острова были открыты в XVI в. сначала испанцами и вторично в 1778 г. английским мореплавателем Джеймсом Куком. Коренное население островов — гавайцы, принадлежащие к полинезийской группе народов, в конце XVIII в. насчитывало 300—400 тыс. человек¹. Гавайцы в это время находились, повидимому, в стадии перехода к классовому обществу. Власть находилась в руках немногочисленного слоя вождей, которые совмещали управление и военное руководство с выполнением религиозно-ритуальных функций. Наряду с ними существовал и особый слой жрецов. В момент открытия островов здесь имелись четыре отдельных владения, центрами которых были крупнейшие острова — Гавайи, Оаху, Мауй, Кавай. Владения возглавлялись, повидимому, племенными вождями, которых европейцы неправильно называли королями. Эти вожди вели постоянную борьбу друг с другом за власть над островами.

Расположение архипелага почти на полпути между Америкой и Азией, при отсутствии в этом районе других островов,

¹ Dulles. America in the Pacific, New York, 1938, стр. 167.

придавало ему огромное значение, как морской станции для снабжения судов водой и продовольствием. Поэтому архипелаг вскоре после открытия его Куком привлек внимание русских, английских, французских и особенно американских мореплавателей. Американские судовладельцы и торговцы Новой Англии с начала XIX в. стали использовать Гавайские острова как пункт захода и снабжения судов, промышлявших торговлей пушниной и котиком между западным побережьем Северной Америки (Орегон, Колумбия) и Китаем, где пушнина обменивалась на чай и шелк¹.

Первыми американскими судами, посетившими Гавайи в 1789—1790 гг., были «Колумбия» и «Лэди Вашингтон». Капитан второго судна Джон Кендрик неоднократно бывал на Гавайях в последующие годы и занимался поставкой оружия вождям отдельных островов². Уже в первые годы торговли с Гавайями американские торговцы показали свое настоящее лицо хищников и «прославили» себя зверствами в отношении мирного гавайского населения. В феврале 1790 г. капитан американского торгового судна «Элеонора» Симон Меткальф обстрелял из орудий и сжег дотла целую деревню в «наказание» за похищение лодки, совершенное одним гавайцем. В другой раз он расстрелял из пушек пироги гавайцев, доверчиво приблизившихся к его кораблю для торговли. При этом более 100 гавайцев было убито и многие ранены. В памяти гавайского народа этот позорный зверский случай остался известен под названием «бойня в Оловалу»³. Таково было кровавое начало «цивилизаторской» миссии американцев на Гавайях. Последующая деятельность их ознаменована хищническими мероприятиями еще более крупных масштабов, которые привели в конечном итоге к гибели 90% гавайского населения и превращению Гавайев в типичную колонию, колонию «демократической» Америки, ничем не отличающуюся от колоний таких метрополий, как Великобритания, Франция, Голландия. По масштабам истребления и эксплуатации местного населения колониальная политика американцев на Гавайях ничем не уступала, а в некоторых отношениях значительно

¹ Гавайские острова в начале XIX века неоднократно посещались русскими военными мореплавателями — Лисянским и Крузенштерном в 1804 г., Коцебу в 1816, 1817, 1824 и 1825 гг., Гологнинным в 1818 г. Они оставили яркие описания островов, проникнутые подлинной гуманностью и глубоким сочувствием к гавайцам, в которых они, в отличие от английских и американских колонизаторов, видели равных себе людей, только находящихся на более примитивной ступени развития.

² K. S. Kuykendall. A History of Hawaii, New York, 1938, стр. 70—72.

³ Там же, стр. 74.

превосходила по жестокости колониальную политику этих «старых» колониальных империй.

История американского проникновения на Гавайи и постепенного превращения островов в американскую колонию может быть подразделена на два периода: доимпериалистический, когда острова и их население служили объектом эксплуатации со стороны не только американского, но и английского и французского торгового капитала и борьба держав за господство на островах еще не была завершена, хотя американцы к концу этого периода уже захватили в свои руки политический и экономический контроль на островах; империалистический, когда острова окончательно стали вотчиной американского монополистического капитала, превратившего их в заповедник плантационного хозяйства и в опорную военно-морскую базу своей агрессии на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Вехой, разделяющей эти два периода, является американо-гавайский договор 1875 г., превративший Гавайи в монополичный рынок сбыта товаров и вывоза американских капиталов, и переворот 1887 г., когда американские плантаторы с помощью вооруженных сил, высаженных с американских судов, захватили власть, сосредоточив ее в руках парламента и назначенного им правительства, состоящих из американских ставленников. Это было последним шагом к лишению гавайского народа независимости и превращению Гавайев в колонию США, завершившихся в 1898 г. формальным актом аннексии островов.

Политическое проникновение американцев на острова и подчинение местной правящей верхушки их влиянию началось еще в доимпериалистический период, по мере захвата американскими торговцами и судовладельцами всей торговли островов и внедрения на острова американских миссионеров. Уже в этот период хищническое хозяйничание американцев привело к катастрофическому вымиранию гавайского населения островов, которое затем еще более усилилось благодаря плантационному хозяйству.

1. ПРОНИКНОВЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ НА ГАВАИИ, ПРОЦЕСС ФЕОДАЛИЗАЦИИ

Первые десятилетия после открытия островов Куком Гавайи являлись объектом колониальных устремлений Англии, морские экспедиции которой неоднократно посещали архипелаг. Начальник одной из этих экспедиций, капитан Ванкувер,

трижды посетивший острова, даже объездил их в 1794 г. находящимися под английским протекторатом. Однако отдаленность архипелага от Англии, трудность поддержания связи с ним, отсутствие в то время ценных объектов для колониальной эксплуатации (сандаловое дерево еще не было обнаружено), а также значительные затруднения, которые Англия испытывала на американском материке (образование Соединенных Штатов и войны с ними), — все это, повидимому, было причиной того, что Англия, вопреки своим колониальным устремлениям, не использовала случай для закрепления островов за собой.

Острова в этот период посещались американскими, английскими, французскими и другими судами, промышленными в северной части Тихого океана. Они вели товарообменную торговлю с туземцами. Обмен товаров носил совершенно неэквивалентный характер. Капитаны судов за всевозможные погрешности, иглы, ножи, а затем за оружие и боеприпасы выменивали у гавайцев ценные товары: первоначально продовольствие, необходимое для снабжения кораблей, — свиней, ямс, сало, кокосовые орехи и другие продукты, а затем сандаловое дерево. Капитаны судов, торговцы, беглые матросы и различные авантюристы уже тогда начали оказывать значительное влияние на внутреннюю жизнь и судьбу островов, вмешиваясь в борьбу вождей и стремясь с их помощью подчинить острова своему влиянию. Они помогли одному из местных полинезийских вождей Камехамеха, захватившему власть над самым крупным островом архипелага Гавайи, постепенно распространить ее на весь архипелаг и подчинить все острова. Войны между вождями, длившиеся с 1778 до 1810 г., спровоцированные иностранцами, причинили большие бедствия населению островов. Тысячи людей погибли в боях, еще больше умерло от голода и болезней. Все население было обложено тяжелыми повинностями в пользу победителя Камехамеха, провозгласившего себя королем и действовавшего в интересах иностранных торговцев, требовавших «мира и спокойствия», необходимых для беспрепятственного обирания гавайцев. Неважно, что при этом одни острова оказались обезлюдившими, а на других сельское хозяйство пришло в упадок и население голодало.

Объединенные к 1810 г. под властью короля Камехамеха I, острова оказались объектом борьбы и всевозможных интриг колонизаторов различных национальностей, поселившихся на островах, — англичан, американцев и французозов, претензии и притязания которых поддерживались пушками не только с частных, но и с правительственных кораблей.

К 20-м годам XIX в., в результате усиленного внедрения в торговлю, на островах большое влияние на короля приобретают американцы.

По мере ознакомления европейских и американских моряков и торговцев с архипелагом, их внимание привлекли природные богатства и трудолюбивое население островов, которое ввиду его доверчивости и беззащитности могло явиться легким объектом эксплуатации.

Колониальная эксплуатация островов начинается с хищнической вырубке зарослей сандалового дерева и вывоза его в Китай, где оно пользовалось большим спросом. Развитие торговли им оказало большое влияние на жизнь населения островов и вызвало огромное усиление эксплуатации со стороны короля и вождей, заинтересованных в максимальном увеличении добычи сандалового дерева для обмена его на оружие, суда и различные иностранные товары. Как указывает Кьюкендаль, торговля сандаловым деревом, так же как и торговля пушниной, была почти монополизирована американскими торговцами¹, которые тесно связываются с правящей верхушкой и используют ее для колониальной эксплуатации подчиненного населения островов.

В 1812 г. трое американских торговцев-судовладельцев заключили соглашение с королем Камехамеха I на монопольный вывоз сандалового дерева сроком на 10 лет с уплатой королю 25% всей выручки, получаемой ими в Китае. Эта торговля стала источником обогащения и средством усиления власти короля, который сосредоточил в своих руках абсолютную монополию на нее и принуждал зависимых от него вождей и непосредственно подчиненное ему население доставлять определенное количество сандалового дерева для продажи иностранцам. Посредством этой торговли король приобрел много местных и иностранных товаров, оружия, боеприпасов, а также морских судов, что позволило ему окончательно объединить в своих руках всю власть на островах и превратить свое местопребывание на острове Оаху (зал. Вайкики) в главный административный и торговый центр архипелага (будущий город Гонолулу). Здесь находились склады королевских товаров и сюда свозилось со всех островов сандаловое дерево для отправки в Китай. Король пытался вести операции по продаже сандалового дерева в Китае самостоятельно и отправил в Кантон два собственных судна с грузом сандала. Эта операция оказалась неудачной, так как, видимо, благодаря

¹ Kuykendall. Указ. соч., стр. 110.

проискам американских торговцев, дерево было продано с убытком. Но король благодаря этой операции получил сведения о новых источниках дохода — таможенных и портовых сборах, которыми он не замедлил воспользоваться.

Торговая монополия короля вызывала большое недовольство вождей, и после смерти Камехамеха I в 1818 г. его наследнику Лихолихо пришлось разрешить вождям также заниматься продажей сандалового дерева. Вожди, следуя примеру короля, стали хищнически в большом количестве вырубать сандаловое дерево и продавать его американским купцам в обмен на суда и различные промышленные товары, которые специально доставлялись на острова американскими торговцами.

И при сбыте дерева в Китае, и при продаже товаров королю и вождям американские торговцы, пользуясь своей монополией, буквально грабили гавайцев, наживая на неэквивалентном обмене товаров, как и торговцы Испании, Португалии, Голландии, Англии в других колониальных странах на заре капитализма, огромные прибыли. Грабительская прибыль, при большом спросе на сандаловое дерево в Китае, привела к тому, что торговцы, стремясь получить возможно большее количество его, стали широко практиковать продажу своих товаров королю и вождям в кредит, под будущие поставки дерева. При этом неэквивалентность обмена и ограбление гавайцев купцами еще более усилились.

Развитие хищнической торговли сандаловым деревом вызвало резкое усиление эксплуатации населения Гавайев со стороны правящей верхушки. До появления иностранных торговцев и развития торговли с ними, эксплуатация населения в условиях господства натурального хозяйства была ограничена объемом личных потребностей вождей, почти не отличавшихся от потребности их подчиненных. Появление иностранцев и вместе с ними возможности обмена прибавочного продукта крестьян на иностранные товары и оружие, помощь, оказанная ими правящей военной верхушке в целях усиления закабаления и эксплуатации гавайцев, а также развитие торговли в огромной степени ускорили процесс общественного развития на островах. В короткий срок, в течение всего нескольких десятилетий, существовавший прежде строй с остатками первобытно-общинных отношений окончательно разложился и уступил место классовому строю, носящему феодальные черты. Военная верхушка постепенно превратилась в наследственную аристократию во главе с королем, сосредоточила в своих руках всю полноту власти.

Одновременно при помощи иностранцев происходил процесс централизации власти и богатства в руках короля и все большее подчинение его влиянию иностранцев.

Все это привело к резкому усилению эксплуатации населения, носившей форму поставки продуктов или оброчного труда на добыче сандалового дерева. Король и вожди принуждали все население заниматься рубкой деревьев в горах и доставкой огромных бревен на побережье. Один из очевидцев, посетивший острова в 1822 г., рассказывает: «На острове не имелось телег, и эти бревна (3—4 футов длины и 7—8 дюймов в поперечнике.— Г. А.) доставлялись вниз на побережье на головах и плечах мужчин и детей, ибо все принимали участие на месте действия». ¹ Этот непосильный каторжный труд отнимал у населения большую часть времени, следствием чего был упадок сельского хозяйства на островах, вызвавший голод. Грабеж американских торговцев, гнет короля и вождей повлекли массовую гибель гавайцев от изнурительного труда и голода и были главными причинами вымирания населения Гавайских островов. Но были и другие причины вымирания — венерические болезни, водка и т. п., также вызванные «культуртрегерской» деятельностью иностранцев, прежде всего американцев.

Несмотря на то, что все население островов изнывало в тяжелом труде при вырубке сандаловых деревьев, оно не могло покрыть долгов, навязанных американскими торговцами королю и вождям. Долг их непрерывно возрастал, так что в конце концов и король, и вожди оказались в полной кабальной зависимости от американских торговцев. В 1825 г., к моменту сокращения торговли сандаловым деревом, ввиду уничтожения почти всех сандаловых лесов на островах, долг короля и вождей составлял 200 тыс. ф. ст. Американские торговцы решили принудить гавайскую верхушку к уплате его с помощью пушек. В связи с этим правительство США в 1825 г. постановило — периодически направлять на Гавайи американские военные суда под предлогом борьбы с дезертирством и восстаниями матросов на американских торговых и китобойных судах, на которых царил каторжный режим. Но этот предлог явно был несостоятельным, так как в борьбе с дезертирством и восстаниями периодические посещения судов едва ли могли помочь. Зато они могли сыграть большую роль как средство давления на короля и вождей, т. е. как орудие

¹ Кюкендэлл. Указ. соч., стр. 114.

вмешательства во внутренние дела Гавайев. В 1826 г. на острова был направлен американский военный корабль «Дельфин». Этот первый официальный визит американского военного судна на острова, по словам американского историка, «причинил много вреда»¹. Американский историк, говоря о вреде, имел в виду, конечно, не интересы гавайцев, а то, что неприкрытые, насильственные действия американского корабля разоблачали в глазах гавайцев подлинную политику американского правительства, которую оно пыталось маскировать всевозможными лицемерными маневрами и заявлениями. Судно начало свою миссию на островах с обстрела, высадки матросов и нападения на дом главы правительства Каланимоку. Неудивительно, что капитан «Дельфина» быстро вынудил от совета вождей признание всех долгов, на которые претендовали американские торговцы, в качестве общегосударственного долга Гавайев с обязательством уплаты его в кратчайший срок. Так, в 1826 г. Гавайи оказались должником США.

В конце 1826 г. капитан второго американского военного судна «Пикок», посетившего острова, вступил с гавайским правительством в переговоры о заключении договора о дружбе и защите американской торговли на островах. Этот договор вынудил у Гавайев значительные уступки в пользу американцев. Гавайское правительство обязалось по договору — разрешить американцам беспрепятственную торговлю на островах, обеспечить американским судам помощь при кораблекрушениях, выдачу дезертиров, а также защиту в случае войны США с другими государствами.

Хотя договор никогда не был ратифицирован американским правительством, гавайское правительство принуждено было точно соблюдать его условия до момента заключения второго американо-гавайского договора 1849 г. Капитан «Пикок» заставил короля и вождей согласиться на окончательное удовлетворение претензий торговцев сандаловым деревом. Для покрытия долга король и совет вождей издали закон, обязывающий каждого мужчину доставить с гор к побережью 0,5 пикуля — (пикуль — 60 кг) дерева или уплатить 4 испанских доллара деньгами. Женщины были обложены несколько меньшей повинностью.

Классовая власть, образовавшаяся с помощью иностранцев из прежней военной верхушки, стала их послушным орудием для дальнейшего усиления эксплуатации гавайцев. Король Камехамеха I ввел на островах тяжелую систему на-

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 125.

логов в пользу короля, которыми были обложены все жители островов. «Каждый человек должен был приносить (королю.— Г. А.) продукты своего собственного труда. Одни приносили свиней, цыплят, собак, сладкий картофель, цыновки, бутылки из тыквы и другие продукты домашней промышленности. Охотники приносили редкие перья и птиц, а рыбаки — рыбу»¹, — указывалось в показании одного современника. Все эти продукты использовались королем для торговли с иностранцами.

В 20—30-х годах XIX в. американцы заняли явно преобладающее место в эксплуатации населения островов. Выражением этого явилось то, что США были первой державой, назначившей в 1820 г. на Гавайи своего официального представителя, «агента США для торговли и наблюдения за моряками», в лице американского торговца Джонса².

Экономическая и политическая зависимость Гавайев от США еще более возросла в последующие годы, в результате деятельности американских миссионеров и китобоев.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКИХ МИССИОНЕРОВ НА ГАВАЙЯХ, НАСАЖДЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

Американские миссионеры впервые появились на Гавайях в 1820 г., когда здесь высадилась с американского корабля «Таддеус» миссия Сандвичевых островов в составе 17 человек, организованная протестантскими церквями Бостона, занимавшего тогда ведущую роль в торговле с Китаем и в американском судоходстве на Тихом океане. Бостонские миссионеры были разведчиками и эмиссарами крупных бостонских фирм, заинтересованных в торговле со странами Тихого океана.

Прибыв на Гавайи, миссия получила от короля и совета вождей разрешение сойти на берег острова Гавайи, сроком только на один год. Используя долговую зависимость короля и вождей от американских торговцев, смерть Камехамеха I и опираясь на пушки американских военных кораблей, миссионеры быстро подчинили своему влиянию наследника Лихолихо, королевскую семью и ряд вождей и установили почти полный контроль над жизнью островов.

Установление контроля миссионеров над правящей верхушкой происходило в обстановке формирования классового

¹ Куикендалл. Указ. соч., стр. 89.

² Там же, стр. 118.

общества с чисто феодальными отношениями. Это обстоятельство способствовало усилению влияния миссионеров, так как прежняя примитивная религия — фетишизм, хотя и представлявшая известную возможность обмана и эксплуатации народа со стороны слоя жрецов и военной верхушки, уже не могла служить оправданием новых отношений, закреплявших всю власть и средства производства за правящей феодальной верхушкой. Она не только не могла служить прикрытием эксплуатации народа со стороны короля и феодалов, но даже накладывала в форме табу известные ограничения на их деятельность. Поэтому правящая верхушка — король и вожди — с огромным энтузиазмом восприняла христианство, являвшееся наиболее подходящей религией для оправдания феодальных отношений, создавшихся на островах. Миссионеры при полной поддержке короля и вождей попытались насильно, с помощью королевских законов, уничтожить не только примитивную религию гавайцев, но их обычаи и культуру и навязать им христианство, или, вернее, просто покорность и послушание богу христиан и находящимся под его особым покровительством американским торговцам, судовладельцам и миссионерам.

Американские миссионеры широко распространяли вздорную легенду о том, что якобы еще до прибытия миссионеров на Гавайи все гавайское население по приказу короля чуть ли не в одну ночь отказалось от своих «языческих» богов, сбросило тысячи идолов в море и отменило все «табу», т. е. различные священные запреты (охотиться в определенное время, есть определенную пищу и т. п.), налагавшиеся жрецами на все население и очень затруднявшие жизнь гавайцев, включая и членов королевской семьи. Оставшись без религии, гавайцы с нетерпением ожидали прибытия миссионеров и чистые, как новорожденные младенцы, скопом вступили в лоно истинной церкви¹. Лживость этой басни, выдуманной для обмана верующих в США, жертвующих деньги на содержание тысяч тунеядцев-миссионеров, опровергают даже американские исследования по истории Гавайев, хотя и глухо, но все же упоминающие о вооруженной борьбе между королем, находившимся под влиянием иностранцев, и сторонниками старой «языческой» религии, возглавляемыми жрецом королевских богов Кекиаокalani, собравшим крупные силы против короля. Король с помощью иностранцев, поддержавших его

¹ J. Barber. Hawaii-restless rampart. N. Y., 1941, стр. 21.

оружием и боеприпасами, разбил повстанцев и силой расчистил дорогу христианству¹.

Второй, не менее лживой легендой, распространяемой миссионерами об «успехах» их деятельности на островах, было утверждение, что за первые 10 лет своего пребывания на Гавайях они вовлекли в миссионерские школы 44 895 гавайцев и широко распространили грамотность среди местного населения². Эта ложь также полностью опровергается тем фактом, что в 1894 г. во время выборов в так называемое законодательное собрание Гавайской республики, когда избирательные права предоставлялись только тем, кто умеет говорить, читать и писать по-гавайски или английски, к участию в голосовании было допущено только 4700 человек, в большинстве иностранцев или метисов³.

Целью деятельности американских миссионеров на Гавайях было совсем не «просвещение туземцев», а идеологическое порабощение их и устранение всех препятствий эксплуатации местного населения американским торговым капиталом и создание таких политических, экономических, правовых и прочих условий, которые бы в наибольшей степени облегчали ограбление гавайцев.

Американские миссионеры выполнили свою задачу на Гавайях как нельзя лучше. Захватив контроль над королевской властью, они установили на островах режим неограниченной диктатуры и насилия над жизнью и существованием всего гавайского народа. Этого не может скрыть даже американская литература, указывающая, что режим, установленный американскими миссионерами на Гавайях, представлял собой, по свидетельству современников, «беззаконное сочетание синих законов Коннектикута (свод жестоких пуританских законов, регулировавших религиозное и личное поведение в английских колониях Нью-Хевен и Коннектикут в XVIII в.) с тиранией турецкого паши»⁴. Один из современников, английский консульский агент на Гавайях, считает «миссионерское влияние беспокоящим и угнетающим фактором в гавайской жизни». Он находит жестокие миссионерские законы, навязанные через короля гавайскому народу, одной из причин вымирания гавайского народа⁵. Миссионеры под предлогом повышения нравственности населения совершенно запретили спорт и игры,

¹ Куикендалл. Указ. соч., стр. 100—101.

² Dulles. Указ. соч., стр. 142.

³ Prath Expansionists of 1898, стр. 191—192.

⁴ Dulles. Указ. соч., стр. 143.

⁵ Там же.

которыми славились гавайцы, преследовали музыку и пение и силой навязывали веселым и жизнерадостным гавайцам непривычную им одежду, нормы поведения и мрачные правила лицемерной пуританской морали. Соответствующие строгие законы были приняты под влиянием миссионеров советом вождей и утверждены королем приблизительно в 1825 г.¹

К 1840 г. миссионеры окончательно забрали в свои руки управление страной. В 1838 г. миссионер Ричардс, назначенный Миссионерским советом в США, стал официальным наставником короля по вопросам управления. Он разработал декларацию прав и первую конституцию Гавайского королевства, опубликованные в 1840 г., отражавшие факт захвата власти американскими поселенцами и внедрения на островах капиталистических отношений.

Декларация прав и конституция 1840 г. ограничили власть короля в пользу иностранных поселенцев и ввели наравне с исполнительной властью (находившейся в руках короля, главы правительства и четырех губернаторов) законодательную власть в форме законодательного собрания из двух палат (палаты нобилей, назначаемой королем, и нижней палаты, избираемой преимущественно иностранными поселенцами). Декларация прав узаконила захваченную иностранцами частную собственность на землю, здания и другое имущество.

Декларация прав гласила: «Защита настоящим обеспечивается лицам всего народа, вместе с их землями, их жилищами и всей их собственностью, и что бы то ни было не может быть изъято (взято) у любого лица, кроме как в случаях, предусмотренных законом. Если какой-либо вождь будет намеренно действовать в нарушение настоящей конституции, он не может далее оставаться вождем Сандвичевых островов, и то же самое действительно в отношении губернаторов, чиновников и всех земельных агентов»².

Положения декларации дополнялись законами о собственности и налогообложении.

Это был настоящий переворот, совершенный миссионерами сверху в интересах иностранных капиталистов, превращавший Гавайи в колонию иностранного капитала. Коренное гавайское население лишалось отныне защиты от произвола алчных торговцев и обрекалось наряду с эксплуатацией со стороны короля и вождей на безудержную колониальную эксплуатацию со стороны иностранцев. Это было как раз то, что требо-

¹ А. Р. Sharpe. Spotlight on Hawaii, стр. 72.

² Куукендалл. Указ. соч., стр. 137—138.

валось иностранцам и в особенности американским колонизаторам.

Но они не остановились на этом. Опираясь на вооруженную силу и поддержку военных кораблей, миссионеры ввели новую серию законов, лишивших короля исполнительной власти и передавших ее кабинету министров, назначаемому законодательным собранием, т. е. американскими колонизаторами.

Эти законы, введенные в 1842 г., получили название органических законов и были разработаны миссионером, доктором Джуддом, который «за исключением короля... был наиболее влиятельным членом гавайского правительства в течение большей части времени между 1842 и 1854 гг.»¹. Он сменил Ричардса на посту наставника и был инициатором и руководителем преобразования Гавайев в конституционную монархию, с предельным ограничением власти короля в пользу иностранных поселенцев.

Разработанные Джуддом органические законы предусматривали создание пяти министерств (департаментов) — Внутренних дел, Иностранных дел, Финансов, Народного образования и Юридического. Стоящие во главе их министры образовали кабинет министров, возглавляемый премьер-министром, являющимся главой исполнительной власти и ответственным перед законодательным собранием. Законодательное собрание, состоящее преимущественно из представителей иностранных поселенцев, составивших большинство избирателей, пользующихся правом голоса на основе высокого образовательного и имущественного ценза, образовало в 1842 г. правительство, состоявшее целиком из иностранцев, преимущественно американцев, которые с тех пор почти неизменно стояли у власти на Гавайях.

Интересен состав первого правительства, образованного на основе органического закона 1842 г., — премьер-министр и министр внутренних дел Джон Юнг (родившийся на Гавайях, сын английского матроса Джона Юнга, бывшего советника короля Камехамеха I), министр иностранных дел — авантюрист, шотландец Роберт Вилли, министр финансов — американец, миссионер д-р Джудд, министр народного образования — американец, миссионер Вильям Ричардс, генеральный прокурор — американец Джон Рикорд². Суды, созданные для разбора дел между гавайцами и иностранцами, также возглавлялись

¹ Кукеддall. Указ. соч., стр. 166.

² Там же, стр. 169.

последними. Судьями Высшего суда в Гонолулу были назначены американцы — миссионер Андрыус и адвокат Ли.

Такое же положение существовало в законодательном собрании, где с 1842 г. абсолютное большинство всегда принадлежало представителям иностранных поселенцев, хотя они составляли всего 1—2% населения архипелага.

С 1842 г. политическая власть на островах окончательно перешла в руки иностранцев, стремившихся к полному подчинению экономики Гавайев интересам иностранного капитала. Важнейшим шагом в этом направлении было введение в 1852 г. новой конституции, закрепившей права иностранцев, установленные органическими и другими законами. Эта конституция была разработана комиссией, в которой главную роль играли американцы — миссионер доктор Джудд и адвокат Ли. Американские историки пытаются представить ее как либеральную конституцию, гарантировавшую участие населения в законодательстве и в управлении страной. Но эти гарантии были фактически предоставлены только иностранцам. Гавайское же население в результате конституции 1852 г. совершенно лишалось возможности управлять страной даже через посредство королевской власти.

Захват власти был использован миссионерами для принятия ряда законов, изменявших земельные отношения, существовавшие на островах. Целью этих законов было лишение крестьян остатков их родовых прав на землю, продолжавших сохраняться и при королевской власти, установление частной собственности на землю, закрепление на этой основе больших массивов земли за иностранными плантаторами и предоставление им возможности захватывать землю и сгонять с нее крестьян.

Хотя до 1840 г. земля на островах считалась принадлежавшей королю, распределявшему ее среди поддерживавших его вождей, в качестве своеобразных ленов, фактически вся она находилась в пользовании крестьян, уплачивавших королю и вождям за пользование ею дань трудом или продуктами. Эта земельная система, основанная на натуральном хозяйстве и в известной мере обеспечивавшая крестьян землей и средствами существования, не устраивала иностранных поселенцев, которые, ставя целью приспособить острова для колониального плантаторского хозяйства, стремились, во-первых, сосредоточить в своих руках крупные земельные угодья, необходимые для закладки плантаций, во-вторых, лишить крестьян средств производства, т. е. земли, и превратить их в колониальных рабов, вынужденных за ничтожную плату работать на планта-

циях. О том, что эта цель была основной причиной изменения земельной системы, свидетельствуют сами американские историки, указывающие, что «некоторые иностранные резиденты хотели основать плантации, но прежде, чем делать это, они желали иметь обеспеченный титул на землю, которую они предполагали культивировать»¹. Для этой цели американские резиденты стремились навязать гавайцам земельную систему, «употребляемую в цивилизованных странах»². Это легче всего было сделать через миссионеров, стоявших у власти. Как указывает американец Барбер, «всем было понятно, однако, что для успешного производства сахара требуются операции большого масштаба, включая строгий контроль на землю, труд и водоснабжение. В этом отношении миссионерский элемент — высшие государственные посты были заняты бывшими членами миссий, которые являлись и королевскими советниками, — имел наибольшие возможности для того, чтобы помочь использовать законодательство для ускорения экономического прогресса островов и их собственного»³, т. е., проще говоря, для захвата земель миссионерами и экспроприации крестьян. Тот же Барбер пишет далее в 1848 г.: «министр внутренних дел короля доктор Джеррит Р. Джудд, бывший миссионер, предпринял «великую махеле», раздел земли, при котором $\frac{1}{3}$ всей земли была резервирована за королем и правительством, $\frac{1}{3}$ за различными вождями и оставшаяся $\frac{1}{3}$ за народом»⁴. Лицемерность заявлений о том, что раздел земли якобы имел целью спасти землю от расхищения ее иностранцами и обеспечить гавайцев постоянными средствами существования, невольно разоблачается тем же Барбером, указывающим, что «разумное предложение британского консула ген. Вильяма Миллера, что земля не может быть передана в другие руки, иначе как с санкции правительства, условие, которое до известной степени сохранило земли маори и фиджийцев, — не было включено в закон»⁵. Это свидетельствовало о том, что целью закона было не сохранение земли за крестьянами, а, напротив, лишение крестьян земли.

Американские колонизаторы пытаются доказать, что гавайцы не нуждались в земле и сами без принуждения передали ее американским плантаторам. «За исключением небольшого участка земли под дом и клочка земли под таро —

¹ Кукепдэлл. Указ. соч., стр. 172.

² Там же.

³ Вагбер. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же.

какую еще нужду имеет гаваец в земле?»¹ — пишет тот же Барбер.

Реорганизации земельной системы лицемерно был придан характер раздела земли между пользователями, т. е. якобы наделения крестьян землей. Фактически же крестьяне были лишены земли, так как для распределения среди них была выделена только $\frac{1}{3}$ земли, тогда как до этого крестьяне пользовались всей землей.

Получение земли крестьянами было обставлено очень сложной процедурой оформления титула на землю, которое производилось через специальный Совет уполномоченных по урегулированию земельных титулов и Министерство внутренних дел. И хотя формально было установлено, что каждый землепользователь может претендовать на тот участок земли, который он обрабатывал прежде, фактически крестьяне получили значительно меньше земли, чем прежде, и худшего качества, а лучшая земля досталась королю, вождям и иностранцам. Недостающую землю крестьяне должны были покупать из специального фонда.

Уже в 1848 г., т. е. в год раздела земли, «несколько тысяч акров перешли во владение миссионеров». В дальнейшем с развитием сахарных плантаций «процесс перехода земли от туземцев к иностранцам продолжался еще более быстрыми темпами — миссионеры, их потомки и другие местные дельцы приняли в нем участие»². К 1916 г. в аренде у американских плантационных компаний находилось $\frac{3}{5}$ всего государственного земельного фонда островов. Гавайские же крестьяне оказались совершенно лишенными земли, и в 1921 г., когда по настоянию гавайцев был принят закон о гомстэдах и наделении чисто гавайских семей землей, земли в государственном фонде для этой цели не оказалось и с трудом удалось найти землю для 300 семей³.

Земельные законы, таким образом, довершили порабощение гавайского народа американцами, начатое конституциями 1840—1842 и 1852 гг. Если конституции передали в руки иностранцев политическую власть на островах, то земельные законы экономически закабалили гавайский народ.

Американские миссионеры, не только захватили в свои руки большие площади земли, но почти все стали крупными капиталистами, контролирующими всю экономику островов.

¹ Барбер. Указ. соч., стр. 28.

² Там же, стр. 28.

³ Куикендалл. Указ. соч., стр. 338.

Ограбление и эксплуатация гавайцев миссионерами маскировались ханжескими сентенциями о воле господ бога, предопределившего развитие Гавайев по капиталистическому пути. Характерной в этом отношении является запись в дневнике миссионера Кука, одного из будущих основателей фирмы «Кастль и Кук». Бухгалтер из штата Коннектикут, он в 1837 г. прибыл на остров в составе протестантской миссии в качестве миссионера учителя. За 14 лет пребывания на островах он, будучи миссионером, накопил капитал и в 1851 г. вышел в отставку и занялся коммерцией. В связи с этим он внес в свой дневник следующую запись:

«Иностранцы вкрались в среду туземцев, захватили наибольшую и лучшую часть их земель, привилегии на воду, участки под зданиями и т. п. Бог, казалось, позволял такие вещи [для того, чтобы] острова могли постепенно перейти в другие руки. Это было невыносимо, но мы не могли помешать этому. Мы боролись против этого годами, но бог показал нам, что ни его помыслы, ни его пути не совпадают с нашими». И в заключение, видимо, следуя уже по пути, указанному господом богом, пишет: «Гонолулу никогда не выглядел таким зеленым и прекрасным. Наша обширная песчаная равнина теперь покрыта растительностью и разбита на участки. Я предполагаю вскоре приобрести некоторые из них»¹ (подчеркнуто мною.— Г. А.).

Таков был естественный конец миссионерской деятельности на Гавайях, истинный характер которой лучше всего был разоблачен главой американской конгрегационной церкви Шерманом. Выступая в 1895 г. с речью по поводу итогов миссионерской деятельности на Гавайях, он указал: «...результатом 50—60-летнего непрерывного миссионерского управления этими островами было то, что численность населения сократилась на $\frac{3}{4}$... В продолжение 50 лет, [когда] правительство островов находилось под влиянием миссионеров, большинство из местных обитателей были лишены их прав на землю, за исключением 27 000 акров, а вся остальная земля была разделена между королем, вождями, семьями и друзьями миссионеров. Сыновья миссионеров и их приятели владеют тем, что они владеют $\frac{4}{5}$ всей собственности на островах. Остальное почти все принадлежит наследникам бывших вождей. Огромная масса народа не владеет ничем. Миссионерское правительство, обнаружив, что местные жители не желают работать менее чем за 25 центов в день, жалуется

¹ Вагнер. Указ. соч., стр. 25.

на нужду в рабочей силе и настаивает на ввозе тысяч иностранных рабочих. Этим путем сыновья миссионеров снижают зарплату коренных гавайцев и принуждают их работать на своих сахарных плантациях за такую плату, которая кажется приемлемой их хозяевам»¹.

Прогрессивный американский писатель Вейнман указывает, что «миссионеры и их коммерческие помощники принесли с собой «цивилизацию». Но «цивилизация» оказалась рабством и эксплуатацией, с добавкой сифилиса и виски для большего эффекта»².

Гавайский народ оказался совершенно беспомощным перед лицом наступления на его права со стороны миссионеров, торговцев и всевозможных авантюристов и искателей приключений. Правящая верхушка предала интересы народа. Она стала только на службу иностранному капиталу, превратившись в посредника для эксплуатации населения, осуществляя под руководством миссионеров функцию принуждения экспроприированных крестьян к работе на плантациях. «Освобождение» крестьян от земли еще само по себе не могло обеспечить превращение их в наемных колониальных рабов.

Маркс указывает, что в Европе экспроприированные крестьяне, «внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости»³.

В условиях благодатного гавайского климата прокормиться было легче, чем в Европе, и сопротивление экспроприированных крестьян дисциплине наемного труда было сильнее. Гавайцы предпочитали голодать, но не шли работать на плантации. Чтобы принудить их к этому, плантаторы прибегли к помощи государственной власти. В 1846 г. министр внутренних дел миссионер д-р Джудд издал закон о задержании и направлении «бродяг» на плантации для работы в

¹ R. F. Pettigrew. *The Course of Empire*, N. Y., 1920, стр. 127.

² Weinman. *Hawaii*, N. Y., 1934, стр. 4. В свете всех этих данных крайне странным представляются утверждения В. Каменецкого в статье «Гавайи» (Большая советская энциклопедия, т. XIV, изд. 1-е) о том, что «миссионеры начали с устройства школ, выработки гавайской письменности и организации типографии для печатания духовных книг» и что «конкуренция миссионеров различных вероисповеданий повела к быстрому распространению грамотности».

³ К. Маркс. *Капитал*, т. I. М., 1949, стр. 737—738.

качестве «учеников». При этом правительство получало от плантаторов $\frac{1}{3}$ зарплаты «учеников», а плантаторы — дешевых рабов. Этот же закон разрешал плантаторам применять насилие и пороть «бродяг», не желавших работать.

Одновременно на Гавайях был легализован так называемый «контрактный труд», представляющий собой полное закабаление рабочего на срок действия контракта, который обычно вынуждался у рабочего обманом или насилием. В 1850 г. законодательное собрание Гавайев распространило систему «контрактного труда» на детей и узаконило систему кабальной зависимости рабочих вообще. Тогда же была запрещена под страхом строгого наказания эмиграция рабочих в Калифорнию¹.

Это было настоящее кровавое законодательство против экспроприированных, аналогичное тому, которое применялось в Англии в XV—XVI вв. и было подробно описано Марксом в «Капитале».

«Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищные террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетью, клеймами, пытками»².

Кровавые законы на Гавайях в этот период были направлены исключительно против коренного гавайского населения — так как ввоз рабочих из Китая начался позже: первые 364 китайских кули были ввезены в 1853 г., и только после 1872 г. они стали прибывать в значительных количествах. Китайские рабочие были ввезены гавайским правительством по контрактам на срок 5 лет и с зарплатой в 3 доллара в месяц, и эти условия пытались распространить и на гавайских рабочих. Ввоз дешевых китайских рабочих таким образом первоначально был вызван не недостатком рабочей силы, а являлся средством давления на гавайских рабочих с целью понижения их зарплаты и ухудшения условий труда.

Как указывает Маркс, «нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинить рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом

¹ Weinman. Указ. соч., стр. 5.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 741.

существенный момент так называемого первоначального накопления»¹.

Для того чтобы не допустить бегства законтрактованных рабочих с плантаций и заставить их работать в нечеловеческих условиях, гавайским правительством был использован и широко применен американский закон о «дезертирах» с китобойных и торговых судов, согласно которому виновные наказывались тюремным заключением и каторжными работами. В 1873 г. Высший суд Гавайев, используя этот закон в качестве образца, официально объявил дезертирство с плантации преступлением на том основании, что рабочий так же нужен плантатору, как матрос судну на море².

Хозяйничание на островах американских миссионеров, торговцев и китобоев имело крайне тяжелые последствия для гавайского народа, приведя к невероятно быстрому вымиранию этого одаренного народа. Численность гавайского населения, составлявшая в конце XVIII в. 300—400 тыс. человек, по мере приобщения их к благам американской цивилизации сокращалась буквально катастрофическими темпами. В 1823 г. миссионеры исчисляли коренное население островов в 142 тыс. человек. По переписи 1832 г. население составляло 130 тыс. человек, а к 1853 г. оно сократилось уже до 70 тыс. человек³. За полстолетия погибло 300 тыс. гавайцев, и население Гавайев уменьшилось более чем в 4—5 раз.

Лишенный национального самосознания, раздробленный и обессиленный жестоким истреблением, гавайский народ не мог оказать активного сопротивления белым захватчикам. Попытки вооруженного сопротивления нашествию белых и их новым порядкам, вроде восстания сторонников старой, «языческой» религии, беспощадно подавлялись.

Единственным оружием гавайцев в борьбе с колониальным закабалением было пассивное сопротивление. Гавайцы не посещали миссионерские школы, не отдавали туда своих детей, избегали работы на плантациях, предпочитали вымирать, но только не итти в кабалу к иностранцам, не работать на них.

Особенное недовольство населения вызывала деятельность миссионеров, и только прямое насилие со стороны короля и вождей заставляло население мириться с ними. После смерти в 1832 г. регента Каахуману, который силой заставлял гавайцев подчиняться миссионерам, антимиссионерские настроения

¹ К Маркс. Капитал, т. I, стр. 741.

² Weinman. Указ. соч., стр. 5.

³ Kuykendall. Указ. соч., стр. 206.

населения проявились с особой силой. «В течение нескольких лет реакции против миссионеров церковная конгрегация (число верующих) сократилась, и многие из школ, основанных миссионерами, опустели»¹.

Несмотря на прибытие из США все новых партий миссионеров (число их с 1825 по 1840 г. составило 6), вовлечение гавайцев в христианство шло очень туго. С 1820 по 1838 г. в лоно протестантской церкви было вовлечено только 1259 человек. Население совершенно отказывалось посылать детей в миссионерские школы, и только взрослые посещали их по принуждению. Как указывает Шарп, «к 1833 г. всеобщая реакция против миссионеров стала особенно острой. Число школ начало сокращаться, и хотя они не все прекратили свою деятельность, многие из школьных зданий были совершенно заброшены»². Несомненно, что эта реакция была не чем иным, как выражением сопротивления населения деятельности миссионеров, направленной к вмешательству во внутренние дела островов, к подчинению себе политической власти на островах и жестокой эксплуатации со стороны иностранных торговцев и всей правящей верхушки.

Политический гнет американских протестантских миссионеров, захвативших власть на Гавайях, ощущало не только местное население, но и иностранцы других национальностей. Примером является преследование гавайскими властями французской католической миссии, прибывшей на острова в 1827 г., и гавайцев, обращенных ею в католичество. В 1829 г. гавайское правительство запретило гавайцам посещать католическую церковь. Не выполнившие приказ были посажены в тюрьмы и наказаны каторжными работами. Король Камехамеха II, по требованию американских миссионеров, издал закон, абсолютно запрещающий проповедь католицизма и пребывание католических священников на островах. На основании этого закона католических миссионеров неоднократно (с 1831 по 1835 г.) изгоняли с островов. Преследование католиков продолжалось почти 10 лет и в 1839 г. было использовано французским правительством для вооруженного вмешательства в дела Гавайев.

По мере установления политического гнета американцев на Гавайях, создания ими колониального режима грабежа и насилия шло усиленное проникновение и закрепление американского капитала на островах. Первоначально оно было

¹ Шагрэ. Указ. соч., стр. 72.

² Там же, стр. 73—74.

связано с развитием американского китового промысла на Тихом океане и превращением Гавайев в базу американского китобойного флота. Первое американское китобойное судно «Маро» прибыло на Гавайи в 1820 г. В 1822 г. в гавани Гонолулу швартовалось уже 60 китобойных судов, а к 1844 г.— 400. Снабжение китобойных судов, требовавшее разнообразных продуктов и материалов, вызвало появление на островах многочисленных американских фирм и ввоз большого количества товаров из США. На островах были созданы склады для хранения китового жира, верфи и т. п.

Возросло значение Гавайев и как морской станции в торговле США с Китаем и с западным побережьем Северной Америки.

Американцы становились монополистами в экономической жизни острова. К 1843 г. число американских резидентов на островах составило 400 человек (против 42 в 1816 г.), намного превышая численность всех иностранцев других национальностей. В порту Гонолулу одновременно находилось иногда до 1400 американских моряков. Собственность американцев на островах к этому времени составляла уже 1 млн. американских долларов, а сумма американского товарооборота, проходящего через острова (вместе со стоимостью судов),— от 4 до 7 млн. долларов¹.

3. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И БОРЬБА ДЕРЖАВ ЗА ГАВАИИ

Установление политического и экономического контроля американцев на островах сопровождалось внешнеполитическими мероприятиями США, направленными к закреплению этого контроля и предотвращению захвата Гавайев другими державами.

Эти мероприятия были связаны с двумя обстоятельствами:

1. С активизацией американской экспансии на Тихом океане в связи с овладением западным побережьем Северной Америки (приобретение Орегона и части Британской Колумбии в 1842 г., захват Калифорнии в 1848 г.) и постройкой железной дороги через Панамский перешеек в 1855 г. В условиях узкого еще (до гражданской войны 1861—1865 гг.) внутреннего рынка, при быстром промышленном развитии

¹ Dulles. Указ. соч., стр. 145—146.

восточных штатов, выход на Тихий океан вызвал резкое усиление экспансионистских настроений американской буржуазии, получивших на Тихом океане выражение в действиях Кушинга и Перри, в заключении агрессивных неравноправных договоров с Китаем (1844) и Японией (1854) и ряде других фактов.

2. С усилением борьбы держав за Гавайи. Несмотря на то, что американцам удалось захватить в свои руки контроль над островами, борьба держав за Гавайи не только не прекратилась, но, напротив, особенно обострилась. В первой половине XIX в. сначала Франция (в 1839 г.), за ней Англия (в 1843 г.), а затем снова Франция (в 1851 г.) с помощью силы вынудили у гавайского правительства ряд исключительных прав для своих подданных и даже пытались полностью захватить острова путем установления протектората над ними.

США не только принимали активное участие в этой борьбе, но, как указывалось выше, еще в 1826 г. прибегали к вооруженной интервенции на Гавайях для «урегулирования» расчетов американских торговцев с королем и вождями и вынуждения особых прав в пользу американских подданных.

В дальнейшем, в связи с попытками французов и англичан овладеть островами, американская военная интервенция на островах, наряду с контролем американских поселенцев над правительством, стала постоянной и выражалась в непрерывном пребывании на островах американских военных судов, пушки и морская пехота которых становятся с этого времени важнейшим фактором в политической жизни Гавайев.

Американское правительство, по внутривнутриполитическим условиям, господствовавшим в США в первой половине XIX в. (борьба между невольничьими и свободными штатами), не могло осуществить захвата островов и превращения их в формальную колонию США, ибо это встретило бы огромное сопротивление в конгрессе. Поэтому оно ограничивалось, с одной стороны, поддержкой господствующего положения в управлении островом и его экономикой, которое захватили американские резиденты, и, с другой стороны, оказанием сопротивления иностранным державам в их попытках овладеть Гавайями. Уже здесь на Гавайях в начале XIX в. проявился тот принцип американской внешней политики, который еще в 1823 г. был положен в основу доктрины Монро и впоследствии, в конце XIX в., получил отражение в доктрине «открытых дверей и равных возможностей» в Китае, — сохранять неприкосновенным со стороны других держав конку-

рентов поле будущей экспансии США, не позволять никому устанавливать свою монополию в Америке, на Гавайях, в Китае и т. д., с тем чтобы в будущем установить здесь американскую монополию.

Стремление американского правительства закрепить контроль над Гавайями в первой половине XIX в., т. е. в эпоху домонополистического капитализма, направлено было к тому, чтобы не допустить захвата островов какой-либо другой державой, сохранить их как объект будущей империалистической экспансии США.

Активные дипломатические действия в этом направлении правительство США предпринимало неоднократно, начиная с 40-х годов, когда Гавайи стали подвергаться вооруженному давлению со стороны Франции и Англии. Французская буржуазная монархия Луи Филиппа Орлеанского, которая в этот период проводила усиленную колониальную экспансию и пыталась закрепиться на Тихом океане, используя в качестве предлога факты преследования католических миссионеров на Гавайях, направила в 1839 г. на Гавайские острова фрегат «Артемиз». Прибыв на острова, командир фрегата Лаплас предъявил гавайскому правительству ультиматум, в котором, наряду с требованиями предоставления свободы религиозной деятельности католическим миссионерам, фигурировали такие пункты, как требование отмены запрета импорта французских вин и предоставления экстерриториальности французским подданным, в виде подсудности их только иностранному суду. Под угрозой пушек французского фрегата гавайское правительство было вынуждено принять ультиматум и заключить с Францией неравноправный договор, предоставлявший специальные привилегии французским подданным.

С 1840 г. гавайское правительство также непрерывно подвергалось давлению со стороны английского консула на Гавайях Ричарда Чарльтона.

Угроза независимости островов со стороны иностранных держав заставила гавайское правительство в 1842 г. послать специальную дипломатическую миссию в США, Великобританию и Францию для переговоров о гарантировании независимости Гавайев и заключении на этот предмет соответствующих договоров. Этот дипломатический шаг, повидимому, был инспирирован американцами, хотя американские историки указывают, что миссия была послана по совету губернатора известной английской компании Гудзонова залива Симпсона, который и вошел в состав миссии. В состав миссии, кроме него, входили американский миссионер Ричардс

и секретарь короля Тимоти Хаалилио¹. Первой страной, которую посетила миссия, были США. Симптоматично, что во время переговоров миссии с государственным департаментом США государственный секретарь Вебстер категорически отказался гарантировать независимость Гавайев² и заявил, что США лишь стремятся к тому, чтобы Гавайи не попали под исключительный контроль какой-либо иностранной державы³.

США не хотели связывать себя какими-либо обязательствами в отношении Гавайев и стремились к сохранению полной свободы действий, что свидетельствовало о намерении в будущем захватить острова.

Вебстер сделал от имени правительства США недвусмысленное заявление о том, что США категорически возражают против установления над Гавайями контроля какой-либо иностранной державы или получения ею исключительных прав. Заявление Вебстера гласило: «Что касается до мнения правительства Соединенных Штатов, то оно заключается в том, что правительство Сандвичевых островов должно быть уважаемо, ни одна держава не должна овладевать островами, ни в порядке завоеваний, ни для целей колонизации и ни одна держава не должна стремиться к какому-либо незаконному (undue) контролю над существующим правительством или к (получению) каких-либо исключительных привилегий или преимуществ в делах торговли»⁴. Это заявление, несомненно, было сделано по адресу Англии и Франции и официально направлено государственным департаментом их правительствам.

Во время последующего пребывания гавайской миссии в Европе в 1843 г. правительство США вновь получило повод еще раз сделать заявление о позиции США в отношении Гавайев в связи с действиями английского военного судна «Кэрисфорт». Капитан этого судна, прибывшего на Гавайи в 1843 г., по жалобе консула Чарльтона предъявил гавайскому правительству ультиматум, содержавший ряд невыполнимых требований с точки зрения сохранения независимости Гавайев, угрожая применением оружия в случае невыполнения их. Гавайский король, видимо, не без совета американцев, сделал дипломатический ход, явно рассчитанный на использование противоречий держав и вмешательство США.

¹ Shaгре. Указ. соч., стр. 87—89

² Там же.

³ Dulles. Указ. соч., стр. 150.

⁴ Kuykendall. Указ. соч., стр. 157.

Он объявил, что предъявление ультиматума заставляет его отказаться от суверенитета и отдать свое королевство под покровительство королевы Великобритании. На островах был поднят английский флаг и назначены временные английские власти. Одновременно гавайское правительство послало ноту правительству США с протестом против несправедливости и с просьбой «употребить высокое влияние США перед английским двором» для восстановления независимости Гавайев. Правительство США заявило протест правительству Великобритании и в письме государственного секретаря Лейгара американскому послу в Лондоне Эверетту вновь сформулировало свои претензии на Гавайи в следующих выражениях: «Имеется нечто настолько специфическое в отношениях между этой маленькой страной и нами, что мы чувствуем себя вправе, в соответствии с нашими собственными принципами, силой воспрепятствовать тому, чтобы она попала в руки одной из великих европейских держав»¹.

В одном из последующих заявлений правительства США вопрос о Гавайях тесно увязывался с вопросом об Орегоне и Калифорнии. Как указывает Даллес, «это показывает, до какой степени владение этими территориями в середине прошлого столетия ассоциировалось с идеей американского господства на Тихом океане»².

Под влиянием американского протеста правительство Великобритании дезавуировало действия капитана «Кэрисфорта», и «независимость» Гавайев была восстановлена.

Используя противоречия между Англией и Францией в вопросе о Гавайях, США добились того, что миссия гавайского правительства, посетившая вслед за США Англию и Францию, после длительных переговоров с правительствами этих двух стран получила известные гарантии. Английское и французское правительства в ноябре 1843 г. опубликовали декларацию, в которой они, «принимая во внимание существование на Сандвичевых островах правительства, способного обеспечить постоянство его сношений с иностранными нациями, сочли правильным принять взаимное обязательство рассматривать Сандвичевы острова как самостоятельное государство, и никогда не занимать в собственность, ни прямо, ни по титулу (праву) протектората и ни в какой другой форме, никакой части территории, из которой они состоят»³.

¹ Dulles. Указ. соч., стр. 153.

² Там же.

³ Kuykendall. Указ. соч., стр. 163.

Это, несомненно, была дипломатическая победа США в осуществлении их экспансионистских планов на Гавайях.

Несмотря на американские декларации о недопустимости вынуждения исключительных прав у Гавайцев, Великобритания в 1844 г. все же навязала Гавайцам неравноправный договор, аналогичный договору 1839 г. с Францией.

Правительство США также направило на Гавайи своего представителя Джорджа Брауна и в 1845 г. начало формальные переговоры о заключении договора о дружбе и торговле. Договор был заключен в 1849 г., причем США получили ряд особых прав, а именно: право наибольшего благоприятствования, привилегии для китобойных судов, гарантию прав собственности американцев и т. п.

В 1849 г. США вновь заявили о своих претензиях на Гавайи в связи с франко-гавайским конфликтом, сопровождавшимся высадкой французского десанта, занявшего форт, таможню и правительственные здания в Гонолулу. Заявив протест французскому правительству и предложив свое посредничество в улаживании конфликта, правительство США вновь указало, что оно никогда не позволит, чтобы острова попали во владение или под исключительный контроль какой-либо другой державы¹.

Президент США Тэйлор (1848—1852) выступил с официальным заявлением о том, что США будут с неудовольствием рассматривать «любую политику любой другой державы, которая будет угрожать захватом островов, колонизацией их или подчинением местного правительства»². Это заявление подкреплялось прямым вмешательством США в дела Гавайцев. США через американских советников принудили гавайского короля 12 марта 1851 г. объявить о переходе королевства под временный американский протекторат, который, в случае если конфликт с Францией не будет разрешен, должен стать постоянным. На островах был поднят американский флаг. Как отмечает Даллес, «при преобладании американцев в правительстве и при наличии одного из них в качестве министра иностранных дел, при огромном большинстве американцев в законодательном собрании, при контроле американцев по крайней мере над $\frac{3}{4}$ торговли островов — будущее поглощение Гавайев американской системой представлялось настолько логичным, что, если бы даже не было оккупации островов французскими силами, сильные

¹ Dulles. Указ. соч., стр. 155.

² Там же, стр. 151.

аргументы могли быть приведены в пользу мудрого решения короля об уступке им своей власти»¹.

Эти слова Даллеса подтверждают, что к 1849 г. власть на островах фактически находилась в руках американцев, хотя автор и умалчивает о том, каким путем она была захвачена.

Правительство США, опасаясь сопротивления конгресса, отказалось от протектората, но предупредило Францию, что «морское министерство получит указание направить и поддерживать морские силы (вооружения) США на Тихом океане в таком состоянии мощи и готовности, какое будет необходимо для сохранения чести и достоинства США и безопасности правительства Гавайских островов»². Французское правительство выразило изумление по поводу позиции США, но тем не менее вынуждено было отказаться от вмешательства в гавайские дела и пойти на урегулирование конфликта с гавайским правительством, признав таким образом фактический контроль США на Гавайях.

В 1854 г. Англия и Франция сделали представления гавайскому королю, выразив в них надежду, что король не имеет намерения отказаться от суверенитета Гавайев и уступить свою власть на островах какой-либо иностранной державе, подразумеваемая при этом США. Эта нота была вызвана опасением, что, хотя государственный секретарь Вебстер в 1851 г. заявил, что политика США в отношении Гавайев заключается в уважении независимости гавайских островов, что США не имеют намерений завладеть ими и настаивают на такой же политике со стороны других держав³, угроза присоединения Гавайев к США в 1854 г. была вполне реальной. Это было связано с резким усилением экспансии США на Тихом океане после присоединения к США Орегона и Калифорнии и прихода к власти демократа Пирса.

Президент Пирс (1852—1856) и его государственный секретарь Марки были яркими экспансионистами и добивались присоединения Гавайев к США. Для того чтобы оказать давление на короля Гавайев, в США и на островах усиленно муссировали слухи об организации в Калифорнии флибустьерской (пиратской) экспедиции на Гавайи, состоящей из различных авантюристов и искателей приключений, которые в то время в связи с открытием золота съехались в Калифор-

¹ Dulles. Указ. соч., стр. 155—156.

² Shagren. Указ. соч., стр. 77.

³ Куикендалл. Указ. соч., стр. 183.

нию не только из всех штатов США, но чуть ли не из всех стран мира. Эта экспедиция была блефом, посредством которого американская дипломатия стремилась, не прибегая к силе и не вызывая международных осложнений, напугать короля и заставить его согласиться на присоединение к США. Помимо того, на островах среди американского населения открыто велась пропаганда свержения монархии, провозглашения республики и присоединения островов к США на правах штата, подобного присоединению Техаса в 1845 г. Эта пропаганда велась плантаторами, заинтересованными в беспощинном ввозе гавайского сахара в США, что было возможно лишь при условии присоединения Гавайев к США.

Из состава правительства были выведены те американцы, которые выступали против присоединения и видели в этом угрозу своей власти (миссионер Джудд и Армстронг), а на их место назначены американцы — сторонники присоединения к США (как, например, бывший американский консул Аллен).

Поддавшись этому запугиванию и махинациям, король Камехамеха III в 1854 г. дал согласие на присоединение островов к США на правах штата при условии уплаты крупной компенсации (300 тыс. долларов ежегодно) королевской семье.

Для переговоров с королем о присоединении островов к США президент Пирс направил на Гавайи специального уполномоченного Грэгга. Грэгг после долгих споров о размере компенсации (боясь возражений конгресса, он соглашался на компенсацию только в размере 100 тыс. долларов) подписал договор на условиях, требуемых королем. Но утверждение договора королем и гавайским правительством задержалось ввиду сопротивления со стороны наследников короля, не желавших уступить власть. Споры вокруг договора затянулись до смерти короля Камехамеха III, а затем переговоры о присоединении к США были прерваны.

Уход Пирса с президентского поста и обострение внутриполитического положения в США (борьба между Севером и Югом) привели к тому, что американские притязания на Гавайи (так же как и притязания на Кубу, Порто Рико и страны Центральной Америки), свидетельствовавшие в то время лишь об особой хищности американского капитализма, были временно оставлены.

4. РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПЛАНТАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА НА ОСТРОВАХ

Создание плантаций на островах началось еще в первый период «освоения» Гавайев американцами, а именно в 1835 г., когда американская компания Лэдд (Ladd) получила от короля в аренду сроком на 50 лет крупный участок земли на острове Кавай и право найма местных рабочих для работы на плантациях сахарного тростника¹.

Но широкое развитие плантационного хозяйства в эти годы тормозилось земельной системой, существовавшей на островах, при которой крестьяне были обеспечены землей и не хотели работать на плантациях. «В то время крупнейшими препятствиями (для плантационного хозяйства.— Г. А.) были — система землевладения и абсолютный контроль, которыми располагали вожди над временем и трудом простого народа»².

В последующие годы, пользуясь земельными законами навязанными гавайцам американскими миссионерами, американские плантаторы захватили на островах крупные земельные площади и приступили к созданию плантаций сахарного тростника, кофе и риса. В 1838 г. на островах действовало 20 сахарных заводов, а площадь плантаций под сахарным тростником в 1853 г. достигла 3000 акров. Сахар вывозился в США. Экспорт сахара в 1860 г. составил 1,5 млн. английских фунтов, т. е. был еще очень невелик³. Наряду с сахарным тростником на островах выращивались кофе, рис и тропические фрукты. Для работы на плантациях использовались гавайские и привозные законтрактованные рабочие (преимущественно китайцы), но последних было немного. Выше указывалось, что первые 364 иностранных рабочих-китайца были ввезены на острова из Гонконга в 1853 г.

Однако до гражданской войны в США (1861—1865) площадь плантаций продолжала оставаться незначительной и продукция их не играла решающей роли в экономике Гавайев. Главное значение в этот период продолжал сохранять китобойный промысел.

В 70-х годах XIX в. плантационное хозяйство стало играть основную роль в экономике Гавайев и было использовано американским капиталом для полного подчинения себе всей

¹ Shaгpe. Указ. соч., стр. 100.

² Куукедаль. Указ. соч., стр. 201.

³ Там же, стр. 207.

экономики островов, придав развитию ее уродливый монокультурный характер. Известную роль в этом, наряду с захватом земли американцами, сыграли внешние факторы: усовершенствование технологического процесса производства сахара (изобретение центрифуги в 1851 г.); гражданская война в США, вызвавшая разрыв экономических связей между Югом и Севером и в огромной степени увеличившая спрос на гавайский сахар в северных штатах США; упадок китобойного промысла в результате распространения с 1859 г. керосина в качестве основного источника освещения, которым до этого был китовый жир. С прекращением китобойного промысла крупные американские капиталы на Гавайях были направлены в плантационное хозяйство.

С 1860 по 1865 г. экспорт сахара из Гавайев увеличился в 10 раз — с 1,5 до 15 млн. английских фунтов¹. В последующие годы он возрос еще более. Были созданы крупные плантационные компании, некоторые из них существуют и до настоящего времени (например, фирма Бревер и компания). Начинают играть все большую роль в экономической жизни страны будущие деятели «революции» 1893 г. плантаторы-миссионеры Доуль, Кастль, Смит, Кинг, Джонс и другие. Они «приобрели» на правах аренды у короля и вождей и путем захвата у крестьян самые плодородные и орошаемые участки земли. Плантаторы начинают играть все более крупную роль в политической жизни островов. Они берут курс не только на полное подчинение Гавайев интересам американского капитала, но и на аннексию Гавайев Соединенными Штатами, т. е. на формальное превращение их в колонию США. Подоплека этих стремлений была ясна. С целью выколотить как можно больше прибыли, американские плантаторы стремились обеспечить беспошлинный ввоз в США гавайского сахара, с которого в Штатах взималась довольно высокая ввозная пошлина. Как указывалось выше, эти стремления плантаторов были одной из причин американских махинаций, направленных к заключению договора о присоединении Гавайев к США, переговоры о котором велись в 1854 г. и едва не закончились аннексией Гавайев.

Следствием развития американского плантационного хозяйства на Гавайях было ускорение процесса истребления гавайцев. Согнанные с земли крестьяне в результате каторжного труда быстро вымирали. Эксплуатация гавайцев на плантациях достигала невероятных размеров. Рабочий день

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 225.

не был ограничен ничем, за исключением пределов физической возможности рабочего. Ввиду отсутствия скота на островах рабочие использовались в качестве тягловой силы. Их впрягали в плуги и производили на них вспашку полей. За этот каторжный труд они получали нищенскую плату в 12,5 цента в день и питание стоимостью в 1 цент.

Неудивительно, что первые десятилетия развития американского плантационного хозяйства на островах отмечены резким повышением смертности гавайского народа. Еще в 1832 г. коренное население Гавайев составляло 130 тыс. человек. К 1853 г. оно сократилось до 70 тыс. человек, к 1866 г.— до 57 тыс. человек, а в 1872 г. составляло уже лишь 50 тыс. человек¹.

Американская литература пытается изобразить этот чудовищный процесс истребления целого народа как результат неприспособленности гавайцев к условиям, в которых живет остальное человечество, их тепличности, отсутствия иммунитета к болезням и других «причин», выдуманных американскими «учеными» с тем, чтобы снять с американского капитализма вину за это истребление. Вот как описывает один из американских авторов причины быстрого вымирания гавайцев: «...вместе с оружием и спиртными напитками торговцев появились странные болезни, которых туземцы не знали и против которых они не обладали иммунитетом. Эпидемии лихорадки и чумы опустошили целые деревни. Венерические заболевания достигли необычайного распространения. Не было никаких действенных местных амулетов или лекарств, которые могли бы бороться с этими болезнями, неизвестными на островах до появления белых. Перемена обычаев, антисанитарные жилища, с множеством насекомых и микробов, концентрация (населения.— Г. А.) в больших деревнях, принуждение носить непривычную и часто неподходящую одежду, употреблять непривычную пищу, напитки — все эти явления были факторами в продолжающемся сокращении туземного населения»². В этом описании можно найти все причины, кроме основной — нечеловеческой эксплуатации, которой подверглись гавайцы во имя накопления его величества капитала, осуществлявшегося американскими торговцами и миссионерами, а еще раньше королем и вождями, действовавшими в качестве компрадоров американского торгового капитала.

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 223—225

² Барбер. Указ. соч., стр. 21.

Вымирание от болезней также вызывалось не природными особенностями гавайцев, а социальными особенностями, истощением их в результате непосильного труда и полным отсутствием медицинской помощи. Американские миссионеры, захватившие власть на Гавайях и так кичившиеся своей «цивилизаторской» миссией, до 1878 г. не ассигновывали каких-либо средств для оказания медицинской помощи населению и медицинского просвещения. Миссионеры-врачи, вроде д-ра Джудда, прибыв на Гавайи, вместо врачебной практики предпочитали заниматься «политической деятельностью», т. е. наживать капиталы путем эксплуатации и грабежа. Лишь в 1878 и 1880 гг. законодательное собрание, в связи с огромной смертностью детей от антисанитарных условий, «предприняло» первые медицинские «мероприятия» — отпустило средства на издание и распространение санитарных инструкций для туземцев. Но об обеспечении местного населения действительной врачебной помощью не было и речи. Даже знаменитая борьба с проказой, завезенной на острова американскими торговцами из Китая и получившей здесь к 1864 г. широкое распространение, превратилась в издевательство над населением.

Принятым в 1864 г. по инициативе миссионеров законом была предусмотрена полная изоляция больных в лепрозории. Под колонию прокаженных была выделена изолированная северная часть острова Молокай. Но здесь, несмотря на благоприятные природные условия Гавайев, для прокаженных были созданы такие нечеловеческие условия существования, что посылка на Молокай рассматривалась населением как наказание, более тяжелое, чем смертная казнь. Больные проказой тщательно скрывались родственниками от агентов правительства, и это привело к огромному распространению проказы, причиной которого явилась опять-таки политика американцев на Гавайях.

Катастрофическое вымирание населения чрезвычайно обострило проблему рабочей силы в американском плантационном хозяйстве на Гавайях. Перемолов на плантациях десятки тысяч гавайцев, ненасытный Молох капиталистической наживы начал поиски новых жертв. После того как острова почти обезлюдели, американские плантаторы через послушное им гавайское правительство начали разрабатывать планы иммиграции на острова дешевой рабочей силы из стран Востока для работы на плантациях. Расходы по ввозу иностранных рабочих возлагались на плечи гавайцев — гавайское правительство несло 50% всех расходов. Но до

1872 г. иммиграция иностранных рабочих еще не получила значительных размеров. К этому времени на острова было ввезено только 2 тыс. человек¹.

5. БОРЬБА ГАВАЙСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. УСТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА

Угроза аннексии островов Соединенными Штатами, т. е. полной потери национальной независимости Гавайев, существовавшей хотя бы номинально, заставила гавайскую знать оказать сопротивление планам американских плантаторов и вступить в борьбу за сохранение независимости страны. Предательская политика этой правящей верхушки в прошлом, ее полная капитуляция перед иностранцами, сращивание ее интересов с интересами иностранных торговцев, как указывалось выше, привели к гибели подавляющей части гавайского народа. Оставшаяся в живых часть гавайцев оказалась в полной экономической зависимости от американских поселенцев и в силу своей отсталости и раздробленности еще не могла играть какой-либо активной политической роли.

В этих условиях правящая гавайская верхушка после смерти настроенного проамерикански короля Камехамеха III в своей борьбе с американским засилем попыталась опереться на Англию, не оставившую попыток закрепить на Гавайях и ослабить позиции США. Пришедший к власти в 1854 г. внук Камехамеха I, принц Александр Лихолихо, правивший под именем Камехамеха IV, в силу своих личных симпатий и женитьбы на внучке англичанина Джона Юнга — Эмме Рук, был настроен проанглийски и пытался искоренить влияние американцев в правительстве. Частично это ему удалось, но представители американских торговцев и плантаторов — главный судья американец Ли и бывший уполномоченный президента Пирса Грэгг, занявший на Гавайях пост министра финансов, продолжали оставаться в правительстве вплоть до 1863 г.

Как внутреннюю, так и внешнюю политику правительства продолжали определять американские торговцы, судовладельцы и плантаторы, которые по конституции 1852 г. обладали большинством в законодательном собрании и держали в своих руках всю экономику островов. Поэтому, несмотря на

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 225.

антиамериканские настроения короля, внешняя политика Гавайев диктовалась интересами американских дельцов, которые стремились к аннексии островов Соединенными Штатами и, в крайнем случае, к заключению такого договора с США, который допускал бы беспощадную торговлю, т. е. окончательно превращал бы Гавайи в придаток Соединенных Штатов.

Переговоры о заключении такого «договора взаимности» велись неоднократно (в 1848 и 1852 гг.) еще до появления проекта договора о присоединении островов к США в 1854 г., но оказались неудачными вследствие сопротивления сахарных плантаторов Южных Штатов США (Луизиана — Флорида). Южные невольничьи штаты обладали большинством в конгрессе, что делало невозможным заключение такого договора. После неудачи, постигнувшей договор о присоединении Гавайев к США, переговоры о заключении договора о «взаимности» вновь возобновились, несмотря на антиамериканские настроения короля Камехамеха IV и неблагоприятную обстановку в США. В 1855 г., еще в бытность президентом Пирса, в США был направлен в качестве уполномоченного гавайского правительства для ведения переговоров американец Ли. Он согласовал условия договора и вместе с государственным секретарем США подписал его. Но сенат США, вследствие оппозиции сахарных плантаторов Луизианы, отказался ратифицировать договор. Такая же судьба постигла новую попытку гавайских плантаторов, сделанную в 1863 г.

Гражданская война, вызвавшая сильное повышение цен на сахар, временно разрешила проблему сбыта гавайского сахара и удовлетворила аппетиты американских плантаторов на Гавайях.

Прекращение гражданской войны в 1867 г., падение цен на сахар и, особенно, жесткая протекционистская политика правительства США после 1867 г. вновь до крайности обострили проблему сбыта гавайского сахара, производство которого в годы гражданской войны значительно увеличилось.

Сменивший короля Камехамеха IV его брат Лот, правивший под именем Камехамеха V, продолжал политику своего предшественника, стремясь освободиться от американского влияния и расширить власть короля. Он отменил, помимо воли законодательного собрания и конституционной ассамблеи, конституцию 1852 г., навязанную гавайцам американцами и ставившую короля и правительство под контроль законодательного собрания, составленного из американских резидентов. Объявленная королем конституция 1864 г.

ограничивала права избирателей, большинство которых составляли американцы, и значительно увеличивала власть короля. Он получил право составлять кабинет министров, назначать членов палаты нобилей, а также назначать членов законодательного собрания на правительственные должности и таким образом влиять на их позицию.

Несмотря на сопротивление американских резидентов, создавших в законодательном собрании специальную оппозиционную партию, так называемую партию «реформ», для борьбы против короля и конституции 1864 г., последняя просуществовала более 20 лет и пользовалась широкой поддержкой гавайского населения, рассматривавшего ее как известную гарантию независимости Гавайев перед лицом американской агрессии.

Этот успех гавайской правящей верхушки в борьбе с американским засилием оказался возможным в условиях временного свертывания политической и экономической экспансии США на внешних рынках в годы гражданской войны и первые десятилетия после нее.

Действия короля Камехамеха V, как и в последующем действия его сестры королевы Лилюокалани, свергнутой в 1893 г. американцами, американские историки пытаются представить как реакционную политику, как попытки вернуться от демократической парламентской формы правления к абсолютизму, как контрреволюцию. В действительности их действия представляют собой проявление активности феодально-дворянской верхушки, опасавшейся полной потери своих привилегий, то, что товарищ Сталин называет «феодално-монархическим национализмом»¹. Под флагом этого национализма гавайское дворянство и пыталось в своих интересах бороться против колониального гнета американского капитала, который уже в первой половине XIX в., т. е. на заре хваленной американской демократии, использовал парламентаризм, избирательное право, конституционные гарантии и другие институты буржуазной лжедемократии как орудие обмана и угнетения слабых и экономически отсталых народов.

Эта половинчатая борьба гавайской монархии и дворянства за сохранение своих привилегий не могла привести к победе. Действительными хозяевами на Гавайях продолжали оставаться американские миссионеры, плантаторы и торговцы. Испытывая затруднения со сбытом гавайского сахара после

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 32.

окончания гражданской войны в США, американские плантаторы на Гавайях через американского посла Мак Кука возобновляют в Вашингтоне переговоры о заключении «договора взаимности». Правительство США дало свое согласие, и гавайское правительство под нажимом плантаторов вынуждено было направить в Вашингтон министра финансов американца Гарриса для переговоров о заключении договора. Не доехав до Вашингтона, он в Сан-Франциско встретил Мак Кука, получившего соответствующие инструкции от правительства США, и они совместно составили и 21 мая 1867 г. подписали договор, который под давлением плантаторов был немедленно ратифицирован гавайским правительством, несмотря на то, что ряд пунктов договора, с точки зрения гавайского правительства, являлись неприемлемыми.

Но в конгрессе США договор отнюдь не вызвал такого воодушевления, как у гавайских плантаторов. Озабоченный проблемами послевоенного восстановления, требовавшего значительных финансовых средств, конгресс оказывал сопротивление экспансионистским замыслам и авантюрам генерала Джонсона, временно занявшего пост президента США после убийства Линкольна в 1855 г. Конгресс проваливал один за другим многочисленные договоры, заключенные государственным секретарем экспансионистом Сьюордом, и отклонял все его требования об объявлении протектората над различными территориями в Караибской Америке и над островами Тихого океана. Эта судьба постигла и договор с Гавайями. Он встретил сильную оппозицию в сенате, где противники его указывали на то, что он продиктован лишь интересами гавайских плантаторов и калифорнийских сахарозаводчиков и, не принося никакой пользы США, значительно снизит поступления от пошлин. В результате, после нескольких откладываний, сенат 1 июня 1870 г. отказал в ратификации договора.

Король Камехамеха V умер в 1872 г., не оставив наследника, что вызвало борьбу за трон со стороны нескольких претендентов. Влияние американцев во внутривнутриполитической жизни островов с этого момента вновь резко возросло. Используя для «выборов» короля законодательное собрание, где американцы располагали большинством, они посадили на престол одного из племенных вождей — Лунолило, американскую марионетку, послушно выполнявшую все указания своих хозяев. Немедленно по «избранию» на трон в январе 1873 г. Лунолило назначил кабинет министров, состоящий почти целиком из американцев, и по требованию американской

торговой палаты на Гавайях предпринял шаги для возобновления переговоров о заключении «договора взаимности». Среди американских резидентов вновь широко развернулась агитация за «присоединение» к США. Но, как указывает даже американский историк, «местное население было настроено настолько оппозиционно, что не имело смысла говорить об этом»¹.

Используя благоприятную ситуацию, США через своего посла попытались вынудить у Гавайцев, в обмен на согласие допустить беспошлинный ввоз в США гавайского сахара, определенную территориальную уступку, а именно предоставление в собственность США места для морской станции. Такое место было выбрано военно-морскими властями и специальной военной комиссией, посетившей Гавайи в 1873 г. и представившей военному министру США секретный доклад о военных возможностях Гавайев². Это была лагуна при впадении в море Жемчужной реки, впоследствии получившая название Пирл-Харбор. Правительство, назначенное королем Лунолило из американцев, пошло на эту территориальную уступку. Согласие правительства вызвало огромное негодование гавайцев, и оппозиция была настолько велика, что американцы потеряли надежду на утверждение договора даже в законодательном собрании, несмотря на большинство, которым они здесь располагали. Предложение было отклонено королем, и заключение договора не состоялось. Однако это была лишь временная отсрочка. Власть американского капитала над островами непрерывно усиливалась.

К 1872 г. иностранное население достигло 5 тыс. человек, или 10% всего населения, и большинство его составляли американские резиденты. Они продолжали добиваться все большего контроля над управлением, не останавливаясь перед вооруженным вмешательством во внутренние дела страны.

Случай для этого представился в 1874 г., когда умер американский ставленник Лунолило, процарствовавший всего два года. Вокруг королевского престола вновь завязалась борьба. Претендентами на престол были: англичанка Эмма, жена покойного Камехамеха V, и один из видных вождей — Калакауа. Так как Калакауа был ставленником американцев, то симпатии народа, стремившегося свергнуть гнет американцев, были на стороне антиамериканской партии. С помощью послушного им большинства в законодательном собрании аме-

¹ Куукендэлл. Указ. соч., стр. 233.

² Варбер. Указ. соч., стр. 30.

риканцам удалось добиться избрания королем Калакауа. Это вызвало большое волнение в народе, что свидетельствовало о накаленности политической обстановки и росте национального самосознания. Гавайцы отказывались далее безропотно подчиняться тирании американских капиталистов. Во время голосования в законодательном собрании толпа гавайцев, требовавших избрания Эммы, окружила помещение и напала на членов комитета, избранного для провозглашения королем Калакауа. Гавайцы, члены законодательного собрания, голодовавшие за Калакауа, подверглись избиениям и оскорблениям, как изменники. Помещение законодательного собрания было разгромлено.

Гавайский народ недвусмысленно продемонстрировал свое отношение к политике американцев, направленной к закабалению.

Это проявление воли гавайского народа заставило США, прикидывавшихся до сих пор другом гавайцев, якобы защищавших Гавайи от порабощения Англией и Францией, показать свое настоящее лицо. С американских и английских военных кораблей «Тускарора», «Портсмут» и «Тедус» немедленно были высажены десанты морской пехоты «для восстановления порядка» и охраны жизни и имущества иностранцев. Американские солдаты пробыли на берегу в течение недели, пока новый король не утвердился у власти и сторонники королевы Эммы не прекратили сопротивления.

Это была не первая и не последняя вооруженная интервенция США на Гавайях. Но если интервенция, произведенная американским судном «Дельфин» в 1826 г., была интервенцией, направленной против короля и вождей, то интервенция 1874 г. и последующие были уже интервенциями, направленными против народа, национальное самосознание которого проснулось и выросло. Это вызвало заметное беспокойство американских правящих кругов, империалистические тенденции которых начали проявляться все более отчетливо под влиянием начавшегося процесса превращения американского промышленного капитализма в капитализм монополистический.

Экспансионистские стремления правительства США в отношении Гавайев умело подогревались американскими плантаторами, запугивавшими через прессу американское общественное мнение слухами об усилении экономических связей Гавайев с английскими доминионами — Австралией, Новой Зеландией — и о предстоящем якобы заключении «договора взаимности» между ними и Гавайями. Действительно,

гавайские плантаторы значительно увеличили экспорт сахара в эти страны, который в 1873 г. достиг более 30% всего вывоза сахара из Гавайев¹. В то же время шовинистическая пресса усиленно терроризировала общественное мнение слухами о стремлении Англии захватить Гавайи, в связи с намерением последней использовать острова в качестве кабельной станции для трансатлантического кабеля Канада — Австралия.

С приходом к власти Калакауа поспешно были вновь начаты переговоры о заключении «договора взаимности» с США. В США была направлена специальная гавайская миссия в составе американцев Аллена (бывший американский консул на Гавайях) и Картера. Вслед за ними выехал и король, которому в Вашингтоне был устроен торжественный прием. Король был принят президентом Грантом и представлен конгрессу. В короткий срок, к январю 1875 г., переговоры были закончены и договор подписан. В марте 1875 г. договор был уже ратифицирован сенатом.

Такая поспешность, которую объясняли исключительно опасением захвата островов Великобританией, в действительности была продиктована стремлением окончательно подчинить Гавайи и экономически привязать их к США, для того чтобы подавить недовольство гавайского народа и укрепить положение короля Калакауа, с одной стороны, и удовлетворить интересы гавайских плантаторов и сахарной монополии США — сахарного треста — с другой.

Сахарный трест, так же как и гавайские плантаторы, был заинтересован в беспощинном ввозе неочищенного гавайского сахара в США, с целью очистки его на рафинадных заводах Калифорнии и дальнейшего монопольного сбыта на внутреннем рынке. Содержание договора ясно показывает наличие этих целей. Договор 1875 г. предусматривал, что неочищенный сахар, рис и другие продукты, производимые на Гавайях, должны беспощинно допускаться на американский рынок.

В свою очередь, большое число продуктов и промышленных изделий США должны были беспощинно допускаться на Гавайи, что превращало острова в монопольный рынок сбыта для американской промышленности.

Американская монополия закреплялась тем, что Гавайи согласились на все время действия договора не заключать подобного договора ни с какой другой страной, не сдавать в

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 253.

аренду и не передавать каким-либо другим образом портов, гаваней или других частей гавайской территории иностранным государствам, а также не предоставлять им каких-либо привилегий или прав пользования таковыми. Этот пункт был включен в договор по прямому настоянию США, которые без этого пункта не соглашались на заключение договора¹.

Договор экономически превращал Гавайи в монопольную сферу влияния США, фактически в ее колонию, являлся ярким проявлением нового империалистического направления американской внешней политики, пока что в форме захвата экономического господства над другими странами. О том, что договор 1875 г. являлся орудием империалистического закабаления Гавайев со стороны США, ярко свидетельствует тот факт, что после 1883 г. этот договор уже официально был использован для вынуждения у гавайского правительства территориальных уступок в пользу США. Используя обусловленную договором 1875 г. полную зависимость гавайской экономики от США и стремление гавайского правительства продлить договор по окончании срока его действия в 1883 г., США потребовали в качестве условия продления договора предоставление им исключительного права пользования гаванью Пирл-Харбор для создания там угольной и ремонтной станции для судов, т. е. фактически базы военно-морского флота США². Это был явно империалистический акт. Он особенно характерен для сдвигов, произошедших в этот период во внешней политике США. Инициатором его явилась даже не исполнительная власть США, т. е. не президент и его кабинет, а законодательная, в лице сената. Сенат дал согласие на продление договора на 7 и более лет только при условии предоставления США исключительных прав на Пирл-Харбор. Согласие было дано гавайским правительством, договор 1875 г. был возобновлен в 1884 г. и продолжал сохранять свою силу вплоть до формальной аннексии островов Соединенными Штатами в 1898 г.

Американский историк Пратт характеризует договор 1875 г. как документ, означавший превращение Гавайев в колонию США: «Этот договор, допускающий беспрошленно в каждую из стран основные продукты другой страны и обязывающий гавайское правительство не уступать какой-либо порт или территорию королевства любой другой державе, в действительности превращал Гавайи в экономическую

¹ Куыкэндэлл Указ. соч., стр. 252.

² Там же, стр. 258—259.

колонию США, и многие рассматривали его как шаг, предшествующий политической аннексии, которая уже была предметом переговоров между двумя правительствами»¹.

Договор создал исключительно благоприятные условия для внедрения американского монополистического капитала и превращения островов в вотчину сахарного треста США. Американские капиталовложения на островах за 15 лет (с 1877 по 1893 г.) увеличились до 33 млн. американских долларов, главным образом за счет притока из США капиталов, контролируемых сахарным трестом. Сахарный король Калифорнии Клаус Спрекелс вложил в сахарные плантации на Гавайях огромные суммы. К 1897 г. только на плантациях, принадлежащих Спрекелсу, производилось 45 тыс. т сахара из общего производства в 235 тыс. т, т. е. почти 20%.

Американские монополии начали свою деятельность на Гавайях со строительства крупных ирригационных систем, которые позволили им взять под свой контроль, а затем захватить в собственность большие площади земли. В 1876 г. американские плантаторы Александер и Балдвин построили на острове Мауй ирригационный канал Хамакуа длиной 17 миль. Вскоре Спрекелс выстроил второй ирригационный канал длиной 30 миль на этом же острове. Остров Мауй был превращен в огромную сахарную плантацию, принадлежащую нескольким компаниям. Такие же ирригационные каналы были выстроены крупными американскими компаниями на других островах. Это ирригационное строительство явилось мощным средством закабаления крестьян и захвата земли со стороны американского монополистического капитала.

Внешняя торговля островов, увеличившаяся с 5 млн. долларов в 1877 г. до 20 млн. в 1890 г., почти целиком оказалась в руках американских компаний, операции которых составляли 75% гавайского экспорта и 99% гавайского импорта. Экспорт сахара из Гавайев за это время увеличился с 25 млн. американских фунтов в 1875 г. до 250 млн. в 1890 г. и почти весь направлялся в Соединенные Штаты. Вся экономика островов в той мере, в которой это было выгодно американскому капиталу, оказалась подчиненной ему. Наибольшие выгоды от эксплуатации населения островов извлекали американские сахарные плантаторы и сахарозаводчики Калифорнии, тесно связанные между собой и контролируемые сахарным трестом США. Они захватили в свои руки огром-

¹ Pratt. Указ. соч., стр. 33.

ные земельные площади на островах и превратили их в плантационный заповедник. Как указывает Пратт: «Лучшие пахотные земли большей частью перешли в руки людей этого класса (американских плантаторов.— Г. А.). Крупные плантации, принадлежащие белым и обрабатываемые восточными рабочими — китайцами и японцами, — стали характеризовать гавайскую экономику»¹.

Не имея возможности использовать местное население ввиду его малочисленности и пассивного сопротивления, оказываемого им — захватчикам, американские плантаторы в широких размерах стали ввозить на Гавайи дешевую рабочую силу из стран Востока. Эти рабочие, вынужденные за грошовую плату (3 долл. в месяц) работать в условиях принудительного нечеловеческого труда, тысячами вымирали от истощения и болезней, и ввоз на смену умирающим все новых и новых желтых рабов привел к тому, что вместо истребленных гавайцев острова оказались заселенными выходцами из всех стран Восточной Азии. Стремясь максимально ослабить сопротивление ввозимых рабочих колониальной эксплуатации и не допустить образования на островах компактной национальной группы, плантаторы ввозили рабочих различных национальностей — китайцев, японцев, филиппинцев, португальцев, полинезийцев, искусственно раздували национальную вражду между ними и остатками коренных обитателей островов — гавайцами.

С 1877 по 1890 г. ввоз иностранных рабочих на Гавайи, по несомненно преуменьшенным данным, пытающимся скрыть огромную смертность законтрактованных рабочих на плантациях, составил 55 тыс. человек, из которых свыше 50% китайцев.

В связи с увеличением китайского населения на Гавайях, американцы одновременно с антикитайскими погромами и запрещением эмиграции китайцев в Калифорнию в начале 90-х годов добиваются запрещения въезда их на Гавайи. Вместо китайцев начинает широко практиковаться ввоз японских и португальских рабочих, и в 1886 г. даже заключается соответствующее соглашение с японским правительством.

В то же время продолжается процесс дальнейшего вымирания гавайцев, численность которых, несмотря на причисление к ним лиц, родившихся от смешанных браков, к 1890 г. сократилась до 41 тыс. человек, т. е. 10% первоначального

¹ Pratt. Указ. соч., стр. 35.

населения островов. Удельный вес гавайцев, которые еще в 1878 г. составляли 82% населения островов, к 1890 г. снизился до 45%¹. По данным, приведенным Даллесом², численность гавайцев к 1890 г. составляла всего 34 436 человек.

Угроза полного вымирания заставила гавайцев усилить борьбу с американским закабалением. Широкие круги гавайского народа стали осознавать, что существование и дальнейшая судьба их зависит от того, в какой мере им удастся отстоять свои права от притязаний американских колонизаторов. В условиях отсутствия местного пролетариата — класса, который мог бы возглавить борьбу за национальную независимость, борьба вновь приняла форму движения за сохранение прав короля, гарантированных конституцией 1864 г., против притязаний американцев на восстановление конституции 1852 г., которая всю полноту власти сосредоточивала в руках иностранных резидентов.

В свою очередь, американские плантаторы, сосредоточив в своих руках экономическую власть на островах и имея возможность оказывать давление на зависимых от них гавайцев, занятых на плантациях, в магазинах, складах и конторах, развернули ожесточенную кампанию против короля и его правительства, используя для этого все средства. Подсывая королю различных проходимцев и авантюристов, американцы дискредитировали его правительство. Не без их помощи на островах была совершенно дезорганизована финансовая система. Американская печать обвиняла правительство в коррупции, хищениях, запущенности борьбы с проказой, отравлении населения спиртными напитками и развращении азартными играми. Для этого имелись известные основания, но причиной их были опять-таки сами американцы, подвизавшиеся в правительстве, в частности некто Гибсон, американский мормонский проповедник, прибывший на острова в 1861 г.

Все эти грязные махинации понадобились американцам для того, чтобы опорочить национальное движение за независимость, получившее широкое развитие среди гавайцев и проходившее под лозунгом «Гавайи для гавайцев». Американцы в своей кампании против этого движения дошли до того, что стали обвинять гавайцев в пропаганде расовой ненависти к американцам.

¹ Kuykendall. Указ. соч., стр. 256—257.

² Dulles. Указ. соч., стр. 167.

К 1887 г. американцы, чтобы создать видимость оппозиции против короля, организовали «прогрессивную» массовую организацию, так называемую «Гавайскую лигу». Все руководители лиги были американцами, но в число членов ее было включено, под давлением американских хозяев, много гавайцев. В лиге было «радикальное» крыло, выражавшее интересы плантаторов, требовавших свержения монархии, установления республики и присоединения Гавайев к США, и консервативное, требовавшее лишь ограничения власти короля в пользу белых. Члены лиги — американцы были вооружены и ждали лишь благоприятного предлога для того, чтобы выступить против короля.

Такой предлог представился в июне 1887 г., в связи с выдчей правительством Гибсона разрешения на продажу опиума. Демагогически воспользовавшись этим, лига, или, вернее, ее американские хозяева, собрали митинг, на котором было принято решение предъявить королю требования: 1) убрать Гибсона и его кабинет; 2) назначить новый кабинет из ответственных лиц, который обеспечил бы разработку и принятие новой конституции; 3) не вмешиваться в работу нового кабинета, законодательного собрания и не оказывать влияния на ход выборов в последнее. Под воздействием силы в лице вооруженных членов лиги, которую американцы готовы были применить, а также под угрозой американских штыков с военных кораблей, король вынужден был немедленно принять эти требования¹.

Сенатор Петтигрю, известный антиэкспансионист, в своей речи в сенате США 6 июля 1888 г. указывал, что «конституция 1887 г. была вынуждена у короля... посредством угроз убить его и свергнуть его правительство, со стороны этих же самых лиц (речь шла об американских сахарных плантаторах.— Г. А.)².

Созданное по указке американцев правительство в короткий срок разработало новую конституцию, которая 7 июля 1887 г. уже была введена в действие. Формально конституция 1887 г. являлась лишь ревизией конституции 1864 г., но фактически вносила в нее ряд крупных изменений, а именно: обязательность согласия законодательного собрания для назначения и смещения кабинета министров; обязательность одобрения кабинетом всех исполнительных актов короля; выборность палаты нобилей, члены которой по конституции

¹ Pratt. Указ. соч., стр. 75—79.

² Pettigrew. Указ. соч., стр. 91.

1864 г. назначались королем; высокий имущественный ценз для избирателей по выборам в палату нобилей (владение имуществом в 3 тыс. долл. или годовым доходом в 600 долл.); такой же имущественный ценз был установлен для депутатов в законодательное собрание; предоставление избирательных прав иностранцам американского или европейского происхождения при наличии имущественного ценза и присяги в поддержке конституции; лишение членов законодательного собрания права занимать правительственные или общественные посты.

Все эти изменения имели одну цель — поставить законодательное собрание, а через него короля и правительство, в полную зависимость от американских капиталистов. И конституция 1887 г. в полной мере отвечала этой задаче. Выборность депутатов палаты нобилей, которые раньше назначались королем и служили его опорой, и высокий имущественный ценз и для депутатов и для избирателей превращали эту палату в опору американских колонизаторов, владевших 80% богатств острова. Членами законодательного собрания также могли быть только богатые люди, т. е. опять же американские капиталисты, ибо только они могли не занимать правительственных и общественных постов. Кабинет министров оказывался теперь полностью ответственным перед этим законодательным собранием, представляющим интересы американцев¹.

Этот переворот, который американские историки Гавайев громко называют «революцией 1887 г.», окончательно отдал в руки американцев всю политическую власть на островах. Вместе с договором 1875 г., который означал установление экономического господства американского капитала, переворот 1887 г. устанавливал политическую диктатуру американских плантаторов, превращая острова в колонию США, и являлся подготовительным шагом к свержению монархии и аннексии островов Соединенными Штатами. Это произошло уже в империалистический период американской экспансии на Гавайях, о наступлении которого свидетельствовали события 1875—1887 гг.

Эти события, вместе с тем, являлись важными вехами, показывающими развитие процесса перерастания американского промышленного капитализма в капитализм монополистический, со свойственной ему империалистической политикой экспансии и захвата чужих территорий.

¹ Куыкэндэлл. Указ. соч., стр. 271.

* * *

История американской экспансии на Гавайях — это не только история превращения этих цветущих островов, «парадиза (рая) Тихого океана», как их часто называют американцы, в колонию США, — это также история насаждения капиталистических отношений на островах, история «освобождения» гавайцев от средств производства и уничтожения этого одаренного, жизнедающего народа, отличающегося своеобразными обычаями, музыкой, поэзией, искусством.

Американские морские торговцы, протестантские миссионеры, различные авантюристы и проходимцы, наводнившие острова в первой четверти XIX в., захватили власть, поработили местное население и за 50 лет своего господства накопили огромные капиталы. Единственным объектом их эксплуатации был гавайский народ. Начав с хищнической торговли и неэквивалентного обмена на разные погремушки и промышленные товары ценной продукции островов, они с помощью правящей верхушки начали прибирать к своим рукам все богатства островов и эксплуатировать коренных обитателей их — гавайцев. Но, как указывает Маркс, в колониях «капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде»¹.

История американской экспансии на Гавайях — это прежде всего история насильственного устранения существовавшего здесь способа производства и экспроприации непосредственных производителей.

Эта экспроприация непосредственного производителя, составляющая основу процесса первоначального накопления, «в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»². Но во всех случаях она, как писал Маркс, «производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей»³.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1949, стр. 768.

² Там же, стр. 721.

³ Там же, стр. 765.

Характеризуя методы экспроприации производителя в эпоху первоначального накопления в области земледелия, Маркс писал:

«Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, осуществляемое путем узурпации и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала...»¹.

Как показывают приведенные в данной работе материалы, закабаление Гавайев американским капиталом воспроизводит картину первоначального накопления капитала, так ярко нарисованную Марксом в XXIV главе «Капитала». Методы колониального закрепощения гавайцев американским капиталом во многом совпадают с методами, характерными для процесса первоначального накопления капитала.

Процесс колониального закрепощения гавайцев не ограничился только экспроприацией земельной собственности и освобождением производителя от земли. Для него были характерны и кровавое законодательство против экспроприированных и методы принудительного труда, воплощенные в чудовищных террористических законах, с помощью которых американский капитал пытался приучить свободных гавайцев к «дисциплине наемного труда плетками, клеймами, пытками»².

Для методов, использованных американцами через посредство захваченной ими государственной власти, характерны и такие, как принудительное регулирование заработной платы экспроприированных гавайцев с помощью ввоза дешевой рабочей силы из стран Востока, используемой в форме принудительного «контрактного труда»; использование государственного долга и налогового обложения для усиления эксплуатации населения и др.

Все эти методы в условиях Гавайев носили своеобразную форму, отличную от методов первоначального накопления в странах Европы в XVI в., и носили особенно хищнический характер, ибо они применялись в эпоху зрелого капитализма и в колониальной стране, жители которой не считались американскими торговцами, моряками и миссионерами за

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 737.

² Там же, стр. 741.

людей и в отношении которых все было «законно» и дозволено.

При этом на стороне американских торговцев и миссионеров была поддержка государственной власти США в виде пушек и морской пехоты американских военных кораблей, которые пускались в дело всегда, как только затрагивались «интересы» американского капитала, т. е. как только хищнический процесс колониального закрепощения Гавайев чем-либо тормозился.

Маркс в «Капитале», приводя слова Хоуита из его сочинения «Колонизация и христианство» о том, что «варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которых им удавалось поработить себе, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных»¹, указывает в примечании, что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию»².

В качестве примера Маркс указывает на историю голландского колониального хозяйства, которая в XVII в. «развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей»³.

Колониальная политика американского капитализма на Гавайях в XIX в. не уступала зверской колониальной политике Голландии и Англии в эпоху первоначального накопления капитализма, хотя и прикрывалась лживо-лицемерными заявлениями и декларациями и обставлялась всевозможными учреждениями и правовыми институтами лживой буржуазной демократии. Она даже превосходила своей жестокостью голландскую и английскую «цивилизаторскую» деятельность, ибо привела к почти полному уничтожению целого народа, от которого к концу XIX в. осталась лишь немногочисленная группа людей (менее 40 000 человек), истощенных непосильным трудом, болезнями и частично потерявших национальный облик.

Более 360 тыс. гавайцев из 400 тыс., обитавших на островах в конце XVIII в. (т. е. 90%), были принесены в жертву колониальной экспансии США.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 755.

² Там же, стр. 755, примечание 241.

³ Там же.

Уничтожение целого народа и освобождение жизненного пространства для рыцарей наживы и доллара — таков был итог первого, доимпериалистического периода американской экспансии на Гавайях, освещению которого посвящена настоящая работа.

Изложенные в работе данные позволяют прийти к тому бесспорному выводу, что американские торговцы, протестантские миссионеры, пуритане Новой Англии, эти, по словам Маркса, «виртуозы торгового протестантизма»¹, выплачивавшие в свое время крупные премии за каждый индийский скальп, включая скальпы женщин и детей, и плантаторы — являются виновниками чудовищного истребления гавайского народа.

Следующий период американской экспансии на Гавайях — период борьбы за Гавайи с японским империализмом, одержавшим в то время победу над Китаем и предъявившим претензии на господство в Тихом океане, период освоения Гавайев американским монополистическим капиталом и превращения их в огромную колониальную плантацию, сопровождавшийся аннексией островов и использованием их в качестве базы дальнейшей экспансии американского империализма на Тихом океане, — характеризовался уже эксплуатацией труда преимущественно привозных рабочих — китайцев, японцев, филиппинцев, — дешевых колониальных рабов, доступ которым в США был закрыт, но которых американский монополистический капитал мог беспрепятственно эксплуатировать на Гавайях.

~~BIBLIOTEKA
WYŻSZEJ SZKOŁY PEDAGOGICZNEJ
w GDAŃSKU~~

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 756.

СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Дьяков. Национальное движение на юге Индии после второй мировой войны	3
Г. Шмидт. К вопросу о народонаселении Индии	51
З. Петруничева. Национально-освободительное движение в княжестве Кашмир (Его развитие и подъем в 1946—1947 гг.) .	157
Г. В. Астафьев. Колониальная политика США на Гавайях в доимпериалистический период (1790—1890 гг.)	225

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редакторы: *Ц. М. Подгоренская и В. Р. Швейковская*
Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 4204. Т-08056. Издат. № 2701.
Тип. зак. № 458. Подп. к печ. 30/X 1950 г.
Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 17¹/₄. Бумажн. лист. 8,625.
Уч.-издат. 16 л. Тираж 5000
Цена в переплете 16 руб.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

BIBLIOTEKA
UNIERSYTECKA
GDAŃSK

C1151828

H.10/CZ